

С (148)
У-40

УЛУГ-ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

3

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ—1956

ТУВИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ СССР

УЛУГ-ХЕМ

ТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

3

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ—1956

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Салчак Тока.

СЛОВО АРАТА

(Главы из второй книги)

ЗА ПАРТИЗНАМИ

Под Сарыг-Сепом, на бурливом Каа-Хеме, боев не было: беляки перекинулись на ту сторону реки, местные бан разбрелись по своим заимкам и стойбищам.

Переходя от больших дворов с тесовыми воротами и заборами к тщедушным полуземлянкам на окраине Сарыг-Сепа, я стал все яснее различать слова ненависти и сочувствия: «Бездомные твари,— разважничались! Сорвалась кожа с колодки — ту же прежнего распялим и прихватим гвоздями, уж не сорвется»,— грозились бан. «За партизанами отвели мы свободу, она очень понравилась нам, пути-дороги Советской России самые верные; хоть уйдут сейчас партизаны,— когда нужно будет, опять вернутся, да и мы уже маленечко размяли свои кости»,— поговаривали араты из бедняков.

Когда ушли партизаны, в Сарыг-Сепе объявился человек по имени Мыкылай¹. Он говорил о себе: «Коммунист буду». Из себя — высокий, дородный, лет тридцати. Ходил без бороды, всю сбривал начисто и чуть-чуть оставлял только над верхней губой. Пояс был у него ремённый, рубаха солдатская, брюки — на тебе, полюбуйся—кожаный чепрак и только. Пошло по деревне и окрестным юртам — человек, мол, новый, интересный собой,—и привалил народ сам, без вызова и наказания, посмотреть человека, поговорить о новой жизни. И я в шину забрался — посматриваю, послушиваю. Кругом голоса шумят, а Мыкылай все голоса приглушил.

— Слышите, люди, дорогие товарищи, знайте все—пришло новым аратам полное право, а баям — слышите, люди?—когда давно вышел конец со всеми ихними самодурствами. Добро это время бедному человеку, как мы будем с вами, дорогие

¹ Мыкылай — тувинское народное произношение имени Николай.

товарищи, предоставила в Советской России партия большевиков во главе с товарищем Лениным.

Острые слова Мыкылая впивались в свежую память — в ней еще не выцвела народная кровь, не обсохли слезы у тех, кого давно уже иссушило горе по замученным отцам, братьям и сыновьям,— и звенел его голос над Сарыг-Сепом, как дингой колокол.

— Что правда, то правда! Правильно, Мыкылай! Вот человек! — отзывались гулко в толпе.

— Так-то оно... — протянул парасев тонко и высоко сухо парый дядя с распушившейся перепутанной бородой, — в затейливых завитушках, как осеннее перекати-поле, — часто моргая и чуть заметно посмеиваясь в губу. Это был Попов — беднейший из бедняков Сарыг-Сева. Вытянув к Мыкылаю обе руки, точно хотел от него принять что-то большое, он продолжал: — А Масловы, Мелегины, Чолдак-Степаны? Интересно будет спросить, — а посев да покосы и вся-то земля как есть за ними осталась попрежнему... Как тут понять? Растолкуйте пожалуйста.

Мыкылай сверкнул глазом и, в самом деле, как будто хотел передать Попову через головы сгрудившихся людей что-то очень широкое, весь напряжился и развел руки:

— А-а! Виноват перед вами, товарищ. Забота ваша правильная — о самом главном. А я вроде и сказать забыл. Пахоту всю и покосы зараз переделаем. Все получите, кто заслужил навеки своими трудовыми руками. Понятно, товарищ? Наша партия и товарищ Ленин так распорядились.

— В таком разе у меня больше нет вопросов.

Вдруг я услышал поблизости ненавистный голос Чолдак Степана, которого я уже мысленно похоронил.

Он расставил ноги, как у себя на току, когда покрикивал на работников, убравших зерно, и заговорил с напускной развязностью, но совсем другим голосом, по-медвежьки наклонив голову и по-медвежьки хрипя:

— А мы теперь никому не нужны? Так, что ли? А то, что сына потерял на фронте? А что моего старшего убили, что самых лучших моих коней партизаны угнали?! Чёрт! — не угнали, а сам я, по своей воле проводил их на моих конях! А теперь что? Последнее, что у меня есть, забирать? Последней жизни лишать — маленькой моей землицы? А-а?

Вслед за мужем, тряся головой и взвизгивая, заголосила Наталья Прокопьевна:

— Вот, вот! Нам, старикам-то, как позволите? Жить как прикажете? Красными нашими рученьками гладили, питали землицу нашу, последнюю корми-и-ли-цу-у-у. Куда нам деться, пропащим сир-о-га-ам?

— Где и когда твои руки гладили землю, — ну, скажи.

скажи. А кто гладил и питал, — у того руки в мозолях — видала?

Чья-то скрюченная жилистая рука вынырнула из-за голов.

Приглядевшись, узнал: это добытчик извести Елизаров, второй по бедности человек в Сарыг-Сепе. В толпе послышались одобрительные голоса...

Понял я силу и правду людей с жилистыми руками, в изъеденных потом рубахах. В то время араты из бедняков и байские батраки не давали миросдам, как у нас говорят, и пяти раз подскочить. Быстро дошло до студеного Каа-Хема живое дыхание Советской России.

Часто бывали такие сходки в селениях вдоль Каа-Хема. Слушая справедливые слова коммунистов, как наш Мыкылай, люди все больше убеждались, что есть на свете сила, которая может им вернуть от баев землю, а самих баев укротить, подвесить им на руки прочную повязку.

Гувинские бедняки-араты, жившие в одних местах с русскими, перенимали пример у своих братьев, там и тут собирались на сходы и уже открыто обсуждали дела. Хотя на первых порах и не очень смело, но все настойчивее вскипала на сердце решимость: «Русские жители уже скинули своих баев, забрали землю и живут на ней свободно, а мы что?..» Побывав я на таких сходках и убедился, что вчерашние жители убогих юрт чудесно преобразились, стали те, да не те: струится у них из глаз затаенная радость, как свет самой большой и красивой вечерней звезды.

Дойдя с партизанами до Сарыг-Сепа, я хотел сначала заскокить к сестре Албанчи, а там уже спуститься к Хем-Бельдиру. Вот уже передо мной — Овалыг-Тей (холм с жертвенной насыпью), выше Мерген. Здесь тоже собрался народ. Это окрестные бедняки-араты. Среди них я издали узнал Мунзумчука, охотника Томбаштая, его сына Саглынмая и других старых знакомых.

Одни сидят, привалившись друг к другу и посасывая длинные чубуки. Другие слушают стоя. Поздоровался я с теми и другими сразу: «Мир всем!». Присел поодаль, проглатываю каждое слово.

— Теперь-то уже все как есть вроде понятно. Возьмешь да помотришь на все, — будто полегло, камень отворотили. Наши соседи покатали с высокого яра баев — Маслова, Мелегина, Чолдак-Степана, стали сами хозяева на земле. И нам бы не сидеть, вроде на холмике, не дымить из трубочки в тучу, покуда не выглянет солнышко¹, — говорит старый Томбаш, посасывая трубку и процеживая слова между губами и чубуком. Он вынимает изо рта трубку и, обтерев о рукав кончик чубука, сует соседу — Мунзуму.

¹ Соответствует русской поговорке «Ждать у моря погоды».

После размеренного, с воркующей низкой хрипотцой голоса отца вдруг зазвенел высокий, почти мальчишеский голос Саглынмая:

— Чистая правда, что отец тут сказал. Работать, как теперь, и жить так мы научились у кого?— У русских жителей. Значит, и дальше они помогут... обязательно.

По морщинистому бронзовому лицу дяди Томбаша пробежала добрая отцовская ухмылка, и он опять заворковал густо наморщив кожу над бровями:

— А мы, небось, по охотничьей части опять же им поможем... обязательно...так? Вчера, небось, повстречались с партизанами. Ой, молодецкий старшина у партизан!

Сидевшие араты одобрили мнение дяди Томбаша. Разговаривали о том, что народ русский показывает хороший пример. Есть учение Компартии в России, учение Ленина. Оно людям поможет... обязательно. Обрубим длинные крылья коршунам и воронью вроде Идам-Сюрюна и Талаш-Чалана. Есть и в Хем-Бельдире люди — видно разбираются, понимают, что такое хувискал¹. Их тоже надо послушать.

Так мои земляки проводили первые собрания под голубым небом. Никто не хотел расходиться. Речи коммуниста Мыкылая и разговоры старых соседей еще более укрепили мою решимость поскорее выполнить наказ партизанского командира. В мыслях моих кто-то неотступно зовущий стал еще настойчивее повторять: «Хем-Бельдир, где ты?».

Я снова заторопился в дорогу. Нечего тут мешкать. Сейчас же махну к сестре Албани, от нее — в Хем-Бельдир. Я не попрощался даже с дядей Томбашем и со всеми знакомыми в его аале,— они еще продолжали собрание,— и двинулся прямым путем, без дороги, туда, где раскинут худой чум старшей сестры.

Позади кто-то кричит. Оглядываюсь,—дядя Томбаш.

— Куда же ты? Посиди, послушай, о чем толкует народ. Может быть, пригодится. С широкой дороги, что народ проторил, не сбивайся только — по жизни всегда правильно пойдем, мой сын.

Я покричал ему, что иду к сестре и скоро вернусь. Кто их знает,— могут не пустить. На мой крик из-за холма, где дымятся юрты, отозвались хором собаки. Почти не слышу их. Расправляю грудь и быстро иду. Мысли мои неотвязно бродят по Хем-Бельдиру. Добрые мои старые земляки поджидают новых вестей из Хем-Бельдира, а я пойду сам и узнаю.

Идти необычно легко. Кажется, вовсе ты не идешь, а кто-то сильный, добрый усадил тебя в седло перед собой и мчит на

¹ Хувискал — революция (устаревшее слово, ранее заимствованное из монгольского языка).

всех рысах, как во время народных гуляний, чтобы туда поспеть к началу праздника.

«Добрый мой старый Хем-Бельдир! Что нового у тебя есть объявить людям? Чем ты порадуешь нас?».

НАША ВСТРЕЧА

Сестра Албанчи с маленькой Маакай — одни в чуме. Вижу: внутри чума все попрежнему худо, но у Албанчи на душе — праздник, в глазах, как в детстве, польхают зарницы. У огня Маакай качает в люльке свою куклу. У меня тоже была своя радость. Поэтому мне казалось, что я с ними вовсе не разлучался.

Еще не войдя в чум и не сказав «здравствуйте», я уже тараторил у входа:

— Качу в Хем-Бельдир. Мама говорила «поезжай». А ты как думаешь, сестра?

На такое приветствие после долгой разлуки Албанчи ответила звонким смехом и добавила:

— Да-да. Ты прав. Ступай. Так будет лучше всего, сынок.

Она усадила меня рядом, обняла, поцеловала, наклонилась так близко, что ее ресницы коснулись моего лица, и погладила мне щеки обеими ладонями. Я уже говорил, что Албанчи стала мне матерью.

Какая теперь у меня могла быть забота? При жизни мама сказала, куда пойти, и теперь сестра подтвердила — скорей в путь-дорогу.

Албанчи угостила меня айраном, сдобренными молоком просяными отрубями.

Поев на дороге, я сказал:

— Ну вот теперь зашагаю, сестра. До свиданья, Маакай!

— Зачем «до свиданья»? Пришел — и сразу уходишь! Сиди здесь, брат, — приказывает Маакай.

— Нет, я скоро приду. Тут ведь недалеко, сестра.

— А-а, тогда принесешь мне конфеточек-сахарков, брат, в моей куколке на платье?

— Принесу, сестра.

Она поднялась на цыпочки, прощаясь со мной. Я поцеловал ее белокурую косичку.

Мои дорожные припасы Албанчи уложила в старенький мешок. Подает мне:

— На. Ступай. Счастливой тебе дороги!

Албанчи благословляет меня, простирая руки на восток, украдкой смахивает выкатившиеся из глаз круглые, как роса, слезинки, набивает таволожную трубку махоркой, глубоко заглядывается едким дымом и, почти не выдыхая его, смотрит на меня, приподняв руку.

Мне стало не по себе. Я заколебался, подумал: как трудно разлучиться со старшей сестрой, может, совсем не уходить? Но такая мысль только мелькнула и скрылась.

Попрощавшись с Албанчи и Маакай, я перекинул за левое плечо мешок с увязанными на дне круглым кульком дорожными припасами и быстро вышел. Через несколько шагов я обернулся: Албанчи вышла из чума, за подол ее держится Маакай. Недолго смотрел — одно мгновение. Но этот миг мне навсегда запомнился. В былые времена так провожали меня, так на меня смотрели моя мать и старшая сестра, когда гонцы князя Идам-Сюрюна уводили меня на допрос, привязав арканом за шею. Тогда глаза у них были широко раскрытые и заплаканные. Теперь Албанчи широко улыбается. Ее сощуренные, лучистые глаза кричат мне вслед: «Счастливый ты, счастливый!».

Начинался май. Солнце сразу потеплело. Под его лучами послушно пробивались побеги прибрежной зелени и кустики подснежника, почки на деревьях надулись смолистым соком — вот-вот выпустят из себя нежно-зеленые крылышки будущих листков, но лед на реке не тронулся, только у берегов — желтоватые, как сыворотка, разводья, да еще кое-где на середине реки, в самых быстрых местах, весна уже успела пробуравить и прорвать богатырские льды.

Иду высоким берегом и раздумываю: «Когда же он тронется, этот лед? Хем-Бельдир, небось, на той стороне. Как тут перебраться через Каа-Хем?».

Озираюсь по сторонам и гордо шагаю. Поселок Усть-Терзиг был совсем маленький. Сарыг-Сеп — уже совсем не то, это почти что город, здоровенный, в нем домов — больших и маленьких — за пятьдесят.

Прошло около часу. Показались знакомые места — устье родной Мерген. Вот домик белобородого Мекея. Из этого окна и выпрыгивал, когда меня украли. Старый Мекей умер, — его дом несколько не изменился. А здесь, у этого камня, стоял наш чум...

Дорога подымается вверх. Там плоскогорье и чистый небосвод. По синему небу ко мне мчится всадник. Не беляки же это — откуда им здесь быть? Впрочем, говорят, что здесь есть мелегинцы и сафроновцы. Что бы там ни было, надо сойти с дороги и пропустить всадника. Я скользнул в сторону и спрятался в буреломе.

Всадник приближается. Уже вижу: с ружьем... женщина... В лад с размеренной рысью коня она поет, обдавая придорожный лес молодым напевом. Кто она? Знакомый, родной напев. Кто? Кто? На гнедом коне. Избоченилась. На голове шлем с нашивкой — пятиконечная звезда. Из-под шлема выбились волосы — белокурые. Черты лица еще не видны. Дышу — не дышу. Ну, кто? Кто?! Видно, конь учуял человека — поднял

уши, готов шарахнуть в сторону. Нас разделяет шагов десять. Она?! Сердце у меня так и громыхнуло.

Не помня себя, я закричал: «Вера! Вера!»—и выскочил из чащи. В ушах звенит: «Тока! Тока!». Сильным рывком всадница осадила коня и вытянулась на стремях. Беда ей: теперь уже нельзя удержаться, упадет, расшибется! Но она продолжает мчаться вперед, потом натягивает удила и на тихой рыси возвращается назад. Я тоже бегу навстречу. Вот она спрыгнула. Держит коня и шурится. Мы обнялись молча. Долго смотрим друг на друга. Потом так же молча повели нашего коня, привязали его на берегу Мерген под навесом словых сучьев. Тогда только пришли в себя и заговорили:

— Как ты здесь, Тока? Куда бежишь, на свидание?

Вера лукаво улыбнулась, крепко пожала мне обе руки и заглянула в глаза. Я тоже хитро сощурился и выпалил:

— Тебя встречаю, Вера!

— Ой, ли!

— Да, да. А ты откуда летишь? Все партизанишь? С той осени?

— Коли встречаешь,— спасибо. Большое спасибо...

Замолкла. Не верю себе: как она выросла, возмужала!

— Так вот и партизанили, воевали с той самой осси: Теперь взяла разрешение, еду домой на побывку... О моих стариках что-нибудь знаешь?

— Не хотел я встречаться с Чолдак-Степаном, всегда обходил Усть-Терзиг. От людей слышал,— твои здоровы, не беспокойся, Вера. Сейчас будешь у них. Вот мне далеко, не знаю, когда вернусь.

Лицо Веры сразу похолодело и потемнело. Она смотрит на меня так, как будто чем-то расстроена и за что-то сердится.

— Зачем говоришь «мне далеко»? Ведь ты сказал, что пришел меня встретить. Ничего не поняла я. Скажи толком.

— Иду вниз, в Хем-Бельдир. Попробую учиться... Ну, посмотри, возьмем тебя: с таким конем и ружьем, была на войне, едешь домой. А я? Какой с меня чёрт, когда ничего не знаю и ничего не умею? Как думаешь ты сама, Вера?

Сразу не ответила, утерла блеснувшие слезинки, обвила руками мою шею. Грудь ее высоко подымалась и сотрясалась в беззвучном рыдании.

Краешком рукава я стал подбирать ее слезы:

— Не плачь, не плачь. Я выучусь и вернусь. Тогда, как в прошедшем году, мы будем с тобой бегать за ягодами и грибами, опять будем собирать цветы.

— Хорошо. Посидим здесь немножко. У меня в тороках узелок, отвяжи-ка его и давай сюда. Закусим, а потом и ты себе пойдешь, и я домой поскачу.

Мы поели сушеного мяса с хлебом из дорожного мешочка, двумя ладонями напились воды прямо из Мерген — нашей свидетельницы и собеседницы, что-то тихо нашептывавшей, переливаясь через разноцветные камни, — посидели немножко под кровом густошерстой ели и уже приготовились к новой разлуке.

— Ну, Тока, времечко наше пролетело, как ласточка над ручьем. Пора. Иди себе в Усть-Хопто, и я поскочу.

Солнце стояло высоко, и кругом ясное небо. Было нам трудно распрощаться, но уж если пришлось разлучаться в такую пору, когда у одного и у другого родилась одинаково ясная цель, — для таких проводов нельзя ничего лучше придумать, чем ясное чистое небо.

— Пиши, Тока! Непременно пиши. Кончившь учиться сразу приедешь. Ждать буду тебя.

— Напишу сразу, как научусь, а что сказала «ждать буду» — спасибо.

Я пошел к привязи, отвязал коня, подтянул подпругу и подвел его к ней.

— Ну, что ж, все, Тока... Хорошо, до свиданья.

Признаюсь, тоскливо стало у меня на сердце, когда при этих словах она вдруг поспешно и низко опустила свое лицо. Мне хотелось ей тоже что-то сказать, но в горле так запершило, что я вовсе ничего не говорил, а, крепко пожав ей руки, притянув к себе ее голову, молча смотрел в оба ее глаза, горевшие, как самые яркие и самые грустные звезды, и горячо-горячо, без числа, целовал эти глаза и эти губы, в которых тоже, в одном краешке, была заметна горькая складка.

Но я не заметил, как Вера уже оказалась в седле. Скачет и машет рукой:

— Тока! До свиданья!

— Вера, Вера! Прощай, прости, — размахивал я вдогонку, пока Вера совсем не скрылась в дорожной пыли. Придя в себя от нашей чудесной встречи, я пустился берегом вниз по Каа-Хему...

К БОЛЬШОМУ ПОРОГУ

Вскоре пришел в Усть-Хопто. Здесь недалеко дом хозяина, где батрачит старший брат Бежендей, — у подножья Курангоры. Как туда не сходить, не поговорить со старшим братом, прежде чем двинуться дальше!

Бежен узнал меня издали. Безумно обрадованный, бежит навстречу. Кричит и то и дело заикается. Без всякой остановки выпаливает все вопросы:

— Куда ты, братик? Дома у нас что нового? — у сестры Албанчи? А Чолдак-Степана как бросил, каким способом от него ушел?

На ответы мне потребовалось немного слов. Бежендей все понял. Уселся на землю и радуется, что кругом тихо и мы вместе. В жизни у нас это бывало так редко.

Бежендей оглянулся.

— А Тожу-Хелин тоже всех прикручивает, как твой хозяин Чолдак-Степан. Сколько уже лет ему скот пасу, хлеб сею, кошу, молочу, работу всю чисто работаю. А получить от него — не только ничего не получишь, а тебя же самого все считает должником.

Подумав, добавил:

— Тоже здесь долго не проживу, уйду.

Бежендей поднимается. Прохаживается взад и вперед. Посасывает свою трубку. Говорит нахмурившись:

— Бросить, выходит, бросишь, уйти-то, выходит, уйдешь, да от них, от чиновников, куда потом денешься? Ведь загубят?

— А ты, как я... знаешь?—убеги совсем. Что тебе дельць у этой... трухлятины?

— Я же, братик, ты знаешь, не чей-нибудь — работник Тожу-Хелина. Твоего хозяина партизаны разбили, а мой, как прежде, — при всех правах. Сначала ты пойдн, посмотри, узнай про все. Я за тобой пойду. А сейчас ночуй в той вон юрте. Каша на полке. Поешь и спать ложись.

Потом Бежендей протянул руку в другую сторону степи. Там, на проталине с голубым налетом талого снега и островками подснежников, паслись кони.

— Мне пора поглядеть за моим табуном.

Через несколько мгновений брат скрылся из глаз. Его самого уже нигде не было, хотя по степи продолжало катиться клубясь, облачко дорожной пыли.

«Посмотрим, все ли по-старому в юрте у табунщиков Тожу-Хелина!». Я направился к юрте, которую мне показал Бежендей. Да это, как мы знаем, была вовсе не юрта, а нищий-разнищий шалаш — тот самый, который мы посетили в один из давнишних и памятных дней наших скитаний вдвоем с матерью. Ничего в нем не изменилось: ни изъеденные дымом дырявые стены, ни лица его жителей. Только сами обитатели изменились: одни ушли партизанить, других разогнал Тожу Хелин за то, что не прилились ему по праву, и время пришло другое. Сам хозяин, как рассказывал брат, стал на себя не похож: не то, чтобы он постарел, поумнел или образумился, скорее понял, что подходят новые времена, и оттого пошел хитрить, как лиса, стал заискивать перед работниками. Засылая на подстилке, я даже представил себе, как Тожу-Хелин с лукавой заботой заглядывает батракам в чашки — не осушились бы их донья,— и в придачу подносит каждому настоящий крупяной суп. С этим я куда-то провалился — заснул, как тогда, в первый раз, на коленях матери.

Во сне вижу: пришел в Хем-Бельдир, блуждаю среди улиц, а у них нет ни начала, ни конца.

Просыпаюсь. Лучи майского теплого солнца улизывают бисерными блестками снега на далеких горах. Вот я и провел короткую весеннюю ночь в батрацком шалаше Тожу-Хелина.

Прощаюсь уже с братом Беженем. Повертываюсь к дороге, но идти нельзя. К нам идет человек, сухой и длинный, как жердь. Лицо продолговатое, рябое, с вытянутым ртом. Подомашнему распахнул желтый ламский халат. Шелк ярко блестит. Левая рука прижата у печени, как будто человек в ламском халате боится что-то выронить из-за пазухи. Зато правой рукой он так размахивает, что с лихвой восполняет неподвижность левой. Вот он перед нами. Пронзительно громко сбрызгивает чуть мимо Бежендей струю слюны. Занятый батрачонок не стоит притворства. На нем хорошо вымещать накопившуюся ненависть. Выкатив глаза и заметав ими вокруг, Тожу-Хелин уставил на меня свободную руку и сердито спросил:

— Что еще за штука? С ним вы что обсуждаете?

— Позвольте объяснить: мой братик. Парень, значит, в Хем-Бельдир учиться идет.

— В Хем-Бельдир? Учиться, говоришь? Ишь, удалец объявился! Думаешь, сорви-голова, дурь твоя так и сбудется?! Выкинь свою дурь из головы... Да знаешь ли, слух, что такое будет законная управа и милостивый суд?.. Пойми же ты, олух,— твой брат Бежендей потерял мою скотину. Ему откупиться надо. За брата старшего немножко походишь в табунщиках. Уж я подумаю, позабочусь, как тебе остаться тут и больше никуда не ходить.

Не дожидаясь ответа от нас, Тожу-Хелин впопыхах зарядил себе нос таким количеством табаку, что ему пришлось потом изрядно почихать и пофыркать, возвращаясь к себе в юрту...

Три дня и три ночи провел в заточении у Тожу-Хелина. Бежать помогли мои новые друзья среди табунщиков.

Я уже чуть не заснул, поглядывая на звезды в дымовое отверстие шалаша. Над ухом еле слышно шепчет Бежендей:

— Уже можно, братик. Тихо. Народ спит.

Я выбрался из шалаша табунщиков. Дорогу ночью прихватили заморозки, и она некстати похрустывала. В стороне залаяла собака. Замираю. Вглядываюсь в темень. Вслушиваюсь в тишину. Собака еще твякнула разок-другой и притихла. Попадаю вперед. Нащупываю ногой гладкую крепкую землю. Наваливаю ступней не сразу, а потихоньку — от пальцев до пятки.

Десятка два бескрыших изб деревни Бояровка в Усть-Хопто. сруб для будущей школы и рядом с ним русская церковь остались позади. Вскоре показалось поселение

Кундустуг¹. Оно вытянулось редкими строениями по берегу Каа-Хема и, как я узнал, делилось по имени первых поселенцев на две самостоятельных деревеньки: верхняя— Федоровка и нижняя — Гагаровка. А в них-то, вместе взятых, было всего-навсего десять домов. Предвидя поиски и погоню, я миновал Федоровку с Гагаровкой и продолжал путь вниз по реке.

По мере того, как резвый Каа-Хем катится с Усть-Терзига все дальше к Хем-Бельдиру, степи на его берегах становятся все шире, и горные цепи на том и другом берегу отодвигаются все дальше от берега, будто хотят посторониться, уступая дорогу разбурлившейся пенистой реке. С весной к зеленым берегам высыпали бедняцкие аалы с далеких стойбищ в горных расселинах. Большинство в них — прокуренные, помлтые ветрами берестяные чумы. Посреди них одиночками возвышаются на холмах юрты из белоснежной кошмы. Я обходил эти холмы. Порой заглядывал в один из чумов. Уже близко Хая-Бажы².

На ходу со многими кочевниками обменивался приветом и дорожными расспросами.

Одного встречного старика спрашиваю:

— Чья будет, отец, вон та юрта?

— Главного в Бай-Сюте богача Кунги мерена³, сынок
А вон там, на холмике, — Узун-Хелина⁴.

— Много ж у них скота, коли ихний будет!

— А то чей? Попробуй, пройдишь по стайкам⁵ у темных юрт и чумов — не везде найдется хоть пара коз.

— И в нашем Терзиге совсем так. Почему же везде т а к ?

— Потому да поэтому, сынок. Сам знаешь, небось,—богачи да бедняки везде живут, повсюду кочуют. Подрастешь, сынок, еще больше узнаешь. Слышно, как у русских жителей, хозяйские права в белых юртах поурежут скоро, укоротят им длинные руки, а добро всякое перейдет к настоящим хозяевам. Тогда все будут катать белую кошму, строить высокие юрты, и жить аратам будет привольно. Помни эти слова. Так сказал учитель, который хочет всем людям добра,— Ленин. Запомни, сынок.

Я жадно хватал на лету все знания о старой и новой жизни, которые могли мне преподать такие, как я, бездомные люди, но умудренные долгими лишениями и поисками счастья.

У Сарыг-Сепа, Хопто, Бай-Сюта, Баян-Кола и Теректига широкая долина Каа-Хема изрезана старыми пашнями. За-

¹ К у н д у с т у г — букв. «местность, где водятся выдры».

² Х а я - Б а ж ы — букв. «вершина скалы».

³ М е р е н — средний хошунный чиновник.

⁴ Х е л и н — ламский чин; У з у н - Х е л и н — прозвище местного ламы («Длинный Хелин»).

⁵ С т а й к а — скотный дворик.

лежные полосы раскинулись по степи, как свадебные желтые ленты, в светлозеленом и голубом весеннем наряде. Но степь еще молчит. Только там и тут какой-то старик или подросток, скинув халат, расчищает оросительную канаву. Уже май, но земля не нагрелась. Землеробы выжидают свои дни.

Снег давно подтаял, заслезился и побежал ручейками. Что ни овражек или просто низинка, — сверкающее весеннее озерко. Посмотришь вдаль — глаза поскользят немного по ослепительной глади водоемов и всего степного половодья, закружатся и померкнут, как будто человек залюбовался самим солнцем и, осмелев, на миг заглянул в его жгучий знойный глаз.

С весенними водами наплыло и налетело непроглядное множество птиц. Одни горделиво уселись и плавают несчетными табунами на озерах, другие приглядываются к воде, вспоминают родные заводи и тысячекрылым гудящим роем взмывают к небу — лететь дальше, искать свои, насиженные, родные места. Я тоже, как они, стремлюсь туда, где хорошо. Выхожу на пригорок, усаживаюсь передохнуть и подкрепиться частью того, что на время припасено и увязано в дорожном кулке. Смотрю на резвящихся птиц. Они-то хорошо устроились. ныряют легко, без оглядки. Одна за другой подкидывают вверх перепончатые ножки, а сами под водой что-то выклевывают и вышелушивают. Людям бы так научиться жить на раздольях земли, постигнув тайну всего, что нужно для твоей жизни и для жизни тех, кого ты любишь, и для жизни всех, кто живет.

«Пойду-ка и я, посмотрю, как живут люди...».

Смотрю на ледяной щит Каа-Хема, он того и гляди тронется. Лед у берега зияет проталинами и полыньями. В черных промоинах вода уже глухо бурлит, как молоко в чугунной чаше, готовое вскипеть.

Этим берегом дальше не пройдешь. Надо перебираться на ту сторону. Сажу на бугорке у яра и размышляю. Дойду сейчас до переправы против Хая-Бажы. Перейду на ту сторону. Переночую. Встану пораньше и пойду тем берегом. Но перейти здесь очень трудно. Сначала ногам надо хорошо отдохнуть.

Я прилег у бугра и вытянул ноги... Просыпаюсь как раз в той части моего сна, где собирался вот-вот перешагнуть порог дома и войти в комнату коммуниста Мыкылая, который, оказывается, раньше меня пришел в Хем-Бельдир. Что случилось? В ушах не просто шумит, а ревет и стонет. В лицо бьют невидимые холодные волны. Что это — настоящая буря или только воздушная волна от мчащихся ураганом птиц? Раскрываю глаза и смотрю в небо. Оно попрежнему чистое. Ни облачков, ни птиц. При такой безмятежной лазури еще страшнее слышать, как ревет и стонет земля.

Перевожу взгляд на Каа-Хем. Вот откуда струится ледяное дыхание. Вот кто ревет и стонет. Еще минуту назад спавшая мирно река пришла в движение. Лед рванулся вперед неудержимой лавой. Огромные скопища льда — ледяные холмы и горы — спешат вырваться на водный простор, нагоняя друг друга и награждая пинками, от которых содрогаются и хрустят берега. Раньше мне уже несколько раз приходилось видеть, как весной, в погожие дни, трогается в далекий путь красавец Каа-Хем. Но никогда он не был так грозен и его сборы в поход не были так потрясающи, как сегодня. Видно, это зима — лютая из лютых — наковала впрок так много льда, а ей наперекор озорная весна повсюду натопила так много буйной воды, что даже выдавший виды Каа-Хем не может удержаться в гранитных берегах.

Мне приходилось также слышать, что ледоход на Каа-Хеме сравнивают с многотысячным стадом, несущимся вниз по ущелью. В сравнении этом есть сильная сторона: ледяные громады тесно прижаты друг к другу, но у каждой из них, так сказать, — своя трасса, свои опасности, своя сноровка преодолевать встречные преграды. В нем есть и слабая сторона: масштабы картины и скорость движения. То, что произошло на Каа-Хеме в минуту моего пробуждения после короткого сна, было схоже по своей грозной силе разве только с чем-нибудь вроде внезапного извержения вулкана или землетрясения. Вернее, одновременно с тем и другим. Потрясенный и зачарованный, не могу оторвать глаз от могучего исполина среди горных рек. Где же та сторона земли, куда спешит Каа-Хем? Мне идти в Хем-Бельдир, дальше будет край Большого порога. Льдинам плыть как раз к Большому порогу, а потом? Какой край, какая сторона?..

Каа-Хем бился два дня, пока не освободился от зимнего наряда. Пришлось переждать. Когда Каа-Хем очистился, я достал «душегубку» из выдолбленного тополя... Причалил и вышел на другой берег. На душе легко. Она поет: «Сбудься, моя мечта. Обернись радостью, — счастьем». Сердцу весело. Оно стучит: «Скорей-скорей».

МОЙ ПЕРВЫЙ ЗНАКОМЕЦ ТОСТАЙ

Хем-Бельдир. Как много я наслышался о нем всякой всячины. Одни толковали, что это на диво большой город, другие, — что это просто-напросто местность, где две реки сливаются в одну, а третьи — еще что-нибудь такое.

На протяжении нескольких лет Хем-Бельдир не выходил из моей головы, всегда был моей мечтой. И вот сейчас, приблизившись к его окраине, я, признаться, струхнул и уныло вымечивал оставшуюся часть дороги: куда здесь пойти, с кем встретиться.

Смотришь издалека — в Хем-Бельдире нет ничего особенного, поменьше даже поселка Сарыг-Сеп... Смотрю, — меня нагоняет человек на гнедом рысаке. На человеке — ягнячья шуба, покрытая синей далембой, поверх шубы одета черная жилетка, на голове — шапка, которую у нас называют то-вурзак — род тюбетейки с приколотым на макушке беличьим хвостом. Всадник проскакал мимо, но потом, оглянувшись назад, остановил коня и повернулся ко мне.

Я оторопел. Кто он, этот важный мужчина, этот с а н т ¹?

— Куда, парень, бредешь? Тебя как зовут? — спросил всадник, горделиво склонившись на один бок седла, но голос у него был мягкий.

— По имени я Тывыкы. Пришел учиться в Хем-Бельдир. А вы кто по имени, акым?² — еле выдавил я несколько слов, заикаясь.

— Зовут меня Тостай. А сам я — посыльный стрелок правительства, — опять заговорил всадник весело и покровительственно, как будто хотел сказать: «Спрашивай, о чем хочешь. Отвечу тебе на все». И я спросил:

— Вы человек знающий. Если бы вы сказали, к кому же мне нужно пойти.

— Что же, беги за мной. Я тебя сведу, куда следует. Всадник натянул поводья и, не глядя на меня, заспешил в город.

«Куда следует» — понимаю. Этими словами называли черную юрту, т. е. тюрьму. Но весь вопрос был в том, можно ли так поступать с человеком, который ничего не сделал? Ноги мои приросли к земле. Я хотел подождать, пока совсем скроется из виду человек с беличьим хвостиком.

— Ну, что с тобой? — крикнул он. «Пусть будет, что будет», — решил я и побежал за моим проводником.

Не оглядываясь больше назад, всадник пустил коня легкой иноходью, и моим ногам пришлось на славу поработать после короткой передышки: я взмок, лоды, как жеребенок спорящий с ветром, чтобы скорей вернуться к матери.

Тостай вскоре обернулся и придержал коня.

— Знаешь, парень, поначалу ступай к нам, в правительство, учиться посыльным стрелком. В деле толк поймешь. — будет яснее, что делать.

Тостай опять заторопил коня.

— Ладно-ладно, пойду, куда хочешь. Человек ты знающий, где и что. Пожалуйста, сведи меня к себе, в правительство. Мне очень хочется быть посыльным стрелком, — попросил я Тостая, неожиданно перейдя с вы на ты.

¹ С а н т — министр.

² А к ы м — «мой старший брат», здесь вежливое обращение к старшим мужчинам.

— Тогда не отставай.

Мы вступили на окраину города. Как раз против того места, где сливались две реки, на высоком яру стояли военным строем, как лагерные палатки, шесть юрт. Тостай соскочил перед ними. Привязав коня, кивнул мне и зашагал к юрте, расположенной посредине. У меня забилося сердце, но я уже знал по опыту, что задерживаться нельзя, и вприпрыжку побежал вслед за моим первым знакомым в Хем-Бельдире.

Войдя в юрту, я увидел там человек десять молодых парней с ружьями и саблями. Одежда у них была, как у Тостая. Они сидели и оживленно переговаривались. Заметив меня, замолчали.

Я смекнул, что это не простые люди. Как они могут быть простыми, когда у них оружие и за плечами и на боку? Я закивал каждому из них и стал здороваться, стараясь говорить побойчее. Парни отвечали сухо, и мой голос вскоре оборвался. Я сгорбился и присел в сторонке.

Позади очага, на почетном месте, сидит особняком коренастый толстячок с рябым лицом и носом, похожим на красную помпону. На нем коричневый халат китайского шелка драконами, сапоги с узорчатой вышивкой на голенищах. На макушке одиноко торчит косичка. Руками уперся в бока.

Покосившись в мою сторону, толстяк проскрипел:

— Куда валишь, парень? И звать как тебя? Да где это видано — залез к людям и расселся, будто в юрте у себя. Тебе что нужно? Говори, а то проваливай!

Вот так дело... Знакомый, вилать, ошибся, не туда завел. Молчу, оробел.

Толстяку это понравилось. «Вишь, какой я грозный!» — говорила его круглая голова, которая вдруг надулась, глаза слиплись и широко растянулись, обвислый живот заходил, как торфяная тряпина, и толстяк стал исходить беззвучным смехом, самодовольно кряхтя:

— Подумать только, что Тостай с собой притащил! Хотел бы я знать, умеет ли его птенчик разевать клюв!

Чтобы помочь мне прийти в себя, Тостай сказал, усмехаясь:

— Ну-ка, птенчик, расскажи, откуда ты прилетел.

Осмелев, я заговорил:

— С Каа-Хема я. Дальний, каа-хемский. Кругом говорят, пришла революция, бедняков освободила. Был у начальника партизан Мыкытая. Велел мне в Хем-Бельдир пойти учиться. Я, значит, пришел.— Тут пришлось поклониться толстяку:— Скажите, пожалуйста, кому я должен об этом доложить?

Толстяк снова залился сухим, трескучим смехом. Смеялся он так, как будто в костре шипят и стреляют смолистые дрова. Отсмеявшись, он вынул табакерку и желтого шелка-

вого кисета, набрал щепоть табаку. втянул в нос и зачихал, процеживая насмешливые слова:

— Придумал ты здорово! Учиться хочешь? Как раз не хватает у нас одного посыльного, тебе бы и заступить в самую пору! А не то, куда же пойти учиться такому увалыню, как ты. Хаа-ха-ха! Ученик ты у нас будешь самый первый!..

Я и трясусь с перепугу, и еле сдерживаю свою злость и обиду. Сидевшие вокруг люди, перешептываясь, поглядывали на меня жалостливо, и я немного успокоился.

«Побуду здесь и пойму толк в жизни. А то, как быть человеку, который не знает ни в чем толка»,— подумал я и согласился остаться при посыльных стрелках.

Стрелки по одному разошлись. Со мной остался мой первый знакомый в Хем-Бельдире. Между нами произошел такой разговор:

— Верно. Побудешь с нами, оглядишься, присмотришься и пойдешь себе дальше по жизни. Я тоже здесь не надолго, куда-нибудь, да поеду — учиться.

— Значит, и я буду с тобой, останусь тут. А ты мне будешь помогать, брат?

— Помогать--помогать! Какой разговор? Конечно!

ЦИРИКИ

Так, придя в Хем-Бельдир, я познакомился прежде всего с цириками — «посыльным войском» правительства. Двор цириков состоял из десятка конфискованных в хошунах юрт с пожелтевшей кошмой, разбитых, как мы уже знаем, на самом высоком яру Хем-Бельдира. Внутри юрт было не ахти как. На полу — истрепанные циновки, неказистые шкафчики для посуды и подобие кровати — только у Тактан-Мадыра. Остальные спали на земле. Сквозь стены кругом просвечивает небо. Еду варили на открытом очаге, водрузив чугунную чашу на каменную треногу. Так вот и жили.

Снаряжение цириков очень мало походило на военное. Получали они от казны черную винтовку с пятью патронами, да коричневую жилетку, да тубетейку с беличьим хвостом на макушке, или там соломенные шляпы. Все прочее обмундирование — разное и пестрое, у кого что. У Тостая маймаки косульи, у Кока — из оленьих ножек, у меня — бродни, одним словом, обувались каждый во что хотел. И каких только обязанностей не выполняли цирики правительства: они были и милицией, и войском охраны, и сборщиками налогов, и кухонными мужиками, и посыльными, и возчиками, и табунщиками.

Собирай налоги деньгами и продовольствием, пополняй казну; служи гонцом, приводи на допрос людей; развози бу-

маги повсюду, куда только они писаны; станут наезжать от-туда-отсюда купцы,— встречай гостей, пломбируй товары, возьми пошлину; а то стой где-нибудь на часах в карауле; а соберется какой-нибудь саит в разъезды,— сопровождай, прислуживай, припасай араку — чего только ни делали цырики, а сделанного ими что-то не видно. Обязанности с ними не разлучаются, а расчет каких-нибудь правил и прав — не говори,— они у цыриков редкие гости.

Уж такое было время: шел 1922 год. Тувинское государство проросло, можно сказать, на каменистом грунте. Не было у него ни своей казны, ни своего хозяйства, ни своей письменности — ничего такого, что требуется даже новорожденному государству. В руках тувинского правительства было два — три одноэтажных домика да несколько голов скота — первое поступление натурального налога. Свои деньги, конечно, еще не завелись: брали бумажные царские рубли и нахлопывали на них клеймо. Такие клейменные бумажки назывались бонами и ходили за деньги.

Покуда не было своей письменности, пользовались монгольской. Первое время в Хем-Бельдире захожу в одно из нескольких учреждений — сидят чиновники, держат бумаги с монгольскими буквами и написанное по-монгольски читают сразу по-тувински. Удивляло это меня чрезвычайно: пишешь бумагу на одном языке и эти же самые завитушки тут же читаешь на другом языке. Только одиночки владели этим волшебным письмом. Зато дорого они брали за свою учность: всякое дело могли повернуть, куда хотели.

Что там говорить, не было ни на чем, ни чем писать — ни бумаги, ни кисточек, за ними приходилось далеко путешествовать — в Монголию, в Большой монастырь. Доску с положенной на нее бумагой держали на коленях и писали только кисточкой, сверху вниз. Железных перьев не было и в помине.

Служащие, саиты и мы, цырики, получали жалованье натурой: цырики — по десять кусков чаю, а саиты — по сто кусков, такая же разница была и в табаке, далембе, в напитках и яствах, взимаемых у населения теми же цыриками не столько в виде налогов, сколько в порядке «доброхотных» подношений, с одной стороны, и конфискации — с другой.

Наш начальник Тактап-Мадыр, как вы видели, был кофотенький, круглый, чернявый дядя. Вскоре я заметил, что у него не хватает пальца на правой руке. Он был властолюбив, а так-то вообще ничего на свете не любил, даже свой родной, тувинский, язык наполовину забыл (разговаривал больше междометиями и бранными словами); к революции душа у него не лежала, покоя не давал нам никогда, помыкал, как только мог, даже не стеснялся заставлять нас уби-

рать и выносить вон то, чем он ходил тут же на полу юрты, так как ленился по большой нужде выходить во двор.

— Как только мог такой сидень стать генералом?— спросил один из молодых цириков, когда Тактан был в отлучке.

Другой, уже пожилой, с поросшими седью седыми щетинистыми черными волосами, объяснил:

— Лет десять назад ходил в Кобдо на войну, вот и назначили человека,— знает, мол, военное дело, а не то кто бы подумал.

— Что за война в Кобдо, пожалуйста, расскажи, спросил я пожилого цирика.

— Давай, давай,— подхватили все.

Рассказчик откашлялся, приосанился, оглядывая нас, и заговорил, усмехаясь:

— Ходил он, значит, в Кобдо на войну. Даже палец большой отстрелил, а вернулся живой. Вот и есть он, Тактан-Мадыр,— богатырь.

— Ну и ну! За палец героем стать — веселое дело! — выкрикнул один из моих новых товарищей по имени Кок.

— Молчи, парень! Человек интересное дело рассказывает — не мешай! — загудели цирики.

— Начинать мне — так, что ли?

— Так, так, начинай.

— В 1911 году народы Монголии и Тувы подняли восстание за свою независимость против захватчиков-маньчжуров. Они взяли пример с китайского народа, который в том году, под руководством Сун Ят-сена, свергнул маньчжурского хана и установил республику. А китайскому народу помогла тогда революция в России. В то время на тувинской земле и в Северной Монголии стояло большое множество маньчжурских войск. Их гнездо находилось в городе Кобдо — центре Северной Монголии. Тувинцы и монголы несколько раз поднимались на восстание, чтобы вырваться из когтей маньчжурского хана. Стоявшие в Уланкоме и Кобдо войска захватчиков-маньчжуров много раз проливали народную кровь. Но Китайская революция сковала им руки. Тогда в 9-м и 10-м месяце 1911 года тувинцы разбили маньчжурские отряды, прицепили к урянхайской земле, взяли у них трофеи, конфисковали товары их торговых заведений, а самих непрошенных «гостей», кто остался в живых, отправили в Россию. Большинство участников этого восстания тувинцев против маньчжурских воров были бедняки-араты. Так народ ответил на кровавые дела маньчжурского хана. Это, дорогие товарищи цирики, уразуметь надо!

— Разогнать когтистых коршунов, безусловно, помог рабочий народ — во время хувискалы, на севере, в России. Так я понимаю, — поддержал Тостай.

— Такая же история была и на монгольской земле,— про-

должал рассказчик.—В Кобдо стояло две тысячи с лишком цириков маньчжурского хана. Когда они готовились подавить восстание тувинцев, монгольское войско осадило Кобдо с юго-востока, а тувинское — с северо-запада. Там и разнесли ханских цириков. Отсюда прозвали ту освободительную войну Кобдинской.

— Ага. Вот оно как, парни! Тактац, говоришь, тоже ходил на ту войну и, дав себе отстрелить большой палец, прослыл героем!... проговорил один из цириков.

-- Теперь поняли?—спросил рассказчик.

Я внимательно слушал, не вмешиваясь в разговор моих товарищей.

-- Из Тувы тогда пошло 630 человек. Кроме Тактана, из моих знакомых в тот раз ходили Шалык Кижир-оол, Оюн Самбу и другие. Тувинское войско только называлось войском, а, по правде сказать, это были просто худонские¹ мужички. Собрали нас, дали в руку кремневое ружейцо и повели туда. Ни военной формы, ни строя у нас не было. Были мы, проще сказать, араты и только.

— А далеко то место, дядя? — спросил молоденький цирик.

— Раз десять почевали в пути, а там и подошли к окраине Кобдо. Видимо, станет уртелей² двадцать. Вот мы развели костры, разбили палатки. К нам и скачет посол от монгольского войска — молодой бравый цирик. На нем синий чесучевый халат, щеголевато обтянутый безрукавкой, за плечом — пистарядный карабин.

Спрашивает начальника. Вытягивается на стременах. Кличет протяжно, как трубач трубит:

— Наше монгольское войско под командой Кадын-батыря готово атаковать завтра на рассвете маньчжурское войско, напавшее на земли наши. Неприятель сидит в осаде за стенами Кобдо. Вышел указ: нам атаковать город с юго-восточной стороны, вам, тувинцам,— идти с северо-запада. Атаку начать по сигналу большой раковины, м е д и с и н - о о³?

Посол живописно подбоченился, опираясь на древко своего хлыста, и ждет ответа.

Тувинский воевода подъезжает к послу с ответным кличем: «А-а, медисин, медисин!». Он кланяется, пригибаясь к седлу, и низким басом, так же протяжно и громко, обращает к послу старинные, общие у монголов и тувинцев, слова: «Мир вам». Потом воевода что-то шепчет послу и широко улыбается, отчего лицо его становится круглым и густо покрывается морщи-

¹ Худон — деревня.

² Уртель — ямская станция; расстояние между уртелями составляло 20 — 30 верст.

³ Медисин-оо? — по-монгольски понятно?

нами. Посол дергает повод и скачет назад. Удалившись на несколько скачков, он вдруг снова кричит: «Медисин-оо! Медисин-оо!». Наш дарга¹ простирает руку вперед и кивает головой Сайн², медисин.

— Охаай³! Ишь ты его, как здорово! Продолжай, продолжай, брат,— восклицают слушатели.

— Так вот. Ночь была тихая. Чуть занялся рассвет. Под ногами уже видна земля. То там, то тут чирикнет рашьяя птичка. С южной стороны города в это время донеслись гудки большой раковины и защелкали ружья. Тувинские ополченцы уже давно встали, держали наготове кремневки. У войсковых начальников были карабины, как у монгольского посла. Как только раздалась раковина, мы, по указу воеводы, всей толпой кинулись на приступ. Вспоминать тогдашний бой—смех и горе. наших ополченцев раньше никто не учил боевым построениям, сами знаете. Умели, как говорится, пасти скот и только. На поверку так и вышло: бежит ополчение, как хорошо сбитое, дружное стадо или степной табун—копытами, значит, отбивать волчью стаю. Подбегаем, как положено, к окраине, где начинаются улицы Кобдо, а маньчжуры уже бьют нас пулями, как внезапный град прибывает посевы к земле. Не выдержала града часть войсковых начальников и рядовых ополченцев. Небось, пришли из байских юрт. Им бы стрелять и бежать — быстрее и быстрее.

— А они?

— Не то что быстрее, а встали да стоят. Ружьишки между коленями зажимают. Достают из-за пазухи какие-то амулеты. Читают с бумажек тибетские молитвы. Будто кого хоронят. И похоронили бы свое войско. Да наш-то брат в амулетах не разбирается, бумажек не читает. Зато горазд охотиться на зверя—где пулей, а где рогатиной; где свистом, а где покриком; где кулаком, а где каблуком; где смелостью, а где своей смекалкой. Пошли, значит, на приступ. Так и взяли город. А когда в том бою монгольско-тувинское ополчение разбило неприятеля, мы прибрали наших погибших товарищей. По обычаю нашему, облачили в самодельные саваны, уложили в самодельные саркофаги и, не предавая земле, оставили покоиться на склоне холма. Было у нас около двадцати раненых. Положили их на волокуши и повезли. Таким путем воевали, а войну ту прозвали Кобдинской. Вот, парни, мой рассказ.

Просим старика:

— О себе-то скажи, отец.

— А я что...

— Небось, охотник.

¹ Д а р г а — начальник.

² С а й н — по-монгольски хорошо.

³ О х а а й — восклицание удивления и одобрения.

Был когда-то.

— Знаем, и теперь. Вора хоть одного из города выбил?

— Считать не считал. Скажу по правде, то ли пять, то ли шесть... Воришки приказали нам долго жить, пошли, как люди говорят, соль промышлять¹. А пам, пареньки, пора выходить на работу...

Вспоминая теперь незамысловатый рассказ Кобдинского героя, еще не взятый на учет историей, задумываюсь над смыслом исторического урока этой маленькой битвы. Народы побеждают, когда заключают справедливый союз. И ещё: тайна победы в неравном бою — не в позументах и не в амулетах, она — в отважном и любящем сердце самых скромных и простых людей...

*Авторизованный перевод с тувинского
А. ТЭМИРА.*

¹ Идти за солью — умереть.

ОС УЩЕСТВЛЕННАЯ МЕЧТА

(Пьеса в трех действиях, семи картинах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Биче-оол, секретарь первичной партийной организации, затем председатель колхоза, 40 лет.
Кускелдей, его жена, 37 лет.
Чечекма, их дочь, 19 лет.
Аксал, активный арат, 65 лет.
Байыроол, доброволец тувинец, представитель воинской части, 23 лет.
Николай Иванов, представитель воинской части с фронта.
Докпак, секретарь хошунного (районного) комитета партии, 40 лет.
Кудар, работник сумона, затем бригадир колхоза, 45 лет.
Анна Васильевна, учительница, 23 лет.
Мария Николаевна, врач.
Сергеев, агроном.
Кок, культработник сумона.
Агбан-Шырап, бывший феодал, 60 лет.
Шокар-Кадай, его жена, 52 лет.
Мылдыкпан, их сын, 23 лет.
Чилбакай, аратка, 35 лет.
Хорлукпан, член подпольного националистического центра, 65 лет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Улица сумонного центра. На горизонте протекает река, вдали, у подножья сопок, виднеется зелёная роща. Кое-где стоят юрты. За сценой слышны голоса, музыка, смех. Появляются Биче-оол и Кудар.

Биче-оол. Как у вас там, дарга, все готово к проводам?

Кудар. Всё готово, не беспокойтесь.

Биче-оол. Отъезжающих снабдили всем, что надо?

К у д а р. Всё, как договорились. Люди уже собираются.

Б и ч е - о о л. Что же, это хорошо. Пойдем к народу. Пожелаем на прощание нашим воинам с честью держать в руках оружие, добиться скорее победы над врагом.

К у д а р. Под Сталинградом что нового?

Б и ч е - о о л. Под Сталинградом положение очень серьёзное. Части Красной Армии дерутся за каждую улицу, за каждый дом. Фашистам нигде не удалось продвинуться ни на метр.

К у д а р. Как подумаешь, что придется людям испытывать там, то хочется сделать для них вдвое, втрое больше.

Б и ч е - о о л. Да, помогать, изо всех сил помогать Красной Армии — это наш долг. Надо, чтобы здесь каждый арат понял не только судьба России — судьба всего мира решается под Сталинградом.

(Уходят. Навстречу им идет старик в рваном полушубке — это Хорлукпан. Кудар и Биче-оол, внимательно посмотрев на него, проходят. Старик, осторожно оглядываясь, скрывается в противоположной стороне. Входят Агбан-Шырап и Мылдыкпан. Агбан-Шырап смотрит вслед ушедшим).

А. Ш ы р а п. О чем они говорили здесь, эти партийные?

М ы л д ы к п а н. О Сталинграде чего-то, что — не разобрал.

А. Ш ы р а п. И всегда ты так, будто глаза в мешок спрячешь, а уши в песок засунешь. Что надо — никогда не слышишь.

М ы л д ы к п а н. Не могу же я, отец, на глазах у всех подслушивать. И так уже...

А. Ш ы р а п. Ладно, заньм. Зови гостя, да проследи там, чтобы нас вместе никто не видел.

(Мылдыкпан уходит, Агбан-Шырап опасливо озирается, прислушивается к песне молодежи за стеной. Входит Хорлукпан. Агбан-Шырап, увидев его, униженно кланяется).

Х о р л у к п а н. Веселятся, голодранцы. По какому поводу?

А. Ш ы р а п. Провожают представителей воинских частей Красной Армии, приехавших в Туву с фронта.

Х о р л у к п а н. Провожают-таки. А ты что тут делал? Приказ сверху был — срывать проводы красноармейцев, пускать слухи, что подарки не попадают в армию, что их растаскивают в хошунах, в Кызыле?

А. Ш ы р а п. Не сердись, высокочтимый начальник. Приказ-то был, да выполнить его нелегко.

Х о р л у к п а н. Нелегко, нелегко. А под Советской властью быть легко, по-твоему, а зависеть от каждого голодранца, от батрака легко? Не видеть тебе прежней жизни, если всего бояться будешь. Действовать надо, мутить народ. Срывать помощь Красной Армии — это сейчас главное. Запомни.

А. Ш ы р а п. Пюд Сталинградом у них как?

Хорлу к п а н . Под Сталинградом дело идет к концу. Не сегодня — завтра Сталинград падет. Как только немцы за Волгу перейдут, так и покатятся без остановки до Москвы. А уж как Москву возьмут, мы тут нашим партийным быстро голову свернем. (Раздается свист). Кого еще черт несет.

(Уходят. Входит Чечекма. Внимательно посмотрела в одну, другую сторону. Она явно ждет кого-то, идет. Неожиданно появляется персонаж Мылдыкпан).

Мылдыкпан. Испугалась? Ты меня не бойся. Я для тебя человек не опасный.

Чечекма. А я и не боюсь, с чего ты взял?

Мылдыкпан. Как ты вырядилась сегодня! Как будто знала, что я приду. (Усмехается).

Чечекма. Перестань, Мылдыкпан, со мной шутить. Об этом я говорила тебе уже не раз. Не ходи за мною.

Мылдыкпан. Говорила... Это верно. Но я не желаю... не могу не ходить за тобой.

Чечекма. Мылдыкпан, знай, от меня ничего не добьешься, все напрасно.

Мылдыкпан. Чечекма, ты ведь знаешь, как я люблю тебя, неужели ты...

Чечекма. Но я не люблю тебя, Мылдыкпан, не могу полюбить. Сердцу не прикажешь. Не о чем нам говорить.

Мылдыкпан. Не о чем, значит...

Чечекма. Да.

Мылдыкпан. Смотри, Чечек, пожалейсь. Ты меня будешь любить, не то...

Чечекма. Чего будет? Не пугай, я не из пугливых, а выходы свои байские оставь, не то время теперь.

(Входят Кудар с Николаем).

Кудар (обращаясь к Мылдыкпану). Эй, парень, идем. Там дело есть.

Мылдыкпан. Какое?

Кудар. Идем, идем за мной, там на месте скажу.

(Кудар уводит Мылдыкпана, а Николай Иванов с Чечекмой остаются. Некоторое время молчат).

Н. Иванов. Я очень рад, что встретил вас.

Чечекма. Я тоже...

Н. Иванов. Хорошая ваша страна. Хоть и недолго здесь, но все мне любо. Еще бы побыл у вас, Чечекма.

Чечекма. Так в чем же дело, Николай Владимирович...

Н. Иванов. Ай-ай-ай, Чечек. Мы с тобой ведь договорились, чтобы меня звать просто Николай.

Чечекма. Кольенька, ты тоже начал на «вы». Но это неважно. Ты говоришь у нас хорошо, так оставайся здесь, пожа-

дуйста. Ни родители, никто возражать не будет. Наоборот, все будут рады.

Н. И в а н о в . Большое спасибо, Чечек, за твои теплые слова. Но ты знаешь — это невозможно. Война, надо на фронт.

Ч е ч е к м а . Да... Невозможно... Хочется сказать много на прощание, но не могу подобрать слов, да и смелости не наберусь. А минуты бегут, остановить бы их...

Н. И в а н о в . Не остановишь... Я очень благодарен твоим родителям, они ко мне отнеслись как к родному сыну. Нет слов, чтобы их отблагодарить.

Ч е ч е к м а . За что благодарить, Коля. Это наш долг. Отец и мать никогда тебя не забудут. Смотри же, пиши. Пиши с пути... Как дослешь, сразу же пиши, буду ждать с нетерпением.

Н. И в а н о в . А ответ получу?

Ч е ч е к м а . Напишу сто ответов. Если будет, конечно, на что отвечать.

Н. И в а н о в . Чечек, ты не беспокойся, писать буду. Разве могу забыть тебя.

Ч е ч е к м а . Коля, я знаю — положение на фронте тяжелое, но я верю, вы победите. Такие, как ты, не могут не победить. Но вот закончится война. Ты вернешься домой...

Н. И в а н о в . Кто знает, об этом рано загадывать. Враг еще силен. Большие жертвы придется принести нашему народу, чтобы его одолеть. Но мы его одолеем, не сомневайся.

Ч е ч е к м а . В силе советского народа не сомневаемся. Победа обязательно будет. Я, мать, отец и весь тувинский народ уверены в этом, все трудятся для вашей победы, для нашей общей победы.

Н. И в а н о в . Да... Народ ваш любит мою страну, я это вижу, Чечек. Об этом я расскажу на фронте.

Ч е ч е к м а . Да, да, передай, Коля, что мы гордимся нашей дружбой и сделаем все, чтобы помочь вам. Сделаем все, что можно.

Н. И в а н о в . Я родился, вырос, учился в школе под Москвой. Никогда не думал, что попаду когда-либо в Туву. Даже, признаться, до встречи с Байыр-оолом почти ничего не знал о ней. И вот сколько приобрел друзей.

Ч е ч е к м а . Я очень рада, что тебе понравился наш народ. Приезжай после победы сюда. Будешь помогать нам строить новую Туву.

Н. И в а н о в . Байыр все приглашал меня сюда: «Поедем к нам, страна наша богатая, сколько скота, рыбы, а охота!...» Я было не верил, а теперь вижу, что друг-то мой прав, зря, значит, не верил.

Ч е ч е к м а . Ну, конечно же. Приезжай к нам после фронта с Байыром. Скоро организуем первый тувинский колхоз.

Ты можешь работать в этом колхозе. У нас много приглашенных из Союза, и в нашем сумоне есть.

Н. Иванов. Там будет видно, Чечек. Я посоветуюсь с Байыр-оолом.

(Входят Анна Васильевна и Байыр).

Анна Васильевна. Посмотрите, какие мы цветы собрали.

Чечекма. О! Где вы нарвали такие красивые цветы? А мы и не видели.

Анна Васильевна. Цветы не падают с неба. Их собирать надо, а чем вы занимались — неизвестно.

Н. Иванов. Мне незачем искать цветы. Вот мой цветок (*показывает на Чечекму*).

Байыр-оол. Да, это верно. Таких цветов днем с огнем не найдешь. Ты прав, Николай.

Н. Иванов. Но этот цветок особенный. Им любоваться лучше в одиночку. Так ведь, Чечек? (*Чечекма смутилась*).

Анна Васильевна. Опасный уклон у вас, Николай Владимирович, намечается. Индивидуалистический.

(Смех. Иванов и Чечекма уходят. Байыр-оол с Анной Васильевой остаются. Некоторое время молчат).

Анна Васильевна. А некоторые цветы уже начинают увядать.

Байыр-оол. Давно нарвали?

Анна Васильевна. Со школьниками ходили изучать родной край, по лесу ходили, по горам лазили. Нарвали еще утром. Боялись опоздать. Дни будто короче стали. Вы приехали сюда вот уже две недели, а кажется прошло только 2—3 дня. Не поймешь, в чем дело.

Байыр-оол. Понимаю, Аня, хорошо понимаю. Еще бы пожить, но Родина зовет, ехать надо. Писать буду: из Кызыла — раз, из Минусинска — два, с железной дороги — три, из Москвы — четыре, с фронта — пять (*хочет ее поцеловать*).

Анна Васильевна. Что делаешь, Байыр-оол? (*Пауза*). С нетерпением буду ждать писем... А еще сильнее буду ждать тебя самого домой. Желаю от глубины души разбить врага и вернуться домой с победой.

Байыр-оол. Спасибо, Анечка, большое спасибо. Даю слово, приеду домой, смотри жди!

Анна Васильевна. Буду ждать и работать. Все силы свой отдам воспитанию детей аратов. Полюбила я их. Воспитывать детей, — мне кажется, нет ничего интереснее. Ребятышки немного выше парты, но интересы у них очень большие, как море глубокое. Особенно любят русский язык. Когда идет урок русского языка, они так внимательно слушают.

Б а й ы р - о о л . Какая ты, Аня... хорошая. Знаешь, на фронте мы каждую минуту помнили заботу Родины. Родина... По-разному представляют ее люди. А я не могу её представить без нашей школы и без одной чудесной девушки в ней...

(Входит Аксал).

А к с а л (*кашлянул*). Ох, господи, дети... Где вы попрятались, где твой товарищ, Байыр?

Б а й ы р - о о л . Вот туда ушел, подышать свежим воздухом.

А к с а л . Вот беда-то, ведь не вижу ничего. Хоть стой рядом, не вижу. Вас зовут, идите к Биче-оолу.

(Байыр-оол с Анной Васильевной уходят. Аксал остаётся. Приходят Николай с Чечекмой).

А к с а л . Где вы были? Никак не найду. Народ ждет.

Ч е ч е к м а . Да?

А к с а л . Конечно. Весь народ собрался, а главного гостя нет.

Ч е ч е к м а . Что-то очень быстро проходит время...

А к с а л . Возможно... Так поторапливайтесь.

Ч е ч е к м а . Вы сами идите. Мы сейчас придем.

А к с а л . Ты не увлекай гостя-то. Скорей... скорей приходите. (*Уходит*).

(После ухода Аксала Чечекма стремительно подходит к Николаю, видимо, она хочет ему сказать что-то весьма важное, в это время вбегает с гармошкой через плечо Кок; увидел Николая и Чечекму, он надвигает свою шляпу на глаза и направляется в сторону народа).

Ч е ч е к м а . Кок, куда спешишь, сыграй нам что-нибудь.

К о к . Что вы, что вы, дорогие друзья, уважаемые гости! Я опаздываю, я сегодня должен быть, как это называется... кон... кон... конкуренцией.

Ч е ч е к м а (*смеется*). Что ты говоришь — конкуренция. Это совсем не то слово, надо сказать — конференсье.

К о к . Да! Да! Точно... Это я пошутил. Не конкуренция, а кон... кон...

Ч е ч е к м а . Кон-фе...

К о к . Кон-вер... конференция... вот как надо сказать.

Ч е ч е к м а . Опять не то, конференция — это собрание представителей, а надо кон-фе-рансье...

К о к . Да, да. Я должен быть конференсье. Чуть не то сказал. Ох (*вытирает платком лицо*), с трудом справился. Иду быть конференсье... Спасибо, Чечекма.

Ч е ч е к м а . Пожалуйста.

(Смеется с Ивановым. Уходят. Кок возится с гармошкой, задерживается. Входит Мылдыкпан. Кок хочет уйти).

Мылдыкпан. Подожди, Кок.

Кок. Что?

Мылдыкпан. Остановись, говорю.

Кок. Что ты, надо с народом повеселиться. Слышишь, что там делается... там и араки выпить можно...

Мылдыкпан. Какая уж там арака, настоящую араку можешь у нас выпить.

Кок. Вон как? Откуда она к вам притекла, браток?

Мылдыкпан. Как там в гости приехала сестра, привезла кренкой араки.

Кок. Ишь ты... Дело-то заманчивое... А вы ее еще не выпили?

Мылдыкпан. Можем и всю выпить, если удержишься.

Кок. Ну, ничего, сначала здесь попьем, а потом к вам в юрту зайдем.

(Уходит. За сценой слышны веселье, аплодисменты. Торопливо проходит Чилбакай).

Мылдыкпан. Торопитесь, торопитесь.

Чилбакай. Куда?

Мылдыкпан. Туда же.

(Входит Агбан-Шырап).

Чилбакай. Тьфу на тебя. Так я ж туда и иду...

А. Шырап. Незачем тебе торопиться туда, старая, пусть уж молодежь дурачится. (Мылдыкпану) Иди. (Мылдыкпан уходит).

Чилбакай. Отчего ж не торопиться? Ведь там весело, проводы.

А. Шырап. Проводы... Людям глаза замазывают, вот что я тебе скажу. Все это обман—это веселье, сбор подарков...

Чилбакай. Да что ты? Какой обман?

А. Шырап. Ты давала подарок?

Чилбакай. Конечно, дала: скот, шерсть, кожи.

А. Шырап. Они не дошли до фронта. Не в те руки попали.

Чилбакай. В чьи же?

А. Шырап. Я слышал от хорошо знающего человека, бывавшего и в Кызыме, и в районе. Он говорит, что все подарки аратов растаскиваются между начальством — даргала-рами. Они их не посылают в Красную Армию, а присваивают себе.

Чилбакай. Ой, что вы говорите?

А. Шырап. Такие-то вот дела... Кто бы мог подумать...

Чилбакай. Это и во сне не приснилось бы. Раз такое дело, не пойду я туда...

А. Шырап. И я тоже.

(Чилбакай и Агбан-Шырап расходятся в разные стороны. Она хочет вернуться к себе в юрту, но призадумалась. Музыка усиливается).

Ч и л б а к а й. Пойти, или не пойти. А может, врет старый чёрт? Пойду, погляжу.

(Входят Иванов, Байыр-оол в окружении провожающих, в том числе пионеров со цветами)

Б и ч е - о о л. Ну вот, дорогие друзья, вы уезжаете. От имени парторганизации и трудящихся сумона желаю вам счастливо доехать до фронта, прошу вас передать наш привет и нашу безграничную любовь воинам Красной Армии. А мы здесь, в тылу, будем еще больше укреплять фронт своим грузом.

К у д а р. Правильно. Сыновья мои, счастливого пути. Желаю вам скорее уничтожить фашистов и приблизить час окончательного освобождения Советской Родины и всего человечества. Скорого возвращения с победой!

А к с а л. Мне можно?

Б и ч е - о о л. Говори, говори, старик.

А к с а л. Сыновья, родные!.. Мы, старые люди, помним прежнюю жизнь, издевательства, пытки феодалов-нойонов, голод... Нынешнюю светлую жизнь всем нам дали великий Советский Союз, партия коммунистов. Никакая сила не вернет нас к старому режиму. Мы сделаем все для победы советского народа. Скажите нашим добровольцам—лучшим сыновьям и дочерям тувинского народа— пусть с честью держат советское оружие, пусть вместе с советскими воинами куют скорую победу над врагом.

К у с к е л д е й (со слезами). От имени женщин дайте-ка поцелую вас, сыновья (бойцы снимают шапки, она целует их). Вот вам небольшие подарки на дорогу, возьмите (они берут мешки с подарками и целуют Кускелдей).

И в а н о в. Большое спасибо вам за теплый прием, за добрые пожелания. Мы везде, где бы ни были, будем в сердце хранить ваш наказ. Этот наказ нас будет вдохновлять на борьбу с врагом. Клянемся еще крепче биться за наше правое дело!

(Вынимает саблю и целует ее, народ с одобрением аплодирует).

Б а й ы р - о о л. Дорогие товарищи, братья и сестры! Ваш наказ для нас—святой долг. Буду воевать за победу и, если потребуется,—отдам свою жизнь. Ваши теплые слова мы передадим фронтовикам. До свидания, скоро вернемся с победой (фронтовики прощаются с народом, им преподносят цветы).

А к с а л. С победой приезжайте в Туву. И ты, Николай,

обязательно к нам приезжай. Весь народ будет встречать тебя. Женить мы тебя на тувинской девушке...

Мылдыкпан. На ком женить собираетесь? Скажите пояснее.

Аксал. На той, у которой сердце большое да душа добрая. А у нас много таких девушек. А ты почему заинтересовался вдруг? А? *(смех)*.

Мылдыкпан. Так просто, интересно...

Чечекма. Ну, до свидания, Коля... Желаю тебе счастья и победы. Помни, я всегда с тобой.

Н. Иванов. До свидания, Чечек... Везде будешь со мной, в моем сердце. Я не забуду тебя... ну... до свидания...

Чечекма. Подожди, Коля. *(Уходит, возвращается с нарядным седлом и уздой в руках)*. На, возьми это, оседлай нашего иноходца, который стоит у изгороди, и поезжай на нём.

Н. Иванов. Что ты, Чечек. Как можно... такой подарок...

Чечекма. Это подарок от всего нашего народа тебе — сыну русского народа, солдату Красной Армии. Это подарок в знак вечной дружбы. Возьми, Коля!

Н. Иванов *(изумлен, принимает подарок)*. Большое спасибо...

(Чечекма целует его и, смущенная, убегает, народ аплодирует. Иванов, Чечекма, Байыр-оол, Аппа Васильевна и другие прощаются. Только Мылдыкпану невесело, он со злостью смотрит вслед ушедшим. К нему подходит Агбан-Шырап.)

А. Шырап *(Мылдыкпану)*. Видишь ты?

Мылдыкпан. Да...

А. Шырап. Вот что делается...

(За сценой звучит военный марш.)

(Занавес).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сумонный центр. Возле юрты Биче-оола работают Кускелдей, Чилбакай, Шокар-Кадай и другие. Они треплют шерсть, сортируют ее, вяжут теплые вещи для бойцов Красной Армии. Поют песню.

Чилбакай. А ведь война, говорят, скоро кончится, для чего же мы все вяжем и вяжем без конца.

Кускелдей. Нет, бабоньки, хоть враг и получил несколько сильных ударов, но пока еще силен, всё лезет да лезет.

Чилбакай. Еще лезет?

Кускелдей. Лезет, пока ему совсем не сломают спину

Подумайте только. Под Сталинградом их сколько перебили, недавно вот под Курском и Орлом тоже уже сотни городов и сел освободили от этой пакости, а он все цепляется, и каждый раз Геббельс про новый неприступный вал объявляет.

Женщина. Врет, как собака брешет.

Чилбакай. Кто их знает, кто врёт: вон про победы русских все говорят, а мы их тоже не видели. Не разберешься, что к чему.

Кускелдей. Если сама не разберешься,—надо спросить, узнать. В газетах пишут, агитаторы рассказывают...

Чилбакай. М-да... А то еще вот про подарки говорят: разное.

Ш. Кадай. Что? Что говорят?

Чилбакай. А то говорят, что половина наших подарков на фронт и не попадает, а начальники из хонсуна распределяют их между собой...

Ш. Кадай. Ишь ты... А мы тут последнее отдаем. Жилы из себя вытягиваем.

Кускелдей. Кто так говорит?

Чилбакай. Да говорят...

Кускелдей. Это неправда. Год назад наши добровольцы поехали на фронт, теперь они участвуют в освобождении городов Украины. Они пишут, как наши подарки радуют бойцов, вдохновляют их. Об этом рассказывали представители воинских частей — Николай да Байыр-оол. Наша делегация сопровождала подарки до фронта, за что мы получили благодарность от бойцов, от руководителей Советского Союза. Не надо обращать внимания на шушуканье, на сплетни всякие. Надо укреплять тыл, и тогда победа скорее придет.

Ш. Кадай. Ну, не говори, Кускелдей. Бывают и правильные разговоры. А я вот недавно слышала...

Чилбакай. Что, что слышала?

Ш. Кадай. Недавно приехал один человек, знающий, образованный, так он говорил вот что...

Чилбакай. Рассказывай, рассказывай...

Ш. Кадай. Большие, говорит, перемены скоро на фронтах будут. Эти-то, говорит... ну, что помогают русским...

Кускелдей. Союзники, что ли?

Ш. Кадай. Да-да, союзники. Они, говорит он, помогать-то и не собираются, а только так, глаза отводят, а сами с Гитлером сговариваются, чтобы, значит, это вместе потом на Красную Армию напасть.

Кускелдей. Что ты этим хочешь сказать?

Ш. Кадай. Что пока нас никто не трогает, и нам бы не лезть никуда. К нам сюда, за Саяны, никто не придет... А то как бы хуже нам не пришлось.

Кускелдей. Все это вражеские разговоры. Коварные враги так говорят.

Ш. *Кадай*. Я ведь ничего не знаю, тёмная старуха. Люди что говорят, то я и болтаю...

Кускелдей. Во время войны сплетники да болтуны не менее опасны, чем враг.

Ш. *Кадай*. Какой же я враг. Что вы говорите, это прос от старости да от глупости. Что сама слышала, то и говорю, сватьяшка.

Кускелдей. Что-о, сватьяшка? С чего вы это взяли. Мы, кажется, еще в таком родстве не состоим.

Ш. *Кадай*. Да, раньше не состояли, но можем ведь и породниться. Мой сын Мылдыкпан, ваша дочь Чечекма—ровесники, оба молодые, красивые.. Тут и свадьбу опраздновать недолго.

Кускелдей. Такой вопрос, как свадьба, решается самими молодыми. Сейчас не то, что раньше. Нам, пожалуй, пора отказаться от старых порядков.

Ш. *Кадай*. Ну, нет, дорогая моя. Отец и мать тоже должны оказать свое влияние, сватья.. Этот порядок еще не заброшен, надо его соблюдать...

Кускелдей. Конечно, порядок надо соблюдать, но все же в каком духе соблюдать? Сначала сами молодые должны друг другу понравиться, сблизиться сердцем, а потом посоветоваться с родными. А моя дочь мне пока ничего не сказала, даже намека не было.

(Женщины снова зптели. Входит Аксал).

Аксал. Ух, ты, бабы-то наши как развоевались. Вот это да. Так орудуют спицами, что аж страшно.. Гитлеру от них ой-ой как придется...

Чилбакай. Ты над бабами не смейся, старый, сам-то на мужика не больно похож...

Аксал. Как не похож? А борода-то на что?

Женщина. Борода-то и у козла есть, а вот есть ли ум. еще неизвестно (*смех*).

Аксал. Ну-ну, ты, мокрохвостая, полегче, знай, с кем разговариваешь.

Женщина. А что, бабы, не посадить ли его с нами шерсть трепать.

Чилбакай. Да платок ему на голову, косы в бороде заплетем (*женщины подбегают к Аксалу*).

Аксал. Стойте, стойте, окаянные.. Чтоб вас бык забодал.. Отпустите, засмеют ведь мужики-то. (*Входят Биче-оол и Докпак*).

Биче-оол. Что вы со стариком делаете?

Кускелдей. Пусть он не смеется над женщинами, над их трудом. Хотим, чтобы он понял.

Аксал (*неловко*). Понял, понял... Получше говорю,

вяжите, чтобы, значит, солдатам там потеплее, а они га-га, да го-го. Тьфу.

Биче-оол. Пожалейте старика, он ведь признает свою вину. Что, дед, туго пришлось?

Аксал. Да, в такое окружение попал, хуже, чем на фронте.

Женщины. То-то же. Испугался (*общий смех*).

Биче-оол. Ну, как, старина, я слышал, что ты коня решил отдать.

Аксал. Да.

Биче-оол. Обойдешься без коня-то?

Аксал. Какой разговор может быть? Шестьдесят лет прожил, а дальше жизнь еще больше наладится. Теперь одним только и живу: думаю, как помочь, чтобы Красная Армия скорее победила. Есть такая поговорка, что и капля дождя в море нужна. Вот и хочу свою долю внести.

Биче-оол. Если так, что же, отведи, отец, своего коня к Кудару. Он у нас занимается сбором подарков. Он председатель сумонной комиссии. Помнишь, мы выбирали его?

Аксал. Как же, помню. Сами выбирали.

Докпак. Ну, уважаемые женщины, я вижу, у вас дело весело идет...

Кускелдей. Стараемся, дарга, работаем. Вот подарки для Красной Армии готовим.

Докпак. Так и должно быть.

Кускелдей. Вот, дарга, у нас один вопрос есть. О чем там союзники думают?

Чилбакай. Да-да, разъясните нам, дарга... А то вот не разберемся...

Кускелдей. Собирается Черчилль второй фронт открывать или нет?

Докпак. Он, правда, со мною не советовался, но, по моему разумению, пока не торопится.

Аксал. Так чего же он ждет? Нехорошо ведь, дарга, получается: пойдём мы, скажем, с тобой на охоту. На тебя зверь напад, вот-вот зубы в тебя запустит, а я в сторонке стою, да в рябчиков палю. Нехорошо ведь?

Докпак. Согласен, нехорошо.

(Входит Агбан-Шырап).

Кускелдей. Так что же это тогда за союзники? Как же это получается?

Докпак. А вот как иногда получается. Стал в одном лесу волк себя очень плохо вести. Ну, известно, -- волк. Чего от него доброго ждать. То зайчишку задерет, либо белку проглотит, а там уж стал на других, что покрупнее, напа-

дать. Ну, и стали думать лесные жители, как от волка избавиться. Пришлось в войну с ним вступить. Медведь тут взялся волка обломать, лисица с тигром помощь обещали. Медведь дерется с волком злым, а лисица с тигром в кустах отсиживаются. «Дерись, дерись,— говорят,— Мишенька, мы еще маленько зубы себе отточим да когти отрастим». А сами думают: дескать, волк с медведем подольше подерутся, а как без сил останутся, тут уж мы добычу всю поделим.

Ч и л б а к а й. Ишь, хитрые какие, но медведя тоже не проведешь; и волку зубы обломает, а лисице с тигром пожиться не даст.

Д о к п а к. Так что, по-вашему, делать-то надо?

А к с а л. На союзников не очень-то надеяться, а самим бить Гитлера, пока от него мокрое место останется.

К у с к е л д е й. На дружбу народов полагаться, а не на капиталистов разных,— так-то вернее будет.

Б и ч е - о о л. Ну и нам тут еще больше подналежь, чтобы нашим друзьям помочь.

Д о к п а к. Вот и разобрались во всем, а говорите не разбираетесь (*все смеются*).

А к с а л. Раз так пошло, давайте еще в одном деле разберемся сообща.

Д о к п а к. В каком же это деле?

А к с а л. Вот народ ноговаривает, что пора уж будто и тожзема переходить в колхоз.

Д о к п а к. А вы как думаете?

А к с а л. И интересно, и страшновато.

Д о к п а к. Почему страшновато?

А к с а л. А как же? Колхоз — это ведь что? Все общее, всем работать одинаково, и жить одинаково, а как все по одинаковому устройшь, когда в своей семье и то не всегда договоришься.

Ч и л б а к а й. А правда ли еще говорят, что в колхоз все, все надо отдать. Все общее будет — и скот, и ложки, и миски, и даже жены. Все будут есть из одного котла и спать под одним одеялом.

Д о к п а к. Неужели вы все еще верите в эти глупые басни врагов? В годы коллективизации в Советском Союзе такую же клевету распространяли кулаки. Ну, и что же, жизнь показала, что только через колхоз лежит путь к счастью трудящихся крестьян.

Б и ч е - о о л. Да и у нас проживающие в Туве советские граждане уже более десяти лет тому назад создали первые колхозы. В них и тувинские араты вступают. Нам организовать колхозы будет легче, мы воспользуемся богатым опытом советских людей.

А к с а л. А правда ли, дарга, есть, говорят, такая машина... Как ее называют-то... Вот, окаянный, забыл... да...

комбайн, что ли. Так она, говорят, и косит, и молотит, и зерно сортирует, и в мешки насыпает.

А. Шырап. Готовые пироги выпекает, и жевать не надо - сама глотает.

Анна Васильевна. Напрасно сместесь, Агбай-Шырап, в колхозах Советского Союза имеются не только комбайны, но и много других машин, облегчающих труд человека.

А. Шырап. А что, я ведь пошутил только, чтобы не очень уноситься-то в мыслях. Это пока мечта только.

Биче-оол. Почему же мечта? Советский Союз окажет нам помощь. Мечта станет действительностью. Колхоз - это великая сила.

А. Шырап. Колхоз, что говорить, - дело, может, и хорошее, машины и все такое. Но не время еще, рано. Война идет. Советский Союз не может теперь помогать Туве, у него своих забот хватает.

Докпак. Советский Союз всегда заботился о нуждах трудовых людей всех народов, он никогда не откажет в помощи тувинскому народу, с которым его связывает многолетняя дружба.

Аксал. Жить бы в такой стране...

Биче-оол. Да, все мы видим, как на наших глазах развиваются наши соседи, такие, как Бурят-Монголия, Горный Алтай, Хакассия, которые живут в семье народов Советского Союза.

Докпак. Ведь в недалеком прошлом они были такие же отсталые, как Тува, а теперь стали цветущими советскими уголками.

Биче-оол. Не настало ли время и Туве стать советской?

Кускелдей. Думаю, давно пора.

Женщина. А может, в самом деле, можно...

Докпак. Я доведу до сведения центральных органов, что этот вопрос волнует аратов. Везде в нашем хошуне люди думают об этом. Но скажу вам, что мы должны своим трудом и преданностью доказать свою готовность войти в состав Советского Союза.

Биче-оол. Не уроним своей чести -- будем работать, действовать....

Докпак. Анна Васильевна *(отходит в сторону)*.

Анна Васильевна *(подходит)*. Слушаю вас, дарга.

Докпак. Анна Васильевна, из сегодняшних разговоров видно, что женщины интересуются колхозами и другими политическими вопросами. В то же время в их головах еще много тумана от клеветы и вражеских разговоров. Вам придется больше работать среди женщин, на убедительных примерах из жизни колхозов Советского Союза разъяснять преимущества колхоза.

Анна Васильевна. Хорошо, дарга, буду работать

(Заходит Кудар).

Кудар. Здравствуйте, даргалары. Подарками меня прямо-таки завалили, не успеваю отправлять. Без помощи не справиться. Не остановишь людей... Подарков каждый день все больше и больше. Не знаю, что делать.

Докпак. Вот он, патриотический подъем народа — один из источников силы Красной Армии.

Кудар. Скот и собранные подарки нужно отправить хонушной лодарочной комиссии. Иначе нельзя, ведь для фронта все это нужно. скорее, особенно кони.

Докпак. Правильно, отправьте. Товарищ Биче-оол, по линии парторганизации примите срочные меры.

Биче-оол. Мы уже выделили в помощь Кудару двух человек, хватит, наверное. Как вы думаете, председатель комиссии?

Кудар. Хватит.

Докпак. Кто много подарков дает, вы особо записываете?

Кудар. О-о... Таких очень много.

Биче-оол. Вот Кудар сам три четверти своего поголовья скота отдал для фронта. А таких людей много.

Докпак. Да, вы тоже ведь дали много, тов. Биче-оол.

Биче-оол. Я-то что — это мой долг святой.

Кудар. Ну, что же, ладно, не будем считать, кто больше дал. Люди дают столько, сколько могут дать. Пойдемте, люди добрые, готовить подарки к отправке.

(Все уходят, остаются Чечекма и Анна Васильевна).

Чечекма. Анечка, дорогая моя. Неужели это возможно, неужели осуществится? Мы станем гражданами Советского Союза, членами большой семьи... Как это хорошо будет. Тува, наверное, совсем другой станет, культурной.

Анна Васильевна. Да, Чечек. Раскинутся города и села, освещенные электрическим светом. На месте юрт будут красоваться новые теплые дома. Народ будет жить еще счастливее, еще лучше...

Чечекма. Ох, как я рада... Я так люблю... русский народ...

Анна Васильевна. Русский народ или русского парня? Признавайся, девушка.

Чечекма. И народ, и парня. Только вот вернется ли он сюда. Как давно писем нет.

Анна Васильевна. Вернется, обязательно вернется. Русские люди — верные люди и в дружбе, и в любви. Если любишь, то должна верить.

Чечекма. Спасибо тебе, Анечка, дорогая моя. Успокоила меня. Буду верить и ждать, верить и ждать.

(Входит Мылдыкпан).

Мылдыкпан (Анна Васильевна). Вас Биче-оол-дарга зовет.

(Анна Васильевна уходит. Чечекма тоже хочет идти, но Мылдыкпан преграждает ей путь).

Чечекма. Опять ты, Мылдыкпан, за свое? Говорила ведь я тебе.

Мылдыкпан. Все своего русского фронтовика ждешь?

Чечекма. А тебе какое дело?

Мылдыкпан. Так ведь не дождешься ты, обманул он тебя. Посмеялся и только. Не пишет вот сколько. Зря ты скучаешь. Теперь он не приедет, у него другая есть. Знаю я их, этих солдат, особенно русских.

Чечекма. О солдатах не говори, о русских тоже. Но, по правде сказать, ты и ногтя его не стоишь.

Мылдыкпан. И все же я бы тебе посоветовал..

Чечекма. Никакие твои советы мне не нужны, а тебе бы я посоветовала забыть обо мне (уходит).

(За сценой бодрая трудовая песня аратов. Входит Агбан-Шырап).

А. Шырап. Опять оставила тебя с носом?

Мылдыкпан. Оставь, отец, не касайся ты этого...

А. Шырап. Запомни твердо. Колхоза не должно быть. От колхоза и до Советов совсем недалеко, а это наша смерть. Понял?

(Занавес)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕГЯ

Юрта Агбан-Шырапа. Внутри грязно. Скосившийся задымленный посудный шкаф. Постель грязная, сидят вдвоем: Шокар-Кадай, горбоногая, худая, тоненькие косы, пояс из синей далембы, трубка длинная. А. Шырап в темнокрасном халате, лысый, пояс синий, с ножом с пестрой ручкой, с оттуком — огнивом и трубкой.

Ш. Кадай. Почему сына так долго нет? Не должен бы задерживаться, что-то неладно... Может, посадили, арестовали.

А. Шырап. Ну, уж и скажешь — арестовали... Наверное, дело есть. Пусть ходит, делает свое дело. Ты его не задерживай. Пусть делает.

Ш. Кадай. Какие могут быть дела у него? Наверное, твои дела...

А. Шырап. Что ты, старуха, с ума сошла? Мои дела и твои тоже. Сиди, помалкивай. У нас с тобой одно дело!

Ш. Кадай. Кто вас знает, собираются, о чем-то шепчутся. Даже от меня что-то скрывают, куда, зачем посылают — не поймешь.

(Заходит Мылдыкпан)

А. Шырап. Молчи. (Мылдыкпану). Где пронадал?

Мылдыкпан. На молодежном собрании был, пытался поговорить с Чечекмой, она даже и внимания не обращает...

А. Шырап. Ишь ты, что говорили там?

Мылдыкпан. О сборе подарков. Затем о колхозе говорили.

А. Шырап. О колхозе? Ну, и что же?

Мылдыкпан. Все то же: вместе, дескать, работать лучше, машин будет много. Вся жизнь по-новому пойдет.

Ш. Кадай. По-новому, по-новому, чтоб им пусто было! Подохнуть людям не дадут.

А. Шырап. Лално, помолчи, старуха. Не твоего ума дело. Кто же говорил?

Мылдыкпан. Да Чечекма все, учительница эта русская, потом Биче-оол пришел.

А. Шырап. Еще о чем говорили?

Мылдыкпан. Больше ни о чем.

А. Шырап. Не может быть, чтобы только об этом... Не прослушал ли?

Мылдыкпан. Особенного ничего не было. Я же тебе сказал, что ты привязываешься, отец?

А. Шырап. Критики не было? Кого критиковали, какие недостатки отмечали.

Мылдыкпан. Кока критиковали за то, что пьет, такой да сякой, а ведь это правильно.

А. Шырап. А ты? Что-нибудь говорил?

Мылдыкпан. Что я буду говорить? Сидел, молчал.

А. Шырап. Неверно, сынок, поступаешь, неверно. Тебе надо выступать, активистом стать. Покрытикуй кого-нибудь из этих, кто помельче, а про главарей скажи, что получше. Надо войти в доверие, привлечь к себе доверчивых людей. Можешь даже порой сказать кое-что недоброе про своего отца, бывшего бая. Все, что можно, надо использовать.

Мылдыкпан. Боюсь я. Гляжу я на этих людей и вижу: разве может что-нибудь выйти из нашей затеи. Они сильны своей дружбой, у них одни интересы.

А. Шырап. Ты еще щенок и мало соображаешь. Ты что думаешь, нас мало? О нет, нас гораздо больше чем ты думаешь. Открыто действовать мы пока не можем. Это верно. Нам нужно действовать по-другому, тонко и хитро. Надо всячески мешать организации колхоза, но если это нам не удастся, то и тут мы не сдадимся. Тогда надо пробраться в колхоз. Мы его изнутри взорвем.

Мылдыкпан. Как?

А. Шырап. Как? Об этом подумать надо. Надо, чтобы вот эта коробка (*показывает на голову*) немного варила. В Союз революционной молодежи надо пробраться, а по возможности и в партию.

Ш. Кадай. Верно, верно, сынок. Отец говорит неплохо. Ой, господи.

А. Шырап. Особенно тебе надо сблизиться с дочерью Бяче-оола Чечекмой, им не показывать ничего плохого. Быть хорошим, вежливым (*улыбается*).

Мылдыкпан. А если это невозможно? Если я не сумею этого сделать?

А. Шырап. Невозможного ничего нет, ты парень красивый. Смелости вот только тебе не хватает. Надо войти к ним в доверие, полюбить эту девушку.

Мылдыкпан. Зачем все это — не знаю, что у вас выйдет из этого? (*Идет к двери*). Загубите вы мою молодую голову. Вы-то свой век прожили, вам-то ничего, а я хочу жить.

А. Шырап. Что ты, сынок, не с ума ли ты сошел... не партийцы ли тебя смутили?...

Мылдыкпан. Меня никто не смутил. Я трезво вижу обстановку и говорю вам: ничего у вас не получится. И запомни: к Чечекме я отношусь так не потому, что ты мне советуешь, а потому, что я ее действительно люблю. Чем-нибудь ей вредить не могу, не могу... (*зарыдал*).

Ш. Кадай. Почему ты такой, сынок. Трусливый. Отец неправду говорить не будет, а ты должен слушаться. На что ты такой годишься, совсем как баба.

Мылдыкпан. Я устал от вашей мышинной возни, и надежд у меня никаких нет. Хватит, не хочу я так жить. У людей сыновья учатся, вступают в колхоз, живут счастливо. А со мной кто считается? Совсем как бродяга... Не могу я так больше.

А. Шырап. Ты не прав, сын. Этот новый порядок долго не продержится. Мы вернем свои права и будем снова жить в почете. Как ты не понимаешь этого?!

Мылдыкпан. Скажи мне яснее, отец, что от меня вы хотите?

А. Шырап. Без пользы не молись, без нужды не поджигай — говорится в пословице. Позднее я тебе расскажу, чего мы хотим.

Ш. Кадай. Да, да, сынок. Может быть, мы и заживем еще по-старому.

А. Шырап. Не может быть, а так оно и будет. Это не только наше дело, покрупнее. За нами люди, сила тоже есть. Помогают нам.

Мылдыкпан. Делайте сами свои дела, а меня не впутывайте в ваши безнадежные, бессмысленные затеи.

А. Шырап. Эх, сынок, мой сынок. Родился у сокола цыпленок. Не в отца пошел. Да за то, чтобы прежнее вернуть, силу нашу, власть, хозяйство наше, кажется, всю кровь бы до капельки отдал. Да разве я теперь для себя, для тебя ведь стараюсь. А ты, дурак, своего счастья не видишь, готов у моих батраков в батраках ходить. Но я заставлю тебя для твоей же пользы поработать.

Мылдыкпан. Убегу я от вас, повешусь лучше...

Ш. Кадай. Что ты, что ты, сыночек мой, что говоришь такое?

А. Шырап. Ну, ну, успокойся. *(Пауза)*. Кока звал?

Мылдыкпан. Звал.

А. Шырап. Ну, и что он?

Мылдыкпан. А чёрт его знает. Его поймешь разве. Придет, надо полагать. Уж он-то не упустит случая выпить задаром.

Ш. Кадай. Тише, идет кто-то.

А. Шырап. *(В это время входит Кок-оол)*. А-а, дарга Кок приехал. Здравствуй, дарга! Как вы попали в наш шалаш? Пожалуйте, наше счастье. Старуха, чаю-чаю да и там, что есть, дарге налей-ка. Как ваше здоровье, дарга?

Кок. Что, как! Я хорошо живу, старик. Это в честь чего празднуете?

А. Шырап. Что же, дочь приезжала, вот она и привезла *(наливает чашку-пиалу)*. Отведайте, дарга.

Кок *(выпил)*. Сварено совершенно по-настоящему.. крепко сварено, да?

Ш. Кадай. У нее, у нашей дочери, арака всегда крепкая *(наливает чай, ставит сыр-быштак)*. Дарга, не стесняйтесь, кушайте, кушайте.

А. Шырап. Пейте чай, дарга.

Мылдыкпан. Дарга, партийное собрание, кажется, готовится?

Кок. Готовится. А тебя почему это интересует, Мылдыкпан?

Мылдыкпан. Так просто спрашиваю. Решения партии беспартийные тоже должны выполнять

А. Шырап. Какой ты любопытный, сын, зачем спрашивать, что не нужно, в домашней обстановке служебные разговоры ни к чему. Дарга чай пьет, кушает. А что можно, дарга и сам расскажет.

Мылдыкпан. Нет, отец, я так просто спрашиваю. В этом особого ничего нет. (*Азбан-Шырап все подливает араку*).

Кок. Так вот, поговаривают о том, чтобы гождзем реорганизовать в колхоз, старик! Как ты думаешь?

А. Шырап. Ну-у... И это всерьез?

Кок. Еще бы... Мы, партийные,— такие люди... Решаем и... готово.

А. Шырап. Колхоз— это дело неплохое, но нам, тувинцам, еще рановато. Наш народ еще учить да воспитывать надо. Вот если бы у нас все такие, как вы, были, тогда другое дело.

Кок. Ого, старик, а глаз-то у тебя острый, сразу человека видишь.

А. Шырап. Не первый десяток на свете живу, нюх на хорошего человека имею. Да не умеют их только у нас ценить, хороших-то.

Кок. Где уж умеют!

А. Шырап. Да вы пейте, пейте. Жена, чего не наливаешь, видишь, чарка у дарги пустая?

Ш. Кадай. Умных речей заслушалась.

А. Шырап. Да вот хотя бы вас, разве ценят по-настоящему, а ведь какой человек...

Кок. Вот, вот, даже обидно. Да чего там говорить... Даже на сегодняшнем собрании молодежи Чечекма, эта девчонка, мне такую критику навела, что я даже не знал, куда мне деваться от стыда.

А. Шырап. Ай-ай... Скажи ты... такому уважаемому человеку, такому культурному.

Ш. Кадай. Стыда в ней никакого нет, в этой батрацкой дочке.

Кок. Потом сам отец ее... Биче-оол приходит... Ну, думаю, задаст он ей сейчас.

Ш. Кадай. Ну, и что же, задал?

Кок. Да, задал, да только не сй, мне еще прибавил.

А. Шырап. Ай-ай-ай... Вот невежа-то...

Кок. Запомни, говорит, что сегодня тебе было сказано, да еще радуйся, что партийный билет пока не отобрали (*захмелев*). Пока... Понимаешь, пока.. Это что же такое значит пока?..

А. Шырап. Ну и в председатели кого наметили... наверное, этого опять, Биче-оола?

Кок. Биче-оола, Биче-оола... Что такое Биче-оол? Покультурнее люди найдутся. Это мы еще посмотрим.

А. Шырап. Если организуется колхоз, то и мне бы в него вступить. Как вы думаете, дарга?

Кок *(непонимающе)*. Что? Тебе... В колхоз? А-а... *(Неожиданно расхохотался, а А. Шырап растерянно улыбается)*. В колхоз, значит. Ничего, хорошо, хорошо. Я им это подскажу. Вобщем, дам указание. *(Поет)* Сердце бьется: тук-да тук, съел бараний я курдюк...

А. Шырап. Давай-давай! Дарга здорово поет. Пойте, пойте, дарга.

Кок *(сильно опьянел)*. Если не я, кто же тогда будет петь. Знай, что я один из лучших певцов.

А. Шырап. Да, да, в этом дарга прав. Лучший, лучший певец. Выпейте, перед вами чара.

Кок. Нет, нет. Теперь хватит. Кок знает свое дело. Кок промажет в утку, но в озеро никогда не промажет. Иду домой *(встает, шатается)*. Пока... *(падает)*.

А. Шырап. Сынок, сынок, иди проводи даргу. *(Тихо)*. Поговори с ним в дороге. О чем—сам сообразишь.. Ты ведь парень не глупый.

Мылдыкпан *(резко встает, отцу упрямо)*. Ладно, пойду... Но пусть это будет в последний раз.

(Кок что-то мычит).

А. Шырап. Скорее собирайся, сынок, надо проводить даргу. Поздно уже, темно, как бы не заблудился.

Кок. Да, да, проводи меня. Холодный родник Шокар-Кадай вошел в пятки моих ног, да и в голову стукнул. Идем. *(Поет)*. Сердце бьется: тук да тук, съел бараний я курдюк...

(Уходит с Мылдыкпаном).

А. Шырап. Что-то у нас с сыном творится, не знаю. В своем ли он уме?

Ш. Кадай. Не горюй, отец, никуда он от нас не уйдет! Одна кровь. Вечером я с ним поговорю.

(Входит Хорлукпан).

Хорлукпан *(сердито)*. Ну, что слышно?

А. Шырап. Старуха, загнала ли ты барана в загородку, поди-ка проверь...

Ш. Кадай *(ей не хочется уходить)*. Что ты, что ты, муженек, когда это я что забываю. Загнала...

А. Шырап. Проверь, говорю....

Ш. Кадай. Что рычишь, как зверь, иду. Смотри же, гостя прими как следует, чай там... и что другое *(уходит)*.

Хорлукпан *(нетерпеливо)*. Ну!

А. Шырап. Особых новостей нет. Тожзем в колхоз собираются реорганизовать.

Хорлукупан. Собрания еще не было?

А. Шырап. Не было, но скоро будет.

Хорлукупан. До собрания поработать надо как следует. Надо, чтобы решение партийных провалилось.

А. Шырап. Вряд ли это удастся.

Хорлукупан. Пойми ты, до организации колхоза нельзя допускать. Тогда наше дело будет хуже. Пока у них еще есть скот, своя земля, свое хозяйство, мы как-то на них можем воздействовать, а когда это все будет общее -- они уже не наши. Как ты допустил до этого?

А. Шырап. Что же делать? Таким, как мы, работать очень трудно. Все знают наше прошлое, наш чин. Нас никто не слушает.

Хорлукупан. Не так действуешь, как я тебя учил. Да... дожили... Мы, сыновья знатного богатого Сагырыкчы, должны подлаживаться к какому-то Биче-оолу. Но ничего, не вешай голову, старина, наш день еще придет. Мы должны их подчинить себе. Внимательно следи за тем, что делается в поселке. Узнавай, предугадывай действия партийных. Ищи трещинки в их рядах. Недовольных, обиженных ищи, особенно среди пьющих, на них опираться будем.

А. Шырап. Да, да, начальник. Правильные ваши слова. Так и действую уже, но пока еще мало что получается. Не поддаются.

Хорлукупан. Куда они денутся, будут они нас слушать. Надо что-нибудь придумать, принудить, заставить... А не захотят... будем разговаривать другим языком... Будем жечь, травить скот, вредить, где только можно, этого мале будет, — уберем с пути тех, кто мешает. Но это лишь в крайнем случае. Ясно?

А. Шырап. Ясно, ясно, мой Сагырыкчы. Я жду нашего времени. Все сделаю, чтобы его вернуть. И как же мы справимся с теми, з-за кого нам сегодня приходится унижаться!.. Если колхоз все же организуется, я, жена и сын вступим в колхоз и там уж посмотрим, что дальше делать.

Хорлукупан. Действуйте умно, осторожно. Не оставляйте следов. До свидания. Ухожу, ни чаю, ничего другого не надо. Еще войдет кто. Не надо, чтобы нас видели вместе. Выйди, посмотри, нет ли кого.

(Агбан-Шырап выходит, входит Шокар-Кадай).

Ш. Кадай. Ой, я все думала, что вы ушли, выходит, что я ошиблась (улыбается).

Хорлукупан. Нарочно задержался. Старую знакомую проведать. Как живете. Севилочка? (подмигнул).

Ш. *Кадай*. Ой, что вы, что вы. Какая уж там Севилочка! Меня теперь люди зовут Шокар-Кадай. Да и не к чему нам вспоминать прошлое. Так вы заходите, Сагырыкчы.

(*Хорлукпан ткнул пальцем в бок Шокар-Кадай и ушел*).

Ш. *Кадай* (*покачивая головой*). Ишь, лохматый козел, совсем безнадежный, а туда же... рога точит. А ведь раньше мы не просто знакомыми были, а Севилочка... (*передернула плечами*). А что было бы, если б Агбан узнал... а?

(Занавес).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Юрта Биче-оола. В юрте Чечекма и Кускелдей. Чечекма готовится к какому-то выступлению, читает и что-то выписывает в тетрадь.

Кускелдей. Приготовь-ка, дочка, чаю, скоро придут даргалары, кружок ведь сегодня.

Чечекма. Знаю, знаю, мамочка, и у нас сегодня занятие, вот и готовлюсь. Закончу и поставлю. Можно ведь, да?

Кускелдей. Ну еще бы, конечно, можно. Я твоей общественной работе мешать не буду.

Чечекма. Да ты у меня передовая. Я горжусь тобой, мамочка. Вель ты первая тувинская женщина, получившая орден Лепина от Советского правительства.

Кускелдей. Будет, будет тебе, хитрюга. Хочешь задобрить, чтобы не ругала тебя за то, что не торопишься выполнить просьбу матери.

Чечекма. Я сейчас, мамочка. Вот-вот закончу.

Кускелдей. Ладно, сиди уж. Сама поставлю. Кончай свое дело (*наливает чайник*).

Чечекма. Это ведь так трудно, мама, приготовить хорошее выступление. Вот здесь (*показывает на голову*) много всего, а начнешь говорить, и не то совсем получается. Вот бы мне научиться, как учительница Анна Васильевна. Как она говорят, мама!

Кускелдей. Она училась побольше твоего. Ничего, и ты скоро научишься.

Чечекма. А какая она хорошая Анна Васильевна, как много помогает нам.

Кускелдей. Все они, русские девушки, хорошие, смелые, старательные люди. А какая тема вашего занятия сегодня?

Чечекма. Тема интересная: «Советский Союз — друг грядущих всех стран». Вот как бы мне ее поинтереснее изложить, примеры поярче найти.

Кускелдей. Чего же их искать, когда они перед твои-

ми глазами. Анна Васильевна твоя—вот пример, врач Мария, агроном Сергеев. По три—четыре года работают без отпусков, не боятся никаких трудностей, помогают нам строить новую Туву. И это теперь, когда идет война, когда и в Советском Союзе каждый человек на учете. Так могут помогать только большие друзья.

Чечекма. И верно, мамочка. Как я сама не догадалась. Ведь такие примеры более всего убеждают. Анна Васильевна... Приехала к нам три года тому назад двадцатилетней девушкой, а стала воспитательницей не только ребятишек, но и всех нас. Родина ее в Ивановской области, более пяти тысяч километров отсюда. Как далеко, а стала для всех нас близкой.

Кускелдей. Гляжу на тебя, дочка, большая ты у меня стала, умная, во всем разбираешься. Средняя школа много тебе дала. Это тоже благодаря Советской власти.

Чечекма. Это правильно, мама! Всему хорошему, что у нас есть, мы обязаны советскому народу, Коммунистической партии. Теперь я знаю, мама, как построить свое выступление. И не надо мне никаких записей, я и так знаю, что сказать.

Кускелдей. Что же ты скажешь, дочка?

Чечекма. А скажу я вот что: «Двадцать с лишним лет тому назад наша маленькая страна обрела большого друга. И посмотрите, что дала нам эта дружба». Ну, тут уж я знаю, что перечислить.

Кускелдей. Освобождение от рабства. Свободный труд вольных аратов, письменность свою получили, школы, больницы, начали переходить на оседлый образ жизни, из юрт в дома... Даже не верится, что все это за каких-нибудь двадцать лет.

Чечекма. Это-то для меня все ясно, но вот одним вопросом меня сбить можно. Не знаю я как-то четкого ответа на него.

Кускелдей. Что это за вопрос, дочка?

Чечекма. Ведь без помощи Советского Союза нам социализма не построить — это ясно. Никаких расхождений в политике, в стремлениях наших народов нет, так почему же мы до сих пор не в Советском Союзе?

Кускелдей. Да... Вопрос это большой и сложный, доченька, волнует он многих... Только, чтобы войти в состав Советского Союза, надо много еще сделать нам здесь. Заслужить эту честь. Поняла?

Чечекма. Понимаю, мама.

Кускелдей. Ой-ой. Заговорила я с тобою, дочка. Мне ведь в сумонный Совет надо зайти, сдать сводку сбора подарков.

(Уходит Чечекма продолжает писать. Входит Анна Васильевна).

Чечекма. Анна Васильевна, дорогая моя. Как хорошо, что ты пришла.

Анна Васильевна. Ну, как, приготовилась?

Чечекма. Все приготовила, но потом решила по-другому сказать. Вот план.

Анна Васильевна *(посмотрев)*. Ну, что ж, неплохо.

Чечекма. Анна Васильевна, письмо от Байыра получила?

Анна Васильевна. Получила, Чечек, сообщает, что скоро выписывается из госпиталя, рука уже поправляется.

Чечекма. А о Николае опять ничего?

(Анна Васильевна отрицательно качает головой, Чечекма отвернулась, заплакала).

Анна Васильевна. Успокойся, Чечек, ведь ещё ничего неизвестно.

Чечекма. Анна Васильевна, родная моя. Если бы Коля жив был, разве он не написал мне за шесть месяцев? Ведь раньше получала по два—три письма в месяц. Да и Байыр что-нибудь написал бы о нем.

Анна Васильевна. Так ведь контужен он был, не помнил ничего.

Чечекма. Коленька, сокол мой ясный. Мечтал приехать к нам *(достает письмо, читает)*. «Далекая моя, родная Чечек, моя черноглазая. Готовимся выступать, враг получит еще один сокрушительный удар, погоним его на Запад без остановки, чтобы добить в его же зверином логове. За меня не бойся, дорогая. Жить собираюсь долго, к тебе вернусь, вместе будем строить жизнь в счастливой Туве». *(Плачет)*.

Анна Васильевна. Крепись, милая, будь мужественна. Будем ждать, ждать... не надо терять надежды.

(Входят Докпак и Биче-оол).

Докпак. Девушкам привет!

Чечекма. Здравствуйте, дарга.

Анна Васильевна. Здравствуйте.

Биче-оол. Вот, товарищ Докпак, девушка, цены ей нет. Даже не знаю, что бы мы здесь делали без нее. Учительница с большой буквы, жизни народ учит, не только ребятишек,— весь сумон в нее влюблен.

Анна Васильевна. Ну, что вы, товарищ Биче-оол. Работаю, как все работают, как совесть подсказывает.

Докпак. Ну, как, по совести, по своим, по родным скучаете, да?

Анна Васильевна. Иногда, а вообще-то и скучать некогда. Работать с детьми—это такое счастье, а тувинские

ребята — очень смывленный, способный народ. Так приятно открывать им глаза на мир.

Докпак. Как ваша школа готовится к учебному году? В чем испытываете нужду, помогает ли вам местное руководство?

Анна Васильевна. Ремонт школы закончен, но есть еще кое-какие недоработки, не везде застеклены рамы, не все печи проверены. Дровами школа пока обеспечена неполностью. Мы с товарищем Биче-оолом посоветовались и решили все эти вопросы поставить на заседании сумонного Совета.

Докпак. Хвалить-то учительницу хвалишь, а как помогаешь ей,—что-то помалкиваешь.

Биче-оол. Пусть сама расскажет.

Анна Васильевна. На товарища Биче-оола не жалуюсь. Он всегда внимателен к нуждам школы.

Докпак. А на кого жалуетесь?

Анна Васильевна. Вообще-то ни на кого не жалуюсь, но председатель сумонного Совета порой больше обещает, чем делает.

Биче-оол. Есть за ним такой грех.

Чечекма. Вот и о красном уголке решения несколько раз принимались, а собраться молодежи до сих пор негде, по юртам приходится.

Докпак. Правильно говорите, красный уголок нужен. Ну, а молодежь ваша только требует или сама тоже что-нибудь делает?

Чечекма. Нет, товарищ Докпак, у нас молодежь в любом деле пример показывает. Вот и школе решили мы помочь. Полы вымоем, кровати в интернате расставим, уют наведем. Ребята дров напилят.

Докпак. Это хорошо. Молодежь везде должна быть впереди.

Анна Васильевна. Заговорились мы с тобой, Чечек, ведь нас там ждут.

Чечекма. Я пойду, отец.

Биче-оол. Иди, иди.

Анна Васильевна. До свидания, даргалары.

Докпак. До свидания, девушки. (*Девушки уходят*). Ну, как, секретарь, серьезный вопрос будем решать. Как думаешь, не провалимся?

Биче-оол. Не думаю, товарищ Докпак... На членов партии я надеюсь. Партийная организация у нас небольшая, но дружная. Народ проверенный.

Докпак. А за всех ли ты ручаешься, достаточно ли ты поработал с каждым членом партии?

Биче-оол. За членов партии я спокоен, а вот к общему собранию членов тоже надо хорошо подготовиться. Вооб-

ще-то мечта о колхозе уже крепко засела в головах аратов. Многие думают об этом, много спорят.

Докпак. Перевод наших аратов на колхозный путь серьезный этап в жизни нашего народа. В условиях Тувы—это социализм, который из теории становится практикой. И для этого большого дела наша партия не пожалеет ни труда, ни энергии.

(Входят Кускелдей и Кудар, здороваются с Докпаком).

Докпак. Кто еще в твоём кружке занимается, товарищ Биче-оол?

Биче-оол. Чиртай-оол, но его не будет, в отъезде он, ну и культурник наш, Кок, как всегда, опаздывает.

Докпак. Ах, этот... веселый парень? Как работает?

Кудар. Насчет веселья ничего, не жалуемся. На гармошке лихо играет, частушки веселые поет, а вот серьезных дел от него не видать.

Кускелдей. В кружке заниматься не хочет: и так, говорит, грамотный — больше некуда.

Докпак. Ишь, ты... *(вбегает Кок)*.

Кок. Привет!.. Слышал, дарга, говорят, приехал, торопился очень, аж вспотел.

Докпак. Как всегда торопишься и всегда опаздываешь.

Кок. Так ведь всегда на несколько минут.

Докпак. Из минут часы складываются. Ну, как культуру двигаешь?

Кок. На все сто, товарищ Докпак, дальше некуда.

Докпак. Так-таки и некуда?

Кок *(самодовольно)*. У кого лучшая самостоятельность в хошуне, не у меня, что ли? Гармошка, песни, конфе... конферансье...

Докпак. Гармошка — вещь, конечно, хорошая, когда она сочетается с другими более серьезными делами. Об уровне культурной работы будем не только по одной гармошке судить, но и по тому, сколько неграмотных читать и писать научил, сколько людей стало в баню ходить, и по другим, пусть небольшим, но важным делам. Подумай об этом, конферансье.

Кок. Учтем, дарга, нажмем и по этой линии, ошибку исправим.

Докпак. Вот-вот. Товарищ Биче-оол, какая тема сегодняшнего запытия?

Биче-оол. Устав сельскохозяйственной артели.

Кудар. Все изучаем да изучаем. По книжечке все да по бумажке. Создавать надо колхоз, записывать.

Докпак. Горячий ты человек, Кудар. Люблю таких, но не слишком ли торопишься. Подготовиться надо к этому вопросу.

Кудар. Чего там готовиться, не понимаю. Вопрос давно

назрел. Уже ходят в народе такие разговоры, а спросишь у некоторых наших даргаларов в хошуне, они все обождать, да обождать... Чего ждать, спрашиваю, даже обидно. Ведь на примере Советского Союза...

Кок. Так то в Советском Союзе, а то у нас.

Докпак. А вы, что же, полагаете, что опыт Советского Союза для нас не приемлем?

Кок. Да нет, товарищ Докпак, я не о том, вы меня неверно поняли.

Докпак. А вы пояснее, чтобы всем понятно было.

Кок. Пожалуйста. Вот говорят колхоз, колхоз. Кто может возразить против колхоза. И я не возражаю. Но вопрос этот очень большой, серьезный. Торопиться с ним нельзя. Надо его тщательно изучить, обдумать, рассмотреть и...

Кускелдей ... и угробить (смех).

Кок. Я бы просил меня не перебивать. Да-да, изучить, а для этого несколько отложить, оттянуть на некоторое время. А то прямо как дети: увидят красивую игрушку, и сразу им вынь, да положь. Смешно даже.

Биче-оол. Если что смешно, то это слушать ваши детские рассуждения.

Кок. По-детски — это бросаться на все наскок, не обдумав.

Кускелдей. Подумать, конечно, не лишнее. И мы этот вопрос не собираемся решать, очертя голову. Но я боюсь, что некоторые товарищи, и Кок в том числе, собираются обдумывать, как союзники обдумывают вопрос о втором фронте...

Кок. Ну, знаете...

Кускелдей. Ведь и господин Черчилль не против второго фронта, да что-то пользы от него пока мало... «Обдумывают» тоже. Сколько обдумывать еще собираетесь, товарищ Кок? Теперь уже не только обдумывать вопрос надо, но и практически его решать.

Биче-оол. Если мы, члены партии, его не решим, то решат тожземовцы. Мы не можем тащиться в хвосте событий, а должны быть впереди их. Так-то вот, товарищ Кок.

Кок. Так, так... бейте Кока сразу с двух сторон. Вы привыкли партийные вопросы решать по-семейному.

Кускелдей. Мне стыдно за такого члена партии, который не умеет отличить дела партийные от семейных. Вы отста-ли, Кок, от многих беспартийных аратов.

Кок. Я бы просил меня не учить и выбирать выражения поосторожнее. Если не умеете культурно говорить, то не мешает кое у кого поучиться.

Кускелдей. Слишком простая у вас культура. Не в одной ли шляпе она заключается у вас?...

Кок. Прошу не забывать, что я занимаю пост...

Докпак. Все мы здесь члены партии, без различия пос-

тов и званий. И нет выше звания, чем звание члена партии. Запомните это, Кок.

Кок. Так ведь обидно, что меня не хотят понять. Я тоже не против колхоза, но я за то, чтобы обождать, чтобы ошибок не наделать.

Кускелдей. Но если вы предлагаете ничего не делать, боясь ошибок, то такое ваше предложение не пройдет. Ошибки на первых порах возможны.

Кок. Вот-вот, и вы то же говорите.

Кускелдей. Но нельзя научиться плавать, сидя на берегу, для этого все же надо броситься в воду.

Кудар. Вопрос ясен. Надо объявить запись. Пиши меня первым.

Биче-оол. Запись объявить недолго. Вот сегодняшний разговор показывает, что даже среди членов партии нет единого мнения. Нужно провести еще разъяснительную работу.

Докпак. Причем, главное в ней—это не просто агитация за коллективный труд. Выгода коллективного труда аратам уже ясна и на практике тожзема. Надо в очень убедительной форме раскрыть преимущества сельхозартели, как более высокой формы коллективного труда. Может быть, даже организовать поездку нескольких тожземовцев в другие районы, где есть русские колхозы. Надо показать, что в настоящий момент тожзем уже становится препятствием на пути дальнейшего улучшения жизни аратов.

Кускелдей. Уверена, что после такой работы большинство аратов пойдет за нами, ну, а те, кто не желает, пусть посидят, подумают.

Докпак. Таким образом, обмен мнениями показал, что организация колхоза не встречает возражения со стороны подавляющего большинства членов партии. Правда, здесь не совсем понятным было поведение члена партии Кока. С одной стороны, он за колхоз, но, с другой стороны, он предлагает от практического решения этого вопроса воздержаться. Всякий, кто внимательно изучал историю большевистской партии, знает, что подобное поведение называется оппортунистическим и что оппортунизмом революционные партии заболели, когда на некоторую часть партии влияли капиталистические элементы.

Наша партия в целом здоровая, революционная партия, но даже и отдельные выступления, вроде сегодняшнего выступления Кока, не могут нас оставить равнодушными.

Ищите, кто влияет на таких, как Кок. Будьте бдительны, товарищи. Бдительность никогда лишней не бывает. Помните, что наше великое дело — организацию колхозов — враг попытается сорвать и что только наша сплоченность, наше единство сорвет все коварные замыслы врагов. А товарищу Коку есть о чем подумать после сегодняшнего разговора так же, как

есть о чем подумать и секретарю партийной организации товарищу Биче-оолу. Не слишком ли вы, товарищ Биче-оол, переоценили свое знание настроений всех членов партии вашей парторганизации?

Биче-оол. Ваша правда, товарищ Докпак. Эту ошибку свою признаю. Заверяю хошунный партийный комитет, что исправлю ее.

Докпак. Теперь, думается мне, партийной организации надо наметить кандидатуру председателя организуемого колхоза. Кому-то из товарищей надо будет поручить предложить эту кандидатуру общему собранию тожземовцев.

Кудар. Предлагаю председателем Биче-оола, лучше не придумаешь.

Кускелдей. Предложение верное.

Докпак. Вы, что, товарищ Кок, против, что ли?

Кок. А-а? Нет, почему же. Я не против, просто задумался.

Докпак. А-а... ну-у...

(Врывается Аксал).

Аксал. Новость, даргалары, знаете какая новость!

Голоса. Что? Что случилось?

Аксал. Такая новость, что... Ой, дайте дух перевести... Приехал сюда... идет...

Кускелдей. Да кто приехал-то, говори толком. Не томи.

Аксал. Приехал фронтовик наш, Герой Байыр-оол. Сюда идет.

(Входят Байыр-оол, Анна Васильевна, Чечекма, Чилбакай и другие. Одна рука Байыр-оола на повязке).

Биче-оол. Добро пожаловать, гость наш дорогой.

Кудар. Здравствуй, брат наш, рады видеть тебя.

Байыр. Здравствуйте, здравствуйте, земляки, родственники, друзья мои. Привет вам от фронтовиков, наших добровольцев, не посрамили себя в бою сыновья тувинского народа. Пастухи, землепашцы, охотники — все оказались хорошими воинами.

Кускелдей. С тобой что-то случилось, сын мой?

Байыр. Что же, тетушка Кускелдей, пришлось и мне пролить немного крови за святое дело. Трех пальцев нет, но это не страшно, надеюсь с оставшимися скоро вернуться в строй, чтобы вместе с другими войти в Берлин.

Аксал. А что, скоро уж, сынок, проклятому этому Гитлеру голову свернете?

Байыр. Похоже на то, что скоро. Почти вся Украина, Белоруссия свободны уже от фашистов. Скоро война перенесется на территорию врага.

Ч и л б а к а й . Пусть на своем хребте, зверюга, почувствует, каково это, когда над тобою бомбы рвутся.

Б а й ы р . Бомбы, мать, уже давно рвутся над его головой.

Б и ч е - о о л . Что ж нам про друга своего ничего не расскажешь, про русского солдата, Николая Иванова, что сюда приезжал.

Б а й ы р . Николай... друг мой...

(Замолчал, посмотрел на Чечекму. Она, бледная, с горящими глазами, смотрит в упор на Байыра).

Ч е ч е к м а (шопотом). Говори... что Николай?

Б а й ы р . Николай погиб смертью храбрых семь месяцев тому назад.

(Чечекма вскрикнула, упала на груд к матери. Длительное молчание.)

Б и ч е - о о л . Как же это произошло?

Б а й ы р . Коля, брат мой кровный, отдал свою жизнь, спасая меня. Да, русские солдаты — это смелые, отважные люди, надежные друзья. В беде товарища никогда не покинут.

Пошли мы с Николаем в разведку. Перед наступлением надо было проверить еще раз расположение вражеских огневых точек. Пошли мы подразделением, потом у самой деревни, занятой врагами, рассредоточились. Я пополз с Николаем. Трое суток задержались возле этого села, связались с жителями, добыли ценные сведения. Ночью пошли обратно. Николай впереди, я несколько сзади. В одном месте Николай прополз, я за ним, кажется, точно по следу, но, видимо, принял чуть влево и напоролся на мину. Бок и руку разворотило, контузило вдобавок. Я потерял сознание, когда очнулся — темная ночь, стреляют, видимо, по нас. Николай, тоже раненный, тащил меня на себе целых три километра. Положение мое было тяжёлое, я то приходил в себя, то снова впадал в беспамятство. Просил Николая оставить меня, могли убить обоих нас, а в части ждали сведений. От них многое зависело в предстоящем наступлении. А Николай все полз со мною на спине. Осталось совсем мало перейти ничейную землю, стало рассветать, дальше ползти было невозможно. Решили переждать до ночи. Залегли в густом кустарнике. Раны мои горели. Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить мои страдания, Николай решил сходить достать для меня воды.

Это было очень опасно, уже взошло солнце, он очень хотел хоть как-то мне помочь. Сколько Николай отсутствовал, не знаю, только я открыл глаза от того, что почувствовал, что кто-то на меня смотрит... Я чуть приподнялся, вижу — немец стоит, вскинул на меня автомат. Я только было к своему автомату потянулся здоровой рукой... вдруг раздался выстрел. Николай

уложил автоматчика, но второй, которого Николай не мог увидеть из-за кустов, сразил моего друга, когда тот склонился надо мною с котелком. Меня немец то ли считал мертвым, то ли неспособным к сопротивлению, не очень опасался, но у меня еще хватило сил дать по нем очередь одной рукой... Меня подобрал разведчик нашей соседней части. (*Чечекма заплакала*).

К у с к е л д е й . Не плачь, дочка, не только ты, народ тувинский потерял большого друга.

Д о к п а к . Вот он, ярчайший пример силы великой дружбы. Сын тувинского народа пошел добровольцем на фронт, когда его второй Родине угрожала опасность, русский солдат отдал свою жизнь, спасая тувинского брата.

Б и ч е - о о л . Спи спокойно, наш русский друг. Твоя яркая жизнь и твой беспримерный подвиг будут для нас путеводной звездой.

Большой вопрос обсуждали мы сегодня — жизнь нашу пережить по-новому. Не только враги, но даже из наших кое-кто усомнился, быть ли колхозу у нас. Быть, и только быть! Смерть нашего друга Николая Иванова говорит нам, что только вместе с нашим русским братом и по его пути лежит путь к счастью нашего народа.

Первый наш колхоз будет носить светлое имя русского солдата Николая Иванова, отдавшего свою жизнь, спасая тувинского друга.

(З а н а в е с) .

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Контора правления колхоза. На стене—большой портрет Иванова в траурной рамке. Биче-оол ходит по комнате, диктует, Чечекма записывает.

Б и ч е - о о л . Пиши, пиши, дочка. В редакции ждут эту статью. Надо скорей кончать (*диктует*). Площадь под посевами зерновых на 12 процентов больше намеченного по плану. Урожай обещает быть не менее 16—17 центнеров с гектара. Это значительно больше того, что собирали и продолжают собирать араты в своих единоличных хозяйствах. Таким образом, даже по самым скромным подсчетам, получается, что первый год своего существования колхоз отмечает значительными успехами. Колхозники полеводческой бригады...

Ч е ч е к м а . Отец, про полеводство хватит, еще ведь надо о животноводстве написать, про бахчевые посевы, о строительстве новых домов для колхозников. Статья получится очень большая.

Биче-оол. Ты права, Чечек. Статья принимает угрожающие размеры.

Чечекма. Давай о животноводстве.

Биче-оол. Да. Животноводством мы похвалиться не можем. Так хорошо пошло в начале. Сохранили весь приплод, намечался значительный рост поголовья и вдруг — этот страшный падеж.

Чечекма. Отец, ветеринарам удалось установить причины возникновения эпидемии?

Биче-оол. Пока нет. И что более всего страшно, что, несмотря на строгий карантин, — эпидемия продолжает перебрасываться с одной фермы на другую. Странно очень.

Чечекма. Поговаривают, отец, что здесь возможно вредительство, кому-то не по душе наши успехи.

Биче-оол. Возможно, все возможно, дочка. По данным у нас никаких. Просто голова раскалывается от разных дум. Но ты пока об этом молчи. Если здесь действительно имеет место вредительство, то надо, чтобы враг не знал, что мы напали на след.

Чечекма. Это ясно, отец. Продолжим...

(Входит Мылдыкпан).

Мылдыкпан. Мне передали, что вы меня вызывали, дарга.

Биче-оол. Да, вызывал. Ну, как, парень, работаешь? Вы с отцом недавно вступили в колхоз. Интереснее с народом работать?

Мылдыкпан. Очень даже хорошо, дарга. Благодать. Теперь я понимаю, что такое коллективная работа. Весело и быстро.

Биче-оол. Да, коллектив — великая сила. Учиться не думаешь?

Мылдыкпан. Если только вы доверите... (смутился). Я знаю, вы нам не очень доверяете. Отец мой баем был в прошлом. Но если бы вы мне доверили трактор, то я...

Биче-оол. Доверие наше будет зависеть от тебя. Как будешь работать, как будешь помогать строить колхозное хозяйство. Я вот зачем тебя позвал. Сейчас возьмешь коня и поедешь на фермы. Сначала к отцу заедешь, скажи ему, пусть приезжает сюда. Потом отвезешь продукты и газеты на стан к Чиртай-оолу, сегодня срок доставки, опаздываем.

Мылдыкпан. Хорошо, дарга. Будет сделано. А где продукты и газеты возьму?

Биче-оол. Получишь у завхоза. У него уже все приготовлено. Чечекма тебе записку напишет. (Чечекме). Я пойду

пока, потом закончим... Да, что я хотел спросить у тебя? Что это за старик такой заходит к вам часто?

Мылдыкпан (*смутился*). Родственник дальний... из западных районов приехал...

Биче-оол. Родственник, значит... Ну, ну (*уходит*).

Мылдыкпан. Чечекма, а ты меня и видеть не хочешь?

Чечекма. Почему же, как всех. А вот твои любовные объяснения слушать действительно не хочу.

Мылдыкпан. Но ведь его уже нет в живых, кому ты верность сохраняешь — мертвому?

Чечекма. Не смей вспоминать о нем, не оскверняй его память.

Мылдыкпан. Я все равно буду любить тебя, ты будешь мой.

Чечекма. Будешь ты меня любить или нет, это меня мало интересует. Но слушать об этом не хочу. Запомни это, Мылдыкпан, и покончим с этим раз и навсегда (*передает записку*). На, выполняй задание.

Мылдыкпан (*вздыхнув*). Иду.

Чечекма (*глядя на портрет*). Коля, сокол мой милый, маадыр мой. Ни на кого тебя не променяю, не забуду во век.

(Стоит в задумчивости. Входит Кудар).

Кудар. Где председатель? Людей, людей не хватает. Каждый час — это погубленные центнеры. Что же они со мной делают?!

Чечекма. А где же вам их председатель возьмет, дядя Кудар? Вы же знаете, что все люди распределены по работам.

Кудар. Не знаю, где угодно. Людей мне, хоть кого угодно: старушек, детей. Пусть зерно провеивают, в мешки насыпают. Пока комбайнов нет, мне нужны люди.

Чечекма. Да вот и отец идет (*уходит, входит Биче-оол*).

Биче-оол. Воюешь, бригадир? Когда зерно на пункт повезем?

Кудар. Люди все на уборку брошены. Зерно может осыпаться. Насыпать в мешки и возить некому. Давай людей.

Биче-оол. Где я тебе возьму? В кармане они у меня спрятаны, что ли? Надо что-то тебе придумать, чтобы с этим количеством людей шла уборка и сдача зерна одновременно.

Кудар. Да ты что, смеешься надо мной...

Биче-оол. Тише, тише, не горячись. Ну, а собрать сколько думаешь? Я по 17 центнеров в статье обещаю.

Кудар. Боюсь вперед загадывать, но если и дальше так дело пойдёт, то и все 19 выдадим (*улыбаясь*). Пшеница-то стеной стоит.

Биче-оол. Ну, вот, а ты горячишься.

Кудар. Ты мне зубы не заговаривай, председатель, людей давай, а то ругаться будем.

Биче-оол. Ну, а ругаться и вовсе не к чему, тем более сюда учительница идет.

(Входит Анна Васильевна).

Анна Васильевна. Принимайте людей, бригадир.

Кудар *(поспешно)*. Сколько?

Анна Васильевна. Двадцать два человека, если каждого из них за целого человека считать.

Кудар. Да вы что, смеетесь, что ли, какие люди, откуда?

Анна Васильевна. Вполне серьезно. Двадцать два ученика старших классов ждут ваших распоряжений, товарищ бригадир. *(Кудар изумлен)*. Так что действуйте, товарищ бригадир.

Кудар *(срывается с места, целует Анну Васильевну)*. Вот спасибо, Анна Васильевна, век не забуду. Жениха тебе за это хорошего достану.

Биче-оол. А у нее есть уже, забыл, что ли? Байыр с фронта приехал.

Кудар. Что Байыр, что Байыр, ей разве такого надо. Сам женюсь, вот что.

(Убежал, Биче-оол и Анна Васильевна смеются).

Биче-оол. Разум потерял от радости бригадир. Выручили вы его, за это действительно большое спасибо вам.

Анна Васильевна. Ну что вы, Биче-оол-дарга. Мне, ребятам спасибо. Пойду помогу ему расставить их.

Биче-оол. Да, да, идите. *(За окном слышно, как подъехал всадник. Биче-оол посмотрел в окно)*. А, ко мне вон пастух приехал.

(Анна Васильевна уходит. Входит Агбан-Шырап).

А. Шырап. Здравствуйте, дарга. Что нового?

Биче-оол. Здравствуйте. Особенного ничего нет.

А. Шырап. Звали?

Биче-оол. Звал. Садитесь. Как скот?

А. Шырап. Бог миловал пока. Весь цел.

Биче-оол. Признаков заболевания нет?

А. Шырап. Ни одного случая. Нагул хороший.

Биче-оол. Чем объяснить, что на всех фермах, кроме вашей, такая вспышка эпидемии, большой надеж?

А. Шырап. Видно, следят похуже. Я за общественным

скотом больше слежу, чем за своим собственным. Ночи не сплю.

Биче-оол. Привыкаете в колхозе работать?

А. Шырап. Я люблю работать. Лодырничать не привык.

Биче-оол. Вы меня извините, конечно. Но, в прошлом бай, вы имели большие стада своего собственного скота. Ну, и что же вы действительно в состоянии ухаживать за общественным скотом, как за своим?

А. Шырап. Это видно по результатам. Только у одного Агбан-Шырапа весь скот и весь молодежь сохранился, а у других... Знаете, кто своего ничего не имел, тот и общественное беречь не умеет.

Биче-оол. М-да... Вы старый человек, много лет со скотом дело имели — вы не можете сказать, чем все-таки вызвана эпидемия? Ведь в наших местах давно такого не было.

А. Шырап. Не знаю, я не врач.

Биче-оол. А как, по-вашему, в колхозе дела идут, что можете сказать?

А. Шырап. Что я могу сказать? Ведь я всегда на отшибе, один со скотом, да с подпасками своими. Но иногда все же кое-что приходится слышать.

Биче-оол. Что, например?

А. Шырап. Что народ больно прижимаете.

Биче-оол. То есть, как?

А. Шырап. А вот так, порядки завели больно строгие, нормы разные, дисциплину, взыскания, в газете критикуете.

Биче-оол. А вы как же полагаете, дисциплина в колхозе не нужна?

А. Шырап. Она, может, и нужна, да не сразу людей-то прижимайте, не любят они этого. Вам бы поосторожней, полегче, пусть пока каждый работает, как может, а потом сознание само подскажет.

Биче-оол. Ну, знаете ли, с таким сознанием, о котором вы говорите, можно и колхоз развалить. Без строгой дисциплины никакой коллектив жить не может. Честные трудовые араты дисциплины не боятся, ее боятся либо лодыри, либо враги, кому выгодно, чтобы колхозы наши развалились. Но мы до этого не допустим.

А. Шырап. Вот уж вы меня врагом назвали, дарга.

Биче-оол. Да нет, врагом пока я вас не считаю, поскольку работаете вы добросовестно, но рассуждения ваши считаю ошибочными, и если вы их упорно будете придерживаться, то можете этим самым помогать нашим врагам. Напомнить об этом вам считаю не лишним.

А. Шырап. Прошу меня извинить, если что не так сказал. Старик ведь я темный, сказал, что думал, а что поправили меня, за это спасибо большое. Могу идти, дарга?

Биче-оол. Да, можете идти. (*Агбан-Шырап хочет уходить*). Да, Агбан-Шырап, старик тут один мне иногда попадает на глаза, к вам, кажется, часто заходит, кто он такой?

А. Шырап. Старик? Какой старик? А-а... Нищий такой, так ведь он почти полоумный. С Запада он, что ли, пришел, родных у него нет, умерли все. Жалко мне его, вот и покормишь когда. А так я его мало знаю.

Биче-оол. А не родственник он вам?

А. Шырап. Родственник? С чего вы взяли. Нет-нет, не родственник. Так я пойду...

Биче-оол. Идите, идите. Да... вот еще что... (*достает из стола аптекарскую бутылку цветного стекла*) бутылку вы вот вашу, паверно, обронили когда. А бутылка хорошая, необычная, пригодиться может.

А. Шырап (*вздвигнув*). А с чего вы взяли, что это моя бутылка. Такой бутылки у меня никогда не было.

Биче-оол. Разве? А Чылбакай говорила, что жена ваша Шокар-Кадай с такой точно бутылкой приходила к ней керосин занять. А впрочем, она и ошибиться могла. Так не ваша, значит, бутылочка?

А. Шырап. Нет, не моя. До свидания, дарга.

Биче-оол. До свидания. (*А. Шырап уходит*). Задача... не сразу ее разрешишь.

(Входит Кускелдей).

Кускелдей. Что, Аксал еще не приехал?

Биче-оол. Пока нет.

Кускелдей. На след не напал еще?

Биче-оол. Одни предположения, предчувствия и никаких фактов, доказательств.

Кускелдей. Органы Госбезопасности поставить бы в известность, они скорее разберутся.

Биче-оол. Они-то разберутся, но мне самому докопаться надо. Это дело моей партийной совести. Я партии слово дал повысить бдительность и... (*стукнул кулаком по столу*) опять проморгал.

Кускелдей. А может быть, ты ничего и не проморгал, а эпидемия—это просто бедствие... случайность.

Биче-оол. Нет, не случайность. Слишком много случайностей. Скот гибнет — случайность, хлеб пытались поджечь — тоже случайность? Кто-то среди колхозников все время слухи распускает, разговоры ненужные ведет. Здесь орудует враг, а накрыть его не можем.

Кускелдей. Беседа с Агбан-Шырапом тебе дала что-нибудь?

Биче-оол. Ничего, кроме того, что я еще раз убедился,

что это очень хитрый и осторожный человек. Зацепиться пока не за что, один фактик заставляет призадуматься, но это еще надо проверить. А работает хорошо.

Кускелдей. Да. Один из лучших колхозников. По трудным их семья чуть ли не на первом месте.

Биче-оол. Народ наш привык людей ценить по труду, и поэтому Агбан-Шырап сейчас один из наиболее уважаемых колхозников. Ему все готовы забыть его прошлое.

Кускелдей. Это верно. С ним теперь надо очень осторожно поступать. Обвинить его можно только имея неопровержимые факты, иначе народ может нехорошо воспринять это.

Биче-оол. Пойми, жена, не только в этом дело. Я бы не побоялся посадить этого бывшего бая и по одному подозрению, но ведь вот что меня останавливает: а вдруг человек действительно хочет честно жить и трудиться, смыть с себя пятно прошлого. Вот что главное. Боюсь честного человека обидеть, если он действительно такой.

Кускелдей. Постой, кажется, Аксал подъехал.

Биче-оол. Да-да, он. *(Поспешно входит Аксал. По его виду чувствуется, что он только что проделал большой тяжелый путь.)* Ну, что, узнал что-нибудь?

Аксал. Да, дарга *(достает из-за пазухи точно такую же аптекарскую бутылку, ставит на стол)*. В этой самой... лаба... лаба... лаба... тьфу!

Кускелдей. Лаборатории, что ли?

Аксал. Вот именно... произвели анализ, и установлено, что в этих бутылках была смесь, зараженная бактериями какой-то болезни. Название-то ее я не упомянул. Здесь вот всё прописано *(достает пакет)*. Ею-то и травили наш скот.

(За окном появляется голова Хорлукпана, подслушивает, его не замечают).

Биче-оол. Скот травили. Сволочи! Труд наш, нашу кровь... Знали, куда ударить. По самому больному месту... Из-под земли негодяев достану. Коня мне, скорее. Еду на ферму к Агбан-Шырапу.

(Занавес).

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Тайга. Густой кустарник. Поспешно входят Агбан-Шырап и Хорлукпан.

Хорлукпан. Значит, говоришь, он догадывается.

А. Шырап. Уж и не знаю, как я у него высидел. Словно в душу заглядывает. Все, все знает. И про тебя. и про бу-

тылки, и все остальное. Теперь конец нам пришел, все пропало.

Хорлукпан. Замолчи. Голову только терять не надо, из любого положения выход можно найти... и сейчас найдем.

А. Шырап. Какое там найдем. Схватят нас, посадят. Ведь говорю я: он знает все. Надо бежать.

Хорлукпан. Дурак ты, куда бежать. Везде такие же найдутся. Уничтожить его, и концы в воду. Ведь только он один кое о чем догадывается, остальные ничего не знают. Их куда хочешь за собой повести можно. Думаешь, им колхозные порядки нравятся.

А. Шырап. Убить? Нет, на это я не пойду. Мне еще свою голову терять не хочется.

Хорлукпан. Вот и не понимаешь ты ничего, только так ты се не сбережешь. Запомни, если Биче-оол останется в живых, не видеть тебе белого света.

А. Шырап. Но страшно ведь: то сено, скот, а тут живой человек.

Хорлукпан. Страшно не это, страшно другое. Жить в колхозе страшно. Не иметь ничего своего — страшно. Быть батраком у Биче-оола — страшно, ходить униженным, оплеванным, подпасть под гнет Советской власти, а тогда уже навсегда потерять надежду вернуть старые времена — вот что действительно страшно. Запомни: кто стал на нашу дорожку, тому хода назад нет. Нельзя становиться между двумя жерновами — сотрут. Либо с нами, либо против нас — другого пути нет. А ты уже пошел с нами.

А. Шырап. Что же, видно, быть по-твоему. Только что с того, что убьем одного Биче-оола, вместо него другого поставят. Что изменится?

Хорлукпан. Ты слепой крот. Не видишь, что делается вокруг. Хоть не имею права рассказывать, но, так и быть, ты человек верный. Наши люди работают везде, во всех хошунах, во всех сумонах. Наш выстрел по всей стране отзовется эхом. Будем их убивать, уничтожать, жечь. Всю Туву заставим дрожать от страха. Головку снимем — остальные испугаются. Ишь, чего захотели голодранцы — Советской власти. Мы вам покажем Советскую власть. Реки крови прольются, но по-вашему не быть.

А. Шырап. Теперь я понял, мой Сагырыкчы. Но скажи мне, сына моего, мальчика, зачем в это дело втягивать? Ему зачем рисковать, ведь он еще молод, ему жить надо.

Хорлукпан. Вот для него-то больше всего и надо бороться. И ему в стороне нельзя стоять. Когда наша власть придет, мы тех, кто помогал нам, не оставим.

А. Шырап. Но если сорвется наше дело, зачем губить его?

Хорлукупан. Не сорвется, не должно сорваться. Стрелять должен Мылдыкпан, сын твой. Глаз у него молодой, мягкий, не промахнется.

А. Шырап. Я тоже охотник опытный, белку в глаз стреляю.

Хорлукупан. Разговор окончим. Стрелять будет Мылдыкпан. Не нравится мне его поведение за последнее время. Как и ты колеблется, предать нас может, а уж когда за ним убийство председателя колхоза будет, некуда ему деваться. Наш навсегда. Хватит разговаривать. Скоро Мылдыкпан подойдет, я ему приказал сюда прийти. При нем смотри — никаких лишних слов, не то...

А. Шырап. А может, Биче-оол здесь и не проедет.

Хорлукупан. Обязательно здесь проедет, другого пути ему нет. *(Прислушивается)*. Кажется, Мылдыкпан идет.

А. Шырап. Да, он.

(Входит Мылдыкпан).

Мылдыкпан. Ну, что еще затеяли? Зачем звали?

Хорлукупан. Непочтительно со старшими разговариваешь, сын мой. Настал твой час, Мылдыкпан, должен ты показать, смелый ты человек или так, баба.

Мылдыкпан. Для чего вам моя смелость понадобилась?

Хорлукупан. Если ты мужчина, ты не сможешь простить насмешек этой девчонки над тобой. Отомстить должен.

Мылдыкпан. Что я должен сделать для этого?

Хорлукупан. Убить ее отца, председателя Биче-оола.

Мылдыкпан. Я не хочу никого убивать! Я не хочу больше участвовать в ваших грязных делах. Я жить хочу, работать, дышать, быть со всеми заодно.

Хорлукупан. Ты для них был и останешься чужим, сыном бая.

Мылдыкпан. Неправда! Мне трактор доверят, я пойду учиться. Я хочу честно жить.

Хорлукупан. К ним тебе пути нет. После того, что ты уже сделал, тебе один только путь — в тюрьму.

Мылдыкпан. Что я сделал? Я ничего не делал, это вы все. Скот травил, сено жгли. Мало того, теперь хотите кровь проливать... Звери вы, звери.

Хорлукупан. Бери пистолет...

Мылдыкпан. Не возьму.

Хорлукупан. Возьми, говорю.

А. Шырап. Возьми, сынок.

Мылдыкпан. Оставьте меня, я кричать буду. Я не дам вам никого убивать.

Хорлукпан. Молчи, щенок (*ударом пистолета сбивает его с ног*). Я слышу стук копыт. Биче-оол едет.

Мылдыкпан (*вскакивает, кричит*). Стойте, дарга, стой...

(Хорлукпан стреляет, Мылдыкпан падает).

А. Шырап. Сына, сына моего убил.

Хорлукпан. Молчи, другого выхода не было. Все бы погибли. Приготовься.

(Хорлукпан прячется за дерево. Вбегает Биче-оол).

Биче-оол. Кто стрелял? Что здесь случилось? Мылдыкпан убит... кто же его...

Хорлукпан (*выходя*). Это наше дело... семейное.

Биче-оол. И ты здесь, загадочный старик. Давно тобой интересуюсь.

Хорлукпан. И я тобой, председатель.

Биче-оол (*показывая на Мылдыкпана*). Твое дело?

Хорлукпан. А хотя бы мое. Много тут моих дел. Мор скота — мое дело. Пожар на складе кормов — мое дело. Камни в молотилке — мое дело. Много еще моих дел узнает Тува. И смерть твоя, подлый батрак, тоже мое дело. Становись.

(С пистолетами в руках подходят к Биче-оолу).

Биче-оол. Что же, возможно, вы меня убьете, но ходя истории вам не остановить. Тува будет Советской.

Хорлукпан. Спиной повернись, проклятый.

Биче-оол. Не привык. Предпочитаю в глаза смерть встретить.

(Хорлукпан поднимает пистолет, Биче-оол неожиданно броском валит на землю Хорлукпана, происходит борьба из-за пистолета, пистолетом овладевает Биче-оол, приподнимается, но в этот момент Агбан-Шырап ударяет ножом в спину Биче-оолу, тот падает. Хорлукпан поднимается, пробует руку Биче-оола, она безжизненно падает).

Хорлукпан. Началось... Один уже готов.

(Занавес).

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Улица нового поселка. Два ряда новых домов. На переднем плане правление колхоза.

Входят Кускелдей и Докпак.

Докпак. Так что у вас здесь происходит, Кускелдей-дарга?

Кускелдей. Дела невеселые. Массовый падеж скота хотя и прекратился, но отдельные случаи еще встречаются. Анализ найденной жидкости в бутылке показал наличие бактерий. Значит, скот кто-то травил нарочно. А вот кто — до сих пор ничего не можем дознаться.

Докпак. Подозрение на кого-либо падает?

Кускелдей. Подозрение есть, да фактов нет. Так что пока бродим втемную.

Докпак. Не волнуйтесь. Кому следует, уже занимаются этим делом. Ниточка уже как будто бы найдена. Недолго этим людям втемную играть, скоро их на свет вытащим.

Кускелдей. Хотя бы скорее, все сердце измучилось.

Докпак. А Биче-оол-дарга где, он мне срочно нужен. Дело большое, важное.

Кускелдей. На ферму к Агбан-Шырапу поскакал.

Докпак. Надо срочно послать за ним. Да и весь народ надо срочно собрать для очень важного разговора.

Кускелдей. А что, разве опять что-либо неприятное случилось?

Докпак. Случилось, но неприятностью это назвать никак нельзя.

(Входят Чечекма и Анна Васильевна).

Чечекма и Анна Васильевна. Здравствуйте, дарга!

Докпак. Здравствуйте, здравствуйте, красавицы.

Кускелдей. Дочка, сходи передай Аксалу, пусть он съездит за отцом и быстро приезжает с ним сюда, он знает, где отец. Дарга Докпак его тут дожидается.

Чечекма. Бегу, мама (*уходит*).

Кускелдей. А я пойду скажу, чтобы по всем бригадам людей оповестили.

(Уходит).

Докпак. Когда же, Анна Васильевна, приглашения ожидать?

Анна Васильевна. Какого приглашения?

Докпак. Да на свадьбу. Вроде давно уже пора. Боюсь, арака перестоится.

Анна Васильевна. На свадьбу? Придется вам немного потерпеть. Мы уже с днем Победы заодно. Недолго ведь ждать, да?

Докпак. Недолго, это верно. Но до Победы ждать отнюдь необязательно, можно с другим большим праздником совместить.

Анна Васильевна. С каким праздником?

Докпак. Вот с каким... Нет уж, пожалуй, при всём народе объявлю.

Анна Васильевна (*испуганно*). О чем объявите, о нашей свадьбе?

Докпак (*смеясь*). Да нет, о празднике. А вы, я вижу, хозяйка будете, все стараетесь совместить, расходов поменьше.

Анна Васильевна. Да нет, экономия здесь не при чем. Просто время горячее, часто праздновать некогда.

(Выходит Кудар).

Кудар. Привет, дарга! Привет. Завидую Байыру, девушку какую хорошую получит.

Анна Васильевна. Зависть --- чувство нехорошее, Кудар. А я вот вам завидую --- урожай хороший собираете, награду, наверное, получите.

Докпак. Награду не знаю как, а вот выговор по партийной линии очень даже возможно. Урожай-то хороший снимаем, а на сдаточный пункт ничего не везем.

Кудар. Опоздал, дарга, опоздал. Поехало зерно, уж поехало. Квитанцию первыми получаем.

Докпак. Да, выходит, что опоздал.

Кудар. Что, важные новости, что ли, раз работу сказали раньше закончить?

Докпак. Да, новости очень важные.

Кудар. Так говори, не томи.

Докпак. Нет уж, без председателя объявлять не буду, да и народ вон, слышу, подходит.

(Входят Кускелдей, Чочекма, Кок и другие).

Кускелдей. Что, не приехал еще Биче-оол?

Докпак. Нет, пока еще не приехал.

Кок. Здравствуйте, товарищ секретарь

Докпак. Здравствуйте, здравствуйте, культурник. Ну, как, во-время мы колхозное дело двинули, или еще подождать надо было?

Кок (*поднимая руки*). Сдаюсь, дарга, сдаюсь. Ошибку признаю.

Докпак. Ошибки не только признавать, но и исправлять надо.

(Еще подходит народ, среди них Агбан-Шырап, Хорлукпан. Агбан-Шырап старается держаться незаметно, но Докпак заметил его, обращается к нему).

Докпак. Что, старик, как в колхозе работается?

А. Шырап. Не плохо, дарга, работа легкая, думать не

надо, о еде председатель позаботится. Ходи, поглядывай на песни распевай.

Докпак. Нет, думать, пожалуй, нигде не лишнее. А вот не додумался ли ты, отчего у вас скот гибнет?

А. Шырап. На моей ферме не гибнет, а у других, бог его знает.

Докпак. Бог-то знает, да не скоро скажет, а может, и из людей кто догадается.

А. Шырап. Не знаю, не знаю, дарга, Я человек маленький, темный.

Аксал. *(за сценой)*. Люди добрые, беда, беда. Большая беда!

Голоса. Что такое? Что случилось?

Аксал. *(появляясь)*. Беда, братцы, беда. Председатель наш, секретарь партийный, самый лучший дарга убит.

Голоса. Убит? Где?

Чечекма. Отец?!

Аксал. Да-да, убит какими-то злодеями. Только что, кровь свежая... Сюда привез на коне.

(Вносят тело Биче-оола, к нему бросаются Кускедлей, Чечекма. Раздаются голоса: «Доктора, доктора скорее». Кто-то бежит за доктором. Биче-оола приносят в правление колхоза).

Докпак. Все, что произошло у вас за последнее время, дело одной руки, и мы отрубим эту преступную руку.

Аксал. Кто мог поднять руку на самого честного, на самого светлого. Открой свои глаза, дарга. Не оставь нас всех сиротами!

(Приходит женщина-врач, русская).

Кудар. Клянусь, что я своими руками вырву грязное сердце того негодяя, кто убил тебя, брат наш любимый!

Аксал. Там же лежит и сын Агбан-Шырапа — Мылдыкпан, мертвый.

А. Шырап. Как? И сын мой убит? Какой же зверь мог убить тебя, мой мальчик родной? *(плачет)*.

Байыр. Двойное убийство двух разных людей... Непонятно.

Докпак. Ничего, все непонятное станет понятным. Враги же уйдут от заслуженной кары.

А. Шырап. Да-да, товарищ секретарь, как отец, прошу вас, накажите убийц моего сына.

(Выходит врач).

Чечекма. Маруся, есть ли хоть какая-нибудь надежда?

Чилбакай. Да, скажи нам хоть что-нибудь, девушка!

Маруся. Положение Биче-дарги очень тяжелое, но жить будет. Мне удалось восстановить пульс *(общий возглас ра-*

дости). Сейчас же надо отправить в городскую больницу.

(Уходит в комнату. Агбан-Шырап делает попытку уйти, Хорлукпан уже незаметно исчез).

Кудар. Нет, не уходи, старик. Ты еще можешь понадобиться.

А. Шырап. У меня двойное горе, браток. Мне тяжело здесь находиться.

Кудар. Вот-вот, мы тебе хотим облегчить твоё горе.

Ш. Кадай. Что тебе от него надо, Кудар? Видишь, человек и так в горе.

Аксал. Надо разобраться в его горе. Пусть он ответит на некоторые вопросы. Откуда бутылка появилась возле фермы?

Чилбакай. Кто этот старик, который появился в нашем поселке и, как хищный ворон, кружит везде?

Анна Васильевна. Где он, кстати, недавно здесь его видела?

Байыр. Кок, пошли, я, кажется, догадываюсь, где искать этого убитого.

Кудар. Арестовать Агбана, чуёт мое сердце, он замешан в этом таинственном деле.

Голоса. Да, да. Арестовать и допросить!!

А. Шырап. Люди добрые. Или у вас сердца нет, или вы к чужому горю глухи. В чем вы меня заподозрить можете. Вы знаете все: в колхозе я трудился не хуже других, злодеи, которые убили нашего дорогого Биче-даргу, убили и моего сына. Это нам мстят, что мы пошли в колхоз и честно работаем, за то, что новую жизнь приняли.

Голоса. Да, да... Это возможно. Работает он честно.

Кудар. Арестовать и никаких.

(Хватает Агбан-Шырапа, его останавливает Докпак).

Докпак. Постой, Кудар, не горячись. Чтобы арестовать человека, надо ему предъявить конкретные обвинения.

А. Шырап. Так и Конституция говорит.

Кудар. Ты и Конституцию вспомнил, гад ползучий. Пойдем.

Докпак. Какое обвинение ты ему предъявляешь?

Кудар. Конкретно никакого, но я чувствую...

Докпак. По чувствам людей не арестовывают.

(Пауза. тишина).

Ш. Кадай. Идем, отец... (Агбан-Шырап медленно идет все провожают его недобрый взглядом. Из дома выносят Биче-оола).

Биче-оол (приподнявшись на локтях). Пстой, Шырап! Повернись ко мне лицом. В глаза мне посмотри. Не думал ты, что со мною... на этом свете придется встретиться...

А. Шырап (медленно поворачивается, так же медленно поднимает голову, встречается с глазами Биче-оола, издает страшный крик и падает на колени). А-а! Люди добрые, виновец, во всем виновец... меня... меня заставили...

(В это время Кок и Байыр танцуют унывающееся Хорхуенана)

Байыр. А вот и главный преступник, «старец убогий»... Ну, ну, ни на того попал. С разведчиком дело имешь. Пойман на месте преступления — пытался поджечь машинный сарай.

Аксаал. Презренные гады!.. На нашу светлую жизнь руку подняли, на наших людей... Смерть им!

Голоса. Смерть! (Толпа бросается на преступников).

Докпак. Стойте, стойте, граждане! Самосуд — это не метод кары государственных преступников в Советском Союзе, а мы уже граждане СССР, ведь эту радостную весть я пришел вам объявить.

Голоса. Что? Что ты сказал? Говори!

Докпак. Одну минуточку, товарищи. Байыр-оол и Кок под вашу ответственность передаются враги народа. Уведите их. А ты, Кок, перед партией ответишь за то, что когда-то находился под влиянием этого отребья.

Кок. Готов понести любое наказание партии за свою ошибку, которую я давно уже признал (уводят).

Докпак. Товарищи, я принес вам радостную весть. Но прежде нам надо позаботиться о раченом.

Биче-оол. Я прошу не трогать меня. Я догадываюсь, какую весть ты принес, Докпак. Эта весть лучшее лекарство для моих ран... Говори...

Докпак. Граждане, товарищи, друзья. Вековая мечта тувинского народа осуществилась. Тува стала неотъемлемой частью великого Советского Союза.

Народ. Ура... ура... Ура-а-а!

Докпак. Из Кызыла нам сообщили по телефону: Президиум Верховного Совета удовлетворил просьбу тувинского народа и включил Туву в состав Союза Советских Социалистических Республик. Отныне мы с вами полноправные граждане Советского Союза...

Голоса. Слава советскому народу! Русскому брату — ура! Коммунистической партии — ура!

Сергеев. Товарищи, дорогие братья и сестры: я русский агроном... Три года работаю в Туве, вы знаете все меня. Нет слов, чтобы передать мою радость, радость русского че-

ловека. Русский народ всегда с большой симпатией относился к малым и угнетенным народам. Жить в одном государстве с вами было не только мечтой тувинского народа, но и нашего (*подходит к Биче-оолу, пожимает ему руку*). Отныне и навсегда пойдем вместе, тувинский брат мой! (*Крепко целует*).

(Аплодисменты, крики ура-а...)

Биче-оол (*тихо и очень проникновенно*). Назло всем врагам, вместе с русским народом, под руководством Коммунистической партии мы придем к коммунизму!

(Поднимается огромный Герб СССР. Подается Красное Знамя с силуэтами Ленина и Сталина. На русском, тувинском и украинском языках народ поет величественный Гимн Советского Союза).

(З а н а в е с).

Авторизованный перевод с тувинского

Е. А. Меркуловича.

НЕ ТОЙ ДОРОГОЙ

В уютной комнате, за небольшим столом, покрытым голубой скатертью, сидела Хандываа. Она держала в руках книгу и, казалось, была всецело поглощена чтением. Однако это было не так. Хандываа глубоко задумалась о своей жизни, о том, что произошло между нею и мужем за последнее время.

Долго-долго сидела она, не двигаясь с места. Но вот слегка вздрогнула, к чему-то прислушалась внутри себя, и радостная улыбка осветила ее порозовевшее лицо.

Взглянув на ручные часики, Хандываа придвинула к себе настольное зеркало и стала внимательно рассматривать лицо. Потом взор ее обратился к портрету на стене, на котором был изображен молодой человек. Она тяжело поднялась, сняла портрет со стены и, вернувшись на место, долго смотрела на красивые, такие близкие ей черты.

— Эх, Комбу, Комбу, не дорожишь ты нашей дружбой. Нет у тебя уважения к семье... Легкомысленный ты человек!

С этими словами она бросила портрет на стол и вышла на кухню.

* * *

В детстве Хандываа жила в юрте родных. На всю жизнь запомнились ей перекочевки от крутых высоких гор Хор-Тайги, где в ущельях непрестанно шумят два горных потока—родные братья Ишкины, — до зеленой долины многоводного Хемчика. Зимой — жизнь в горах, летом — на равнине.

Была она самой младшей в большой семье. Вечная нужда,

а нередко и полуголодная жизнь сделали отца молчаливым и угрюмым, а обремененная заботой мать часто болела.

Помнит Хандываа, как приехала на каникулы старшая сестра, — в новом платье, в коричневых ботинках, такая нарядная. — самая красивая из всех, кого знала девочка. Она привезла сестре букварь и книжки с цветными рисунками. Никого не было на свете счастливее Хандывы!

По целым дням Хандываа не выпускала из рук букваря. Она приставала к сестре: поскорее научи читать и писать, — расспрашивала о школьной жизни, о том, что такое класс, кто такие учителя, и при этом нежно гладила рукой платье сестры и осторожно трогала пальцами кожу ботинок. Она уже мечтала о таком платье и о ботинках, которые наденет вместо своих неуклюжих пидиков.

Кончились каникулы. Сестра стала собираться в обратный путь. Хандываа ни за что не хотела отставать от нее. Она просила, плакала до тех пор, пока родители, посоветовавшись между собой, не согласились отпустить ее в школу.

Нелегко им было решиться на такое дело. Сыновья поженились, живут отдельно, две дочери вышли замуж, третью уже давно отправили в школу в Чадан. В семье осталась одна Хандываа. Всю свою родительскую любовь старики сосредоточили на ней, и потому так сильно волновались, когда подошло время прощаться. Как ни горестно было расставаться, они все же радовались тому, что их маленькая Хандываа будет учиться, жить в интернате, всегда досыта накормлена и хорошо одета. Они знали, как заботится государство о детях аратов, знали, что передают своего ребенка в надежные руки.

Сборы были недолги. Оседлала мать единственного коня, посадила старшую дочь позади, а младшую впереди себя, и так втроем поехали в далекий город.

В школе Хандыву приняли хорошо, поместили вместе с другими девочками в общежитии интерната. Мало-помалу она привыкла к новой обстановке, постепенно исчезли ее робость и застенчивость.

Девочка окончила семилетку, была как отличница направлена в Кызыл, получила там среднее образование и поступила в учительский институт.

В жизни молодых людей неизбежно наступает такая пора, когда резко меняются заботы и весь жизненный уклад. До окончания института Хандываа думала больше о себе, о своей учебе, общественных поручениях, скромных развлечениях. Теперь новые, неизмеримо более трудные задачи и заботы встали перед нею во весь рост. Она — учительница! И радостно, и тревожно.

Хандываа пробовала представить себя в школе, в классе. Будущую работу она видела словно сквозь густой, темный

туман. Справлюсь ли я, думала она, смогу ли стать настоящим учителем и воспитателем детей? Я совсем мало знаю их! А ведь в школе их будет не два и не три, а много—целый класс. Правда, на практических занятиях в институте она приобрела некоторый опыт, но разве этого достаточно? Конечно, нет.

С такими тревожными мыслями стала Хандываа собираться к отъезду на место работы. На прощальном вечере в институте Хандываа поделилась своими сомнениями с подругами. Оказалось, что не одна она волнуется. Даже самая бойкая из всех, хохотушка Карашпай, и та, отозвав в сторону Хандыву, созналась:

— Я тоже ужасно трушу. Ну как я, со своим смелливым характером и непоседливостью, могу быть строгой учительницей?

А Шивитмаа, прозванная «молчалыницей», махнула рукой:

— Ой, не говорите, девочки, не говорите мне о работе! У меня дело пойдет хуже всех... Вы такие разговорчивые, а я, сами знаете, все молчу да молчу... Ученики, так же как вы, дадут мне прозвище. Сразу весь авторитет потеряю.

Одна за другой девушки высказывали свои страхи перед будущей работой. Только Севил, самая старшая по возрасту, насмешливо сказала:

— Послушаешь вас, кажется, вы только вчера на свет появились. К чему эти разговоры и страхи? Педагоги института тоже когда-то знали не больше нашего, однако никто со страха перед трудностями головы не потерял. Где будем работать, всегда найдутся люди, помогут нам, подскажут, что и как..

— Конечно, чего волноваться из-за работы,— поддержала ее Минчеймаа,— привыкнете, и все пойдет по порядку... А вот любовь — дело совсем другое, куда серьезнее работы! Меня посылают в один район, а моего друга — совсем в другой. Как вы думаете, легко это переживать? Нет, вы подумайте, девушки: люди любят друг друга, а их рассылают в разные стороны! Ну как же быть-то?

— А ты поплачь, мы тогда поверим,— засмеялась Карашпай.

— Подожди, не смейся, Карашпай,— прервала ее Севил и, обращаясь к Минчейме, сказала:— Кто же знал, что вы любите друг друга? Ты такая скрытная, Минчеймаа... А вообще ты рано в панику пускаешься, иди в облоно, расскажи все, признайся, и тебя пошлют, конечно, вместе с твоим другом.

Рано утром автобус, направлявшийся в западные районы, вышел из города. Июльский день обещал быть ясным, безоблачным, каких много бывает в центральной Туве. Вместе с Хандывой ехали Чанчиваа, Карашпай и другие девушки, назначенные на работу в районы. Среди пассажиров были моло-

дые агрономы, зоотехники, ехавшие в МТС и колхозы. В автобусе было оживленно и весело. Многие ехали впервые и то и дело восхищались своеобразной природой.

К вечеру Хандываа и Чанчиваа с нетерпением стали ожидать перевала Адар-Тэшь, откуда видна долина Хемчика, на его берегах они проводили летние месяцы в раннем детстве.

Вот и перевал. Дорога идет по ущелью, поворачивает то вправо, то влево, и все круче и круче подъем. После степного зноя здесь кажется прохладно, густой лес покрывает склоны гор. Автобус медленно, преодолевая крутизну, поднимается на вершину перевала. Впереди, далеко внизу, раскинулась гористая степь с редкими островками леса.

— Вон там, где-то далеко в горах, был наш аал, там мы росли с тобой, Чанчиваа,— задумчиво сказала Хандываа, показывая на горизонт, где только что скрылось солнце.

— Теперь в том месте колхозные пастухи зимуют со скотом. Наши родные уже давно в поселке живут, в домах,— сказала Чанчиваа и, помолчав, добавила:— Завтра мы увидимся с ними..

На встречу собралось много колхозников. Всем было интересно посмотреть на своих девушек, так много лет проживших в большом городе. Мать и отец Хандывы были счастливы. Они не знали, куда посадить, чем лучше, посытнее накормить дорогую дочку. Когда все немного успокоились, мать, наливая чай Хандыве, спросила:

— Наверное, в нашей колхозной школе будешь работать?

— Нет, мама, в другой район поеду, в Овюр.

Мать выронила из рук чашку и со страхом посмотрела на дочь.

— Почему в Овюр? Ты хочешь от нас уехать? Не ожидала я от тебя, доченька, не ожидала.... Мы-то с отцом думали: приедешь, будешь жить с нами, помогать нам на старости лет. Так, так... Братья твои разъехались в разные стороны, сестры замуж вышли, а ты выучилась и улетаешь от нашего старого гнезда... Послушай, отец, что дочь-то сказала!

— Не говорите, мама, так. Я вас никогда не оставлю. Но сейчас я должна работать в Овьуре, потому что дала согласие. Район этот отдаленный, очень нуждается в учителях. Когда я устроюсь, вы можете приехать ко мне жить.

— Что же, сегодня или завтра поедешь, дочка?—спросила обиженно мать.

— Что вы, мама, я проживу у вас до конца августа. В Овюр поеду только перед началом занятий.

Больше месяца прожила Хандываа дома. За это время она съездила в горы на Ипкины, где когда-то маленькой девочкой играла с такими же чумазыми, как она, ребятишками из соседнего аала. Ее удивили головокружение и страх, которые она

испытывала теперь при езде по горным высотам, где раньше ничего не боялась.

Время пролетело незаметно. Надо было ехать к месту работы. Отец и мать, опечаленные разлукой, проводили Хандыву до Чадана. Там она встретила с Чапчивой, назначенной в тот же район, но в другое селение.

Через два дня Хандываа была уже в Овиоре.

Каждому новому человеку, служащему или рабочему, а тем более учителю, в этом далеком районе всегда рады. Поэтому Хандыву встретили с распростертыми объятиями. До начала занятий оставалось несколько дней. За это время Хандываа познакомилась со всеми учителями и их семьями.

Постройки в поселке были почти все новые, свежие и опрятные. Он очень понравился Хандыве.

В первые дни занятий ей было очень трудно. Она не сразу нашла правильную манеру держаться в классе, ее смущали тридцать пар детских глаз, устремленных на нее в ожидании чего-то необыкновенного, интересного... В работе ей помогали товарищи и особенно директор школы Базан. Он умело и деликатно поправлял ее где надо, показывал на примере других учителей, как правильно построить и провести урок.

Через месяц Хандываа уже могла сказать: «Да, я смогу быть учителем».

В какое-то из воскресений — дело было в апреле — познакомилась Хандываа с молодым человеком — работником финотдела. Он понравился ей вежливым обращением, мастерским умением танцевать и хорошо одеваться. Они часто встречались то в кино, то в клубе или на улице. В конце концов Хандываа поняла и призналась себе, что сама ищет встречи с ним.

До этого знакомства она смотрела на любовь как-то со стороны: сочувствовала влюбленным подругам, помогала им легче переживать горе, радовалась их счастью. Но сама еще не встречала человека, который бы заставил учащенно биться ее девичье сердце. И только Комбу зажег в ее душе огонек первой хорошей и серьезной любви.

Весной, когда появились степные цветы, они решили пожениться.

Об этом узнал весь поселок. Однажды Хандываа встретила знакомую девушку, работавшую вместе с Комбу. Та спросила:

— Неужели вы и вправду выходите замуж за Комбу?

— А что, разве мы плохая пара?— весело спросила Хандываа.

— Наоборот... Но Комбу-то ведь женат...

— Вы шутите, конечно?

— Нет, не шучу. Да об этом весь район знает.

— Тогда... спасибо,— растерянно проговорила Хандываа и, не попрощавшись, пошла к дому.

Долго не могла Хандываа прийти в себя. Это было самое тяжелое переживание в ее жизни. Сначала успокаивала себя: может, неправда,— но и другие подтвердили, что Комбу женат.

Хандываа перестала выходить из дому, избегала встреч с Комбу. Но он сам пришел к ней на квартиру и стал допытываться, почему она так резко изменила отношение к нему.

Хандываа прямо посмотрела ему в глаза и спросила:

— Почему ты не сказал, что женат?

Комбу немного смутился, но тотчас же ответил небрежным тоном:

— Я ведь развелся с той женой. Что же о ней рассказывать...

— Ты так легко говоришь об этом, точно не о человеке идет речь, а о каком-нибудь предмете, который можно купить и продать, взять или выбросить!

— Что ты, что ты, Хандываа, я так никогда не думал. Эта женитьба — моя несчастная ошибка. Мне тогда было всего восемнадцать лет, я ничего не понимал...

— Но почему же вы разошлись?

— Видишь ли, я вырос в семье, где никогда не слышал бранного слова, не встречал косога взгляда. Жена оказалась очень суровой, часто бранилась, и вообще у нее неуживчивый характер. Из-за этого и расстроилась наша жизнь. Я стал добром просить ее о разводе, и она согласилась,— наверное, потому, что не очень меня любила. Так мы и разошлись по обоюдному согласию.

У Хандывы от сердца отлегло. Она подумала: может, ведь такая ошибка произойти, — не узнавши друг друга, люди женятся. Но на всякий случай спросила:

— А если я окажусь такой же сердитой, значит, опять развод?

— Нет, нет, ты совсем другая! Тебя-то я знаю хорошо: ты добрая, ласковая. И я так люблю тебя! Мы будем с тобой счастливее всех на свете!

Много наговорил Комбу ласковых слов и горячих уверений в любви и дружбе. И Хандываа поверила. Да и как было не поверить — ведь она любила его и готова была все простить, все забыть.

Они поженились.

Как быстрые ласточки, полетели счастливые дни. Глубокая

и чистая, как родник, любовь Хандывы рождала ответное — крепнее чувство у Комбу.

В конце лета он взял отпуск, молодожены побывали у родных.

Прошло больше года. Комбу часто ездил в командировки по району. Уедет, бывало, на неделю, на две, вернется загорелый, веселый. И неизменная радость встречала его дома. К его приезду Хандываа готовила что-нибудь вкусное, хорошее. Им было о чем поговорить: он рассказывал о своих дорожных впечатлениях, она — о школьных делах.

Но однажды он задержался где-то дольше, чем всегда, и возвратился необычайно веселым и оживленным. Он рассказывал, что встретил старого друга — школьного товарища и с ним на радостях выпил водки.

Хандываа от души смеялась над не совсем твердой походкой и слегка заплетающимся языком мужа. В таком состоянии она видела его впервые.

Недели через две Комбу опять уехал в командировку. Вернулся он еще более пьяным. Это встревожило Хандыву, но она не стала спрашивать, с кем он встречался и выпивал. Повторилось это и в третий раз, и в четвертый... А после Комбу уже ни разу не возвращался домой трезвым. Мало того, он и дома стал выпивать, не обращая внимания на протесты жены. Потом у него появились какие-то подозрительные друзья, с ними он проводил время в чайных и закусочных.

Так прошла вся зима. Начиналась светлая весна. Но для Хандывы наступили черные дни. Выбрав подходящее время, она решила поговорить с мужем.

— Что случилось с тобой, Комбу, ты совсем не такой был? Много пить стал, и знакомые у тебя какие-то странные, темные люди...

— А что со мной? Ничего особенного не случилось. У каждого человека есть свои приятели, с ними он отдыхает, шутит, смеется, выпивает... Надо же иметь отдых и какой-то кусочек свободной жизни.

— Но ты, мне кажется, уж очень часто стал заниматься этим отдыхом и выпивкой. Ты должен изменить свое поведение, — решительно заявила Хандываа.

Комбу удивленно посмотрел на нее и миролюбиво сказал:

— Хорошо. Не сердись. Теперь я постараюсь меньше пить.

Но это были пустые слова. Комбу попрежнему продолжал вести свою «свободную жизнь». Все дальше уходил он по неверному пути. Хандываа поговорила с секретарем комсомольской организации, хотела поправить этим дело, но получилось еще хуже. Комбу пришел пьяный и свирепо набросился на жену:

— А-а, ты жаловаться вздумала! Хочешь, чтобы я тебе подчинялся, да? Не думал я, что ты такая...

Грубые выкрики и ругань оскорбляли Хандыву до глубины души. Она терялась, не знала, что делать. Ясно видела и чувствовала, как быстро и неуклонно рушится совместная жизнь. На работе и дома, ночью и днем, непрестанно думала она, как отворотить беду, вернуть потерянное счастье и спокойную радость семьи?

Как-то пришел Комбу поздно. Повесил пальто в прихожей, а сам направился в кухню. Вскоре оттуда послышался его раздраженный голос:

— Почему в умывальнике воды нет?

— Вода в баке рядом. Возьми и налей.

Комбу вышел из кухни и зло закричал:

— Это не мое дело, а твое. Ты хозяйка и должна знать свои женские обязанности. Иди и налей!

Хандываа побледнела, сделала движение — хотела встать, но не встала. Медленно и раздельно она проговорила:

— Нет, Комбу, налей сам. Мы с тобой на равных правах: ты работаешь, и я работаю. Ты такой же хозяин дома и твои обязанности одинаковы с моими. Мне не трудно налить воды, но не в этом дело.... Не знаю, почему ты вообразил, что я одна должна все делать. Ты считаешь зазорным для себя наколоть дров, принести воды... До сих пор я действительно все делала сама, но сейчас... Ты же сам знаешь — я беременна... Кроме того, ты почти совсем не живешь дома. По целым ночам я жду-жду тебя...

— Ждешь?.. Ну и жди. Не хочу я ради твоих капризов сидеть дома, — высокомерно бросил Комбу.

Эти слова точно мерзлым прутом ударили Хандыву. Она вытерла слезы и, выпрямившись, с достоинством ответила:

— Я не вешаюсь выюком тебе на шею. Я требую от тебя человеческого отношения... Не могу больше терпеть твою ругань и издевательства!

Комбу схватил пальто и бросился вон из комнаты. На пороге он обернулся и крикнул:

— А ну тебя, все уши прожужжала, — хлопнул дверью и исчез.

* * *

Хандываа вернулась из кухни. Взяла со стола портрет и, тяжело вздохнув, повесила его на прежнее место.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала Хандываа и быстро поправила волосы.

На пороге показалась Чанчиваа. Подруги горячо обнялись и расцеловались.

— Я к тебе. Каникулы только что начались, думаю, успею еще домой съездить. Можно у тебя пожить?—обратилась к Хандыве гостя.

— И ты еще спрашиваешь? Если бы ты знала, как кстати присхала... Я ведь одна теперь.

— А где же Комбу?

— Уже две недели, как не был дома. Говорят, по району ездит, — печально склонив голову, ответила Хандываа.

И она рассказала подруге все, что произошло с ней со дня знакомства с Комбу.

Через неделю Хандываа легла в больницу. Она попросила Чанчиву подомовничать в ее отсутствие. Та с радостью согласилась.

На другой же день Чанчиве сообщили, что у Хандывы родился мальчик. Знакомые и друзья натащили молодой матери горы подарков, каждый хотел сделать для нее что-нибудь приятное. Не было подарков только от мужа.

Накануне выхода Хандывы из больницы Чанчиваа прибрала в квартире, вымыла полы, повесила на окна чистые занавески, истопила печь.

Вдруг входит Комбу. Чанчиваа не сразу узнала его: лицо опухшее, костюм грязный, измятый. Ни слова не говоря, он прошел к комоду, схватил ручные часики Хандывы и повернулся, чтобы уйти. Чанчиваа преградила ему дорогу:

— Зачем взял часы?— спросила она, стараясь заглянуть ему в глаза.

— Я их купил.

— Но ведь ты их подарил своей жене.

— Дарил, да. А теперь вот взял.

— Слушай, Комбу, ты еще совсем молодой парень, зачем портишь свою жизнь и жизнь жены? У Хандывы родился ребенок, а ты даже взглянуть на него не пришел. Не поинтересовался, здорова ли твоя жена, не нуждается ли в чем...

Лицо Комбу немного оживилось, чуть заметная улыбка гронула обветренные губы:

— Да, я слышал, сын у меня родился.

— Но у этого сына нет отца...

— Как так? А я?

— Какой же ты отец? Ты — летун! Мальчик и знать не захочет такого отца. Когда он подрастет, станет все понимать, он с презрением отвернется от тебя и никогда, понимаешь, никогда не назовет тебя отцом.

Комбу покраснел, сделал шаг назад, быстро положил часы на комод, повернулся и, низко опустив голову, вышел.

На другой день утром приехала Хандываа с сыном. Едва она вошла в дом, не утерпела, спросила у подруги:

— Комбу не приходил?

— Приходил,— ответила Чанчиваа.— Спросил о тебе, о сыне и ушел... Хотел еще зайти.

Весь день Хандываа ждала мужа. Лежа в постели, она часто поглядывала в окно в надежде увидеть Комбу.

А в тот вечер на комсомольском собрании разбирался вопрос об аморальном поведении комсомольца Комбу.

Много, очень много гневных слов выслушал Комбу. За систематическое пьянство, за безобразное отношение к работе и семье большинство требовало исключить его из комсомола.

Бывший друг и товарищ Комбу Баир-оол, с которым он вместе учился, сказал:

— Никогда руки не подам ему! Бросил жену одну цакануне родов... Только человек, навсегда потерявший совесть, может совершить такую подлость!

Комбу каялся, обещал исправить... Ему объявили строгий выговор, а с работы уже уволили.

Одиноким, пристыженным вышел Комбу с собрания. Никто на него не смотрел, никто не сказал ободряющего слова. Он почувствовал всю силу общественного презрения, понял, что шел не той дорогой.

* * *

Как-то утром Хандываа с Чанчивой стояли над детской кроваткой. Разглядывая спокойное розовое личико ребенка. Чанчиваа спросила:

— Ты когда ему имя придумала?

— О, это давным-давно, когда муж еще хорошим был, грустно улыбнулась Хандываа.— Когда родился, уже было у малыша имя — Славик.

— Красивое, звонкое имя...

В это время открылась дверь и в комнату вошел Комбу. Хандываа задернула занавеской Славину кроватку и загордилла ее собой. Широко раскрытыми глазами она выжидающе смотрела на мужа.

— Здравствуйте,— негромко проговорил Комбу,— можно мне посмотреть... на сына... на мальчика...

Видно было, что он сильно взволнован и боится, что ему откажут.

Наступила минута тяжелого молчания. Потом Хандываа отвела занавеску от кроватки и, отступив на шаг, сказала:

— Посмотри.

Комбу быстро подошел и, наклонившись над спящим Славиком, долго-долго стоял, стараясь не дышать. На миг он наклонился еще ниже, как будто хотел поцеловать ребенка, но

вдруг резко выпрямился и, повернув лицо к Хандыве, тихо сказал:

— Извини, что побеспокоил. Я уезжаю...

-- Куда?— спросила Хандываа.

-- Еду на работу в поисковую партию... на два года... в Саяны. Он помедлил и шагнул к двери, но остановился, сильно волнуясь и с трудом выговаривая слова, добавил:

— Может, когда-нибудь простишь меня... папиши... Иначе я не смогу приехать сюда.

Он осторожно, чтобы не скрикнула, открыл дверь и так же осторожно закрыл ее за собой.

Авторизованный перевод с тувинского **В. Ермолаева.**

М. Шахматов

В ПРЕДГОРЬЯХ ТАННУ-ОЛЫ

(Отрывки из повести)

СЕМЬЯ БАЛЬЧИРА

Сквозь густое белое марево из-за межегейских холмов выглянул багряный диск солнца. Бальчир вышел из юрты и начал собираться за дровами: вывел из стайки бурого рогача, оседлал его, накинул мягкое кошомное ярмо, расправил длинный ремень и, продев его под головки саней, сделанных из корневищных негнутых полозьев, привязал концы ремня к ярму. Засунул под опояску длинное топорщице с обернутым тряпкой острым лезвием топора, пощупал за голенищем — не забыл ли трубку, и вскочил в седло. Бык, управляемый за ноздри волосяным поводом, тронулся в сторону дороги, что лежала за кустарником.

Провожать вышла вся семья. Маленькую дочурку Каракыс мать держала на руках, то и дело прижимала ее головку к своему лицу и нюхала¹. Обе они — и мать и дочь были в ветхих шубах и идиках², но без головных уборов. У Дарый сзади висели две длинные косы, у девочки — топорщились пушистые волосы. Чульдум был одет, как взрослый мужчина: в шапке и рукавицах. Когда Бальчир садился на быка, он попросил:

— Отец, возьми меня!

— Нет, сарым³, холодно, замерзнешь, — ответил Бальчир.

— Возьми... — уже сквозь слезы просил мальчик.

Бальчир, удаляясь в кусты, оглянулся:

— Не плачь, сынок. Я зайца тебе привезу.

Чульдум разревелся, кинулся вдогонку, но мать закричала:

— Остановись, куда ты, непутевый!

¹ Так тувинцы ласкали детей вместо поцелуя.

² И д и к — национальная обувь.

³ С а р ы м (сарым) — мой милый, моя милая.

Чульдум очень любил отца и побаивался матери. Он знал, что если мать закричала, то повторять не будет, а непременно задаст выволочку. И он остановился, обливаясь слезами.

Дарый с дочкой на руках подошла к сыну и ласково похлопала его по щеке.

— Не плачь. Вот будет потеплее, тогда и ты поедешь.

— Ты опять не пустишь!—куксился Чульдум, размазывая по грязным щекам слезы.

— Пущу, сынок. Пойдем в юрту. Холодно.— И она опять понюхала девочку. Волосы девочки уже серебрились белой пылью куржака, и мать заторопилась.

— Айда, тебе говорят! — нарочито сердитым голосом крикнула она Чульдуму и пошла к юрте.

Мальчик постоял еще с минуту, посматривая вслед отцу, и потом нехотя пошел за матерью. Подходя к двери, он услышал:

— Пока еще не замерз, сынок, пойди стайку почисти, -- проговорила мать из юрты.

— Ладно,-- ответил Чульдум и по-мужицки зашагал ко двору.

Дарый посадила девочку к очагу, поправила огонь и, взяв веник, сделанный из степного ковыля с деревянной ручкой, начала подметать пол. В таганке весело потрескивал костер. Кара-Кыс молча забавлялась разноцветными камешками, приготовленными для нее с лета, и внимательно смотрела на игру жарких языков пламени, которые прыгали, тянулись вверх и гасли, посылая к дымовому отверстию юрты золотистые искры.

Прибрав в юрте, Дарый села к таганку. Не отрывая задумчивого взора от костра, она достала из-под лежанки свою домашнюю длинную трубку, потом извлекла из-под кошмы постели продолговатый старенький кисет, расшитый когда-то лепестками серебристой парчи, набила трубку и прикурила от костра.

С улицы доносилось постукивание мерзлых комьев павоза.

Кара-Кыс взобралась к матери на колени и по привычке начала шевелить и легонько потягивать ее бронзовые серьги. Дарый молча ласкала дочку: пальцами свободной от трубки руки нежно рылась в ее пушистых волосах, не отрывая лучистых глаз от таганка, в котором жарко горел огонь.

Дарый вспомнила свое первое счастье: любовь Бальчира. Хоть и давно это было, но как дорого и близко!

...Была весна. Ласково светило солнце. Над степью звенели жаворонки. В глубинах межегейских болот надрывно горланили журавли.

Узун-Тэй! Странно, почему так называется эта длинная высотка, похожая на мешок, лежащий на лугу? На сопку вовсе

¹ Узун-тэй — длинная сопка.

и не походит. Может быть, когда-то она стояла торчмя, потом свалилась и перегородила русло Могой, речке приходится делать крутой изгиб и почти опоясывать ее. Может быть. На плоской вершине этой высотки теперь стоит ова¹.

Праздновать на Узун-Тэй тогда собиралось много народу. Наверно, со всего хошуна. Кто побогаче,— прибыл на лошадях; были и на верблюдах. Бедняки приехали на быках, ребяташки — на телятах. Многие пришли пешком.

Дарый и три ее подруги в ярких цветных праздничных халатах, распевая веселые песни, танцевали на большом быке. Сидела она сзади и колотила лентя хворосгиной, чтобы он хоть немного прибавлял шаг. Но бык только махал хвостом и лишь изредка сбивался на рысь.

Когда девушки подъехали к речке Элегест, из зарослей вышел Бальчир. Он приветливо поздоровался с ними, потом озорно улыбнулся и, подбежав к девушкам, начал их сталкивать. Столкнул одну, другую, третью, а Дарый потянул к себе. Сначала она смеялась, как и ее подруги, потом хотела рассердиться за то, что он так грубо прервал их песню и остановил. Но когда сваливалась с быка, Бальчир ловко подхватил ее и на мгновение крепко прижал к своей груди. И этого было достаточно, чтобы погасла вскипевшая было злорада. Дарый, опущенная Бальчиrom, легонько хлестнула его длинным рукавом халата и, сильно смутившись, побежала к подругам. Те уже шли по дороге на Узун-Тэй, взявшись за руки. Проголодавшийся бык жадно шипал молодую траву.

Праздник начался около полудня. Вокруг овы шло богослужение: полукругом на земле сидели ламы, подвернув под себя ноги. На коленях они держали молитвенники и громко читали. Гулко ухали барабаны, дребезжали бронзовые тарелки, выли длинные трубы. В воздухе носились стаи стервятников, ожидая подачи во время пира, которым сопровождался празднество. На них никто не обращал внимания, и они парили над головами людей, искали, не валяется ли где кусок мяса или сыра. Особенно осмелевшие птицы садились на землю и жадно высматривали добычу.

Как только кончилось богослужение, на зеленой поляне в большом кругу расступившихся мужчин, женщин и ребяташек появились борцы. Говорили, что выступают шестьдесят четыре пары. И сама не зная почему, Дарый искала Бальчира. А найти было нелегко: сто двадцать восемь борцов, все полуобнаженные, и больше двух десятков тренеров ворошились в кругу.

С началом борьбы из кожаных кугеров², фарфоровых кувшинов, скотских пузырей и деревянных котелков с волосяными

¹ Ова (оваа) — жертвенный курган.

² Кугер — плоский круглый сосуд с длинным горлом, сшитый из толстой тисненой кожи.

дужками полилась арака¹. Люди угощали друг друга квашеным молоком—хойтпаком, сыром, творогом, лепешками. В кругах богачей дымились куски баранины.

— Победил Бальчир!—услышала Дарый голос судьи, и сердце ее встрепенулось. Она невольно смотрела, как перед судьями гарцует рослый широкоплечий парень: подпрыгнет и встанет, широко расставив подогнутые ноги, звонко хлопнет ладошками по голым коленям и снова подпрыгнет. Прыгнув три раза, Бальчир, широко распластав руки, как орел крылья, бежит к борцам, ожидающим следующей встречи. На его мускулистой спине из стороны в сторону качается тугая коса, свисающая с макушки.

Когда начались скачки на лошадях, Дарый почувствовала, что за ее спиной кто-то стоит. Она обернулась и вздрогнула: Бальчир смотрел ей в глаза. Дарый в смущении опустила голову.

— Ну, сарым, видела борьбу?—полушепотом спросил он, улыбаясь.

— Видела, «сарым», —громко передразнила она: ей показалось, что он назвал ее так для смеху, и обиделась.

— Ну, и как, понравилось?—не заметил он обиды девушки.

— Да!

— Я думал, что ты ушла куда-нибудь. Боялся, что не увидишь.

— Тебя?

— Нет, почему же? Борьбу!

— Борьба мне всегда нравится,—ответила Дарый и насмешливо посмотрела в лицо Бальчира, словно этим взглядом хотела подсказать, что вопросы он ставил не так.

Бальчир, не выдержав взгляда, отвернулся.

— Ты прямо герой!!

— Буду когда-нибудь.

— Почему же когда-нибудь? Ведь подарок получил, целый кусок далембы!—все еще улыбаясь, говорила она.

— Далемба — не велика радость.

— Так ты коня брал!

— Да вот видишь, сарым, не дорос малость. На будущий год непременно всех поборю и получу коня.

— Ох, хвастаешь!

Вместо ответа Бальчир схватил Дарый в охапку. Она не ожидала этого и со звонким смехом вырывалась, но почему-то боялась, что вдруг он выпустит. Бальчир легко подбросил ее и, как ребенка, взял на руки. Дарый испугалась. Но было поздно: прижав грудь девушки к своей груди, Бальчир поцеловал ее. На этот раз она вырывалась уже из всех сил: кругом смеялись девушки, парни. Бальчир тоже смутился и отпустил

¹ А р а к а — алкогольный напиток из молока.

ее. Она, как и у Элегеста, опять хлестнула его рукавом и побежала к подругам. Бальчир, счастливо улыбаясь, вразвалку пошел за нею.

Вскоре Бальчир привел ее в свою юрту, и с тех пор они не разлучались.

...Кошомная занавеска двери взметнулась, пропустив в юрту струю холодного воздуха, и через порог бойко перешагнул Чульдум.

-- Вычистил, сынок?—спросила мать, посмотрев на сына.

Чульдум молча опустился к очагу на колени и, сбросив рукавицы, подставил пальцы к огню. Мать с большой любовью смотрела на сына, примечая в его лице знакомые отпечатки черт человека, с которым навсегда связала свою судьбу.

«И что бы ни случилось, — думала Дарый, — я должна быть с ним, делать то, что он. Чудачка я: когда-то считала, что у кого скот, у того и счастье. Вот оно наше счастье — семья, дети».

Докурив трубку, Дарый сказала:

— Следи за сестренкой. Я пойду молочка принесу.

Она отвязала теленка и вместе с ним вышла на улицу.

Вскоре послышалось мычание коровы.

Чульдум разделся. В юрте, наконец, можно было не прижиматься близко к огню. Он взял отцовскую балалайку и начал осматривать струны. Они были скручены из бараньих кишок. Чульдум находил крошечные узелки оставшихся на них жилок и сдирал. Потом он обратил внимание, что на длинном грифе балалайки появились грязные пятна, взял нож и начал старательно счищать их. Закончив очистку, он приоткрыл малиновые губы и заиграл. Мелодия давалась плохо. Но Чульдум упорно повторял. Балалайка на низких нотах приглушенно издавала двоянные однотонные звуки.

Девочка, согретая костром, свалилась на живот и продолжала разбирать камешки. Балалайка монотонно звенела: д е н, д е н, д е н, и девочка, положив головку на шкуру, застлавшую пол, сладко уснула.

Вошла Дарый. В ее руке было ведро, в котором на донышке белело молоко. Привязывая на место теленка, она говорила:

— Насытился, отдыхай. А вечером опять пососешь.

Теленок лизал полу ее шубы, забрызганную молоком, руки, а когда она нагнулась, чтобы убрать из клетки навоз, он своим колючим языком захватил ее щеку.

— Ну, ну, неженка, — проговорила Дарый, оттолкнув рукой его мягкую морду.

Управившись с теленком, Дарый вышла из юрты и принялась готовить дрова. Положит палку концом на бревно, прижмет ногой и с размаха рубит. Вскоре палки кончились, рубить нечего, но дров мало. Дарый принялась за бревно: силь-

ными ударами топора откалывала щепу за щепой. Пальцы уже плохо держали топориче — замерзли, но на лбу заиндевели — ресницы и брови покрылись узорами куржака. Кучка нарубленных дров выросла так, что достаточно было не только на день, но и на ночь.

— Хватит, — думает Дарый. — Бальчир уже скоро придет, а есть нечего. В мешочке еще есть сушеный творог, но им одним не наешься. Проса осталось уж совсем мало, — сокрушается она и идет в юрту.

Покурив, она ставит на таганок чугунную чашу, насыпает в нее ворошеное просо и мешает. Сохнувшее зерно погрескивает. Дарый перемешивает его длинной палкой с круглой, как мяч, новязкой на конце. Так, ковш за ковшом просушивает половицу барбы.¹ Ей усердно помогает Чульдум, бросив балалайку...

Уже во второй половине дня Чульдум быстро оделся и выскочил на улицу. Из кустарника отец вел быка, за которым волочился огромный воз сухого тальника.

— А где заяц? — спросил мальчик.

— Есть, есть, сарым, — весело отвечает Бальчир. И, повернувшись к сыну спиной, спрашивает:

— Видишь?

Чульдум заплясал и захопал по коленям и полам шубенки: на поясе отца белели две заячьи тушки. Вокруг мальчика носилась и весело брехала серая собачонка.

— Доволен?

— Да!

— Скорей обдирай, — и он передал сыну добычу.

Дарый стояла у входа в юрту и счастливо улыбалась. «Сарым» — так и осталось у него это слово, — думала она.

Сияющее солнце висело в бескрайней голубизне неба, рассеяв морозный туман, которым поутру были окутаны кустарники. На них мириадами звезд сверкали куржаки...

НА ПАШНЕ

С наступлением оттепели атамановское болото заслезилось. Юрта Бальчира оказалась среди расплывшихся луж. Пришлось кочевать из кустарников, где зимой немного было теплее, чем в открытой степи.

В разборе юрты принимала участие вся семья: Бальчир развязывал плетеные из волоса ленты, которыми крепится кошма на решетке, Чульдум аккуратно сматывал их на руку через локоть. Дарый собирала посуду, выносила на улицу и развешивала на кусты одежду. Маленькая Кара-Кыс неотступно держалась за подол матери, лепеча:

— Мама, что делаешь? Мы поедем? Куда будем кочевать?

¹ Барба — кожаный мешок квадратной формы.

Мать спокойно отвечала и изредка наклонялась и ласково нюхала голову девочки.

— Переедем на ту сторону деревни, доченька. Там уже сухо. Лютики цветут, тепло,—говорила она.

Окончив разборку юрты, Бальчир с помощью жены начал выючить. Здесь юрта и все их имущество: прокопченные полки шкафа, длинная кадушка из-под молока, сделанная из ствола тополя с берестяным дном, два сундучка, ступа и пест, деревянные ведра, постель, таганок и другой скарб. На выюке своего быка возвышался купол юрты, на другом, которого дал Кечил-оол для перекочевки,— овальное черное днище большой чугунной чаши.

Докурив у потухающего костра свои трубки, Бальчир и Дарый с детьми тронулись в путь. Он и Чульдум шли впереди, ведя своего быка, вслед за которым раскачивал свой громоздкий выюк рогач друга. Сзади с дочкою на горбу брела Дарый. Она продолжала говорить девочке о том, как хорошо будет на чайлаге¹: Кара-Кыс не дослушала рассказа матери и заснула, сладко улыбаясь.

По дороге на околице деревни повстречался Иван Михайлов, атамановский старожил, с которым в последнее время хорошо сдружился Бальчир. Он был высокого роста, синеглазый, с рыжей бородкой.

— Здравствуйте!— Михайлов остановил коня.

— Здравствуй. Куда ездил?

— На пашню. Смотрел, не пора ли выезжать. А вы куда кочуете?

— Вон, к покотине. Где зимовали—сыро стало.

— Так ты пошто же не сказал, паря. Я бы коня с телегой дал. Сподручнее бы перевозить-то.

— Ничего. Имущества немного. Все тут,—ответил Бальчир.

— Новоселье-то бы обмыть надо. Арака есть?

— Что ты, Иван! Какая арака? Корова не доится, молока и для ребятишек нет.

— Ну, ладно. Я к вечеру придумаю что-нибудь. Новоселье, паря, надо справить непременно, а то счастья не будет.

— Ладно, сарым, приходи. А как на пашне?

— Да земля уж оттаяла. Пахать можно. Днями поеду.

— Мы тоже с Кечилом собираемся.

В глубоких расселинах гор еще белели лоскутья снега. Как заботливая хозяйка, поселившаяся в новой квартире, из которой только что выехали старые жильцы, весна быстро наводила свои порядки. На полях появились серые рваные пятна; они быстро разрастались, и вскоре лишь в оврагах да под бортами оросительных канав, словно белые зайцы, укрывались остатки сугробов. Каменеющая ночью земля днём дышала гус-

¹ Чайлаг — летняя стоянка.

гым маревом, которое неуловимыми нитями струилось к небу.

Солнце, поднимаясь к зениту, дырявило ледяные оковы речки Элегест, растворяло их в ручейки; они соединялись в шумные потоки и с журчанием сливались в потемневшее русло.

На маленьком клочке прошлогоднего жинвья среди кустов степной акации, еле переставляя ноги, толкаясь, в упряжке шли быки. На одном здоровенном буром рогаче сидел худощавый, небольшого роста мужчина в рубахе с расстегнутым воротом и по колени засученными штанами. Он неустанно погонял быков, помахивая хворостинной. Сзади, держась за грубо обтесанные ручки деревянной сохи с железным посом, шагал другой, высокий и широкоплечий. Он сердито поглядывал на быков и подталкивал соху. Как и погонщик, он был босой, так же закрутил штаны, но был без рубахи. Его смуглое тело под лучами солнца отличало блеском темного плеса. Обильный пот мелкими ручейками исполосовал мускулистую спину. Рывки пахаря настолько были сильны, что, кажется, не будь этих ленивых быков, он смог бы двигать соху с меньшей быстротой. Пропахав борозду, Бальчир сказал:

— Постой, сарым, — и вывалил соху из борозды. — Не пора ли чай пить? — Он повернулся спиной к солнцу, сделал отметку в конце своей тени, падавшей от его головы, и начал мерить:

— Пять ступней. Кормить быков надо, да и самим отдохнуть не мешает. Как ты думаешь?

— Правильно, — поддержал Кечил-оол. — Я даже погонять устал этих лентяев, а ты, знать, совсем уморился.

Через несколько минут у канавы весело запылал костер. Его красные языки жарко облизывали овальное дно и бока чугунной чаши, в которой бугрился густой взвар зеленого чая.

— Эх, молочка бы влить! — вздохнув, сказал Кечил-оол.

— Жаль, что быки наши не доятся, а то бы — чего желать лучшего, — шуткой ответил друг.

— Ты ведь держишь корову. Чего же не привез хотя бы чашку молочка?

— Держать-то держу, да не доится она, проклятая. Вот зному прокормил ее, а когда отелится — Ажикай зеберет себе. Вместо псе даст какую-нибудь стародойку, которую подоишь месяца три, а там опять же корми, как быка.

— А ты не бери.

— Тебе хорошо говорить «не бери». Ты один, как кукушка... Спасибо Узун Иван¹ помогает: то молока, то хлеба пришлет. Недавно, как мы скочевали на чайлаг, он принес булку хлеба.

¹ Узун Иван — длинный Иван, так звали Михайлова тувинцы за его высокий рост.

кринку молока и бутылку араки. На новоселье, говорит. А сам пить не стал. Чудной человек...

— Да-а, — протянул Кечил-оол. — Среди русских хороших людей много... Весь хошун, — помолчав, сказал он, — пасет да кормит ажикаевскую животику, а масло и шерсть Лжикай себе забирает... Оп, дьявол, и не знает, сколько у него скота. За всю жизнь свою не то что илуга — лопата в руках не держал, а каждый год отправляет в Китай караваны верблюдов с сеянкой, оттуда везет товары.

— А кто у нас судит и кого судит? — зло спросил Бальчир и сам же ответил: — Судит тот, у кого власть и богатство. И судит не кого-нибудь — нашего же брата, бедняков да пастухов.

— Ты верно говоришь, акым¹. Для чиновников, лам да баев всегда праздник — ни заботы, ни работы, а мы всю жизнь спину гнем и живем с пустыми желудками. Долго ли так продолжаться будет?

— Нет, думаю, недолго.

— Грамотных вот у нас в народе нет! Грамотные люди читают книги, газеты. Им, наверное, легче вперед заглянуть и жизнь свою постронть по-новому.

— Надо только завоевать себе свободу, а грамоте научимся. Я слыхал, — Ленин хочет сделать грамотными всех, кто трудится. Наверно, он и нас имеет в виду...

После обеда за сохой ходил Кечил-оол, а Бальчир погонял быков. К заходу солнца была распахана полоска, которая в своем изгибе между кустарниками напоминала уродливо согнутый полоз саней.

Уже было темно, когда друзья, еле волоча ноги, подходили к Атамановке. У покотины деревни на фоне угасающей синевы неба черными кучами навоза вырисовывались их юрты, с верхушек которых вились белые дымки. В некотором отдалении от них белела юрта Чилбака, первого богача Межегейского сумона². Через открытую дверь виднелось яркое пламя костра. Было слышно пьяное бормотание: высокий голос гнусавил какую-то нудную песню. Где-то за кустами караганника монотонно ухал бубен. Это шаманка Чиртай изгоняла злых духов из чахлой жены бедняка Калбак-оола...

СТРАДА

Лето проходило незаметно. Погода стояла сухая, жаркая. Вслед за созреванием трав подошли хлеба.

С серпами в руках семья Бальчира и Кечил-оол убирала урожай. Дарый проворно, горсть за горстью набирала темнолиловые стебли проса и аккуратно складывала их в небольшие

¹ Акым — старший брат мой. Это слово употребляется и в обращении к старшему товарищу.

² Сумон — административное деление, равное сельсовету.

кучки. Летний халат ее был спущен по пояс. Лицо, оголенные грудь и спина блестели, залитые потом. Бальчир и Кечил-оол работали без рубах, босиком, в штанах с высоко закрученными гачами. Под кустом караганника у канавы, где был стан, играли дети. Когда Кара-Кыс спала, мальчик приходил на полюсу, стаскивал кучки проса в бунты и укладывал в круглые валики головками внутрь. Вечером стаскивали кучки и жнецы. В этих валиках просо оставалось сохнуть до обмолаота.

Молотил урожай Бальчир вместе с Кечил-оолом. Вокруг забитого в землю кола на току кружились их быки, подгоняемые Чульдумом. Друзья сгребали и скирдовали солому. Обмолотив, они брались за лопаты и на ветру очищали зерно от мякины....

Убрав урожай, Бальчир за три раза привез с пашни шесть барб вороненого, словно темной эмалью покрытого, проса. Дарый радовалась: ее малыши будут сыты.

— Еще поедешь?— спросила она мужа, пока тот привязывал быка за кустик у юрты.

— Зачем ехать? Это все, что намолотили.

— Неужели все? А хватит ли на зиму?

— Сколько хватит. Пойду молотить к Сарыг-Степану, за работаю.

— Он же мало платит. Все говорят, что у него можно кое-как прокормиться, но не заработать.

— Сколько даст, столько и ладно,— уклонился муж и, пригнувшись, вошел в юрту. В ней до притолки двери висел густой дым. Пройдя за таганок, он сел в передней части на шкуру, разостланную вверх шерстью. Шкура настолько обтерлась, что определить, с какого животного она снята, мог лишь сам Бальчир, который пять лет тому назад содрал ее с павшего от старости коня.

В юрту вошла Дарый, за подол ее халата держалась маленькая дочка. Потом прошмыгнул в дверь шустрый Чульдум.

Дарый разгребла в очаге тлеющие угли и поставила на них медный продолговатой формы чайник. Ее румяное лицо было озарено улыбкой. Черные, как смоль, глаза блестели.

В семье бедняка не спрашивают, сильно ли проголодался кормилец. Не спрашивают и он, что приготовлено поесть: это обидело бы и хозяйку, и ее маленьких питомцев. Чай с молоком и распаренным в нём поджаренным пшеном был на редкость вкусным ужином для семьи Бальчира.

— Завтра, говорят, к нам в аал Ажикай пожалует,— проговорил Бальчир, закуривая длинную деревянную трубку с медным чубуком.

— Что нового привезет он?— робко спросила Дарый.

— Хорошего ждать от него — все равно, что зимой дождика. Поборы какие-нибудь собирать будет. Может быть, прикажет коровенку свою отогнать к нему. Она скоро отелится ведь.

А нам спихнет какую-нибудь пададь, и корми ее зиму без толку. Может, и еще какую-нибудь пакость придумал.

— Что ты говоришь, опомнись!— сказала Дарый, устремив на мужа встревоженные глаза.

— Что думаю, то и говорю.

Разговор прервал заливистый лай собачонки, до сих пор мирно лежавшей у входа в юрту. Потом послышался громкий голос:

— Пошла вон, окаянная!

— Пойди, уйми ее,— сказала Дарый сыну. Тот выскочил за дверь, и собачонка виновато заскулила.

Через порог шагнул, еле протискивая в дверь свое огромное тело, Иван Михайлов. Бальчир воскликнул:

— Здравствуй, Иван!— и улыбнулся, увидев, как тот неуклюже согнулся. Ему показалось, что распрямись Иван, и юрта повиснет на его голове, как шатер на высокой стойке. Михайлов не заметил этой улыбки и, до слез щуря глаза от едкого дыма, неловко присел к очагу.

— Здравствуйте,—неторопливо промолвил он. — Эх, да и дымно же у тебя, паря. Рыбу здесь коптить, а не людям жить.

— Ничего, мы привыкли,—словно оправдываясь, сказал Бальчир и поднёс гостю чашку с чаем, из которой густо клубился пар.

— Чайку можно. Только ведь соленый он у вас. Ну, да ничего. Гостимую и с перцем можно. На-ка вот, ребяткам старуха прислала. — Иван протянул большую краюху пшеничной булки.

Бальчир передал хлеб жене, та по маленькому кусочку отломила и подала детям, а остальной положила на полку шкафа.

Михайлов не раз бывал у Бальчира, видел неказистое убранство юрты, но теперь снова осматривался по сторонам, словно разыскивал, не появилось ли что-нибудь новое в хозяйстве друга. Однако все было по-старому: тот же «шкаф», который неуклюже громоздился у двери, зияя неприкрытыми проемами между полок; на них стояла и лежала опрокинутая посуда — деревянные пиалы, медный ковш с длинной деревянной ручкой, большая и маленькая чугунные чаши, ковш, сплетенный из мелких прутьем ивы — для заварки чая, деревянные ведра и туески с берестяными днищами и ручками из конского волоса, большой латунный таз и деревянный продолговатый лоток, на котором отвеивают толченое просо. Между шкафом и низкой кроватью, покрытой двумя кошмами и подушкой, напоминающей продолговатый скаток сукна, стояла деревянная ступа, словно недоглотив в свое пузатое чрево головастый пест. В глубине юрты ютился старенький сундучок—аптара¹, рас-

¹ Аптара — сундук.

крашенный когда-то замысловатыми рисунками азиатского орнамента. В центре — между сундуком и кроватью стоял шире¹, на котором вместо идола Будды лежала трехструнная балалайка.

— Я ведь пришел к тебе, паря, знаешь зачем?

— Не знаю, говори, — насторожился Бальчир

— Ружьишко-то сохранил, небось?

— Хочешь забрать?

— Что ты? Зачем оно мне? У меня свое есть. Я вот о чем хочу тебя спросить: на промысел ты нынче собираешься? Если поедешь — давай вместе. Сейчас сохатые², как налитые. Мяса бы на зиму не мешало запасти, а места здешние ты знаешь.

— Что ж, с таким человеком, как ты, я охотно поеду, — радостно блестя глазами, проговорил Бальчир. — Только сейчас рановато. Мясо не сохранишь. Ты, я слыхал, без мяса-то и так не живешь, козлишек все добываешь.

— Да, этого добра сколько хочешь. Но они уж больно худые. Вот сохатинки бы не мешало. А потом, может, и на белковые махнем, а?

— Я не против. С тобой — куда угодно.

За разговором и не заметили, как на дворе совсем стемнело. Где-то на болоте курлыкали журавли...

ГЛУБОКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

С наступлением майских дней крестьяне и араты выехали на поля. Расчищали оросительные каналы, поднимали залежи, жнивье, начинали сев — стремились вырастить больше хлеба, в котором испытывалась острая нужда. Латались дыры, образовавшиеся в хозяйствах в военные годы.

Этой весной глубокие изменения произошли в отношениях тувинского населения.

Князя и чиновники Ойнарского и Салчакского хошунов, на территории которых находились поселки русских старожилов, делали вид, что их ничто не интересует, но свои интриги против русских крестьян прекратили.

Тувинская беднота еще более сблизилась с русскими крестьянами. Араты перестали раболепствовать перед своими чиновниками. Если появлялся где-нибудь нойон Ажикай со своей многочисленной свитой, — не падали на колени, как было раньше, а смело переходили дорогу. Это бесило князя. Он копил обиду и выжидал.

Однажды Ажикай ехал по улице Атамановки. За ним следовали двенадцать чиновников и слуг. Бальчир и Кечил-оол стояли у ворот усадьбы Михайлова и разговаривали с Иваном. Тот первым заметил, как из проулка выехали всадники во главе с нойоном, и пошутил, обращаясь к Бальчиру:

¹ Шире — столик-иконостас.

² Сохатый — лось.

— Вои, паря, ваша гроза едет. Прячьтесь, а то придётся перед ним на брюхе ползать.

Друзья оглянулись, и Бальчир сказал:

— Ты ошибся, сарым. Мы не спрячемся и кланяться не будем. Вот увидишь!

Князь медленно ехал по улице и косо поглядывал на Бальчира и его друзей. Качил-оол нарочно повыше поднял голову, вздернул на ухо свой малахай, широко расставил ноги, взялся за опояску и в упор смотрел на нойона. Бальчир улыбался, показывая Михайлову, как осмелел его друг. Было забавно смотреть, как дуется князь, видя непокорность своих бессловесных когда-то рабов.

Под вечер к юрте Бальчира прискакал всадник. Не спешиваясь, он крикнул:

— Эй, кто есть? Отвяжите теленка, я корову погоню. Нойон приказал!

Дарый испуганно воскликнула:

— Ой, что такое!— и привстала, раздумывая, следует ли немедленно выходить и исполнять приказание, или лучше оставаться в юрте: без хозяина корову не возьмут. Чульдум и Кара-Кыс тревожно смотрели на мать. С улицы громко повторили:

— Чего не выходишь? Нойон велел забрать корову. Выходи, отвяжи теленка, и я погоню. Мне некогда объясняться с тобой.

Дарый по голосу узнала, наконец, что это кричал Маиндыхурак¹. Она представила его наголо бритую голову с перекошенным ртом, вспомнила его пьяную болтовню в юрте Чилбака, когда он хвастал, что выгонит всех русских, а поселки их спалит.

— Змей поганый,— шептала она.— То монгольским феодалам прислуживал, а когда они уехали,— опять у нойона в дворовых псах.

— Самого нет дома, а я больна, выйти не могу.

— Где Бальчир? — отозвался тот же злой голос.

— Не знаю, в деревню ушел.

— Я подожду в юрте Чилбака. Придет Бальчир— позовите меня,— крикнул всадник и поехал. Дарый слышала, как по земле гулко застучал дробный топот иноходца. Она молча плакала. Чульдум, видя слезы матери, насупился. Кара-Кыс заревела, бросившись на колени матери.

— Не плачь, мама. Отец не отдаст корову,— заговорил Чульдум. — У нойона своих много, а у нас одна. Отец не отдаст,— убежденно повторил он.

¹ Х у р а к — послушник.

— У нас нет своей коровы, сынок. Нойон заберет пестрянку. Мы будем пить черный чай.

В это время дверь распахнулась и в юрту вошел Бальчир.

—Что случилось? Почему плачете?

—Ажикай прислал Майнды-хурака забрать корову.

—Где он?

—У Чилбака. Велел сказать, как ты приедешь. Я не вышла из юрты, а он и с коня не слез. Злой. Кричит.

—Отец, не отдавай корову!--возбужденно проговорил Чульдум.-- У нойона своих много.

Бальчир молча сел на свое место у очага и закурил. Он ни на кого не глядел, уставив свой взор в таганок, где тлели угли. Казалось, глава семьи еще не решил, как поступить: отдать корову -- значит, оставить семью без молока, черный чай да ишено. Дети будут голодны. Не отдать--нойон заберет силой и расправу еще вздумает учинить. «Нет, не посмеет он бить,-- думал Бальчир.-- А корову отберет. Но с добра я не отдам. Пусть забирает силой...». Так сидел он долго, думал. Дарый плакала. Чульдум с нетерпением ждал, что скажет отец.

С улицы снова донесся топот. Майнды-хурак кричит, стуча по юрте длинной рукояткой плети:

—Бальчир, ты пришел? Почему не сказал мне? Я ведь велел! Отвяжите теленка. Корову я заберу. Нойон приказал.

Бальчир не двигался с места. «Вот тебе и не будем кланяться!--вспомнил он свои слова, сказанные сегодня у ворот Михайлова, когда по улице ехал князь.-- Хочешь быть с молоком-- поклонись, и Ажикай оставит корову. Не хочешь--оставайся голодным! Как же быть?»--ломал он голову.

Майнды-хурак еще сильнее застучал по юрте и раздраженно крикнул:

—Хотите, чтобы вам поклонился сам князь?

— Да, я хочу говорить с князем, а ты уходи,--сдерживая гнев, сказал Бальчир.

--Ты что, одурел? --отвечал с улицы Майнды-хурак.-- Хочешь, чтобы нойон упрасивал каждого неслуха? Я передам ему твою дерзость. Но ты учти, что даром тебе это не пройдет!--и он прищпорил нпходца.

Дарый испуганно смотрела на мужа. Кара-Кыс попрежнему прижималась к груди матери, боязливо посматривая на отца. Чульдум подошел и обнял за шею Бальчира, повиснув на его широкой спине.

—Не отдавай, отец. У нойона много своих коров.

—Так это тоже его корова, сарым!--улыбнулся отец.

—Побьет он тебя, Бальчир,--тревожилась Дарый.

— Не побьет. Струсит, вот увидишь!

Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался шумный топ многих лошадей. Бальчир поднялся и вышел на улицу. За ним последовала вся семья.

Ажикай, не подъезжая близко, остановил коня.

— Чужое добро хочет присвоить? — грозно пробормотал он. — Ему, негодному, видно, кажется, что законы у нас больше существуют!

Бальчир не знал, что ответить. Действительно, корова принадлежит нойону. Об охране добра, принадлежащего его владельцам, законы не отменены. Упасть на колени и просить? Бальчир вздрогнул при этой мысли: он вспомнил разговор с Михайловым и Кечил-оолом. Нет, ни за что он не будет просить! И выпалил, побледнев:

— Забирай свою падаль, князь!

Свита нойона угрожающе зашумела, заискивающе поглядывая на князя. Ажикай не ожидал такого оборота дела и, как окаменелый, молчал, зло наблюдая за Бальчиrom. Тот, словно застыл в мужественной позе, грозно указывая рукой на корову, которая стояла у юрты и облизывала привязанного теленка.

— Забирай! — повторил Бальчир, сверля князя взглядом своих черных глаз. Дарый взяла на руки Кара-Кыс и стояла, прижавшись к двери юрты. Чульдум держал отца за опояску, под которой сзади были подоткнуты ножны с большим охотничьим клинком.

Маинды-хурак крикнул:

— Выпороть его, негодяя!

— Какое нахальство! — пробормотал Чилбак, подойдя к юрте своего соседа — Бальчира. — Нехорошо, тунмам¹, так обращаться с нойоном! — поучал он.

Бальчир опять не стерпел:

— Такой же ты зверюга, как твой нойон. Молись на него, если хочешь.

— Пороть надо! — закричал Маинды-хурак. — В цепи заковать да колоду² на шею накинуть!

— Побереги свою голову, несчастный! — бросил ему Бальчир и взялся за рукоятку ножа. — Берите корову и отправляйтесь. Нечего тут болтать. Не пропадем.

Ажикай колебался. В другое время он приказал бы немедленно заковать этого ретивца в цепь, выпороли бы и надели бы ему на шею недельки на две колоду. Но он знал, что у Бальчира есть оружие: он партизан. За него могут заступиться другие, как он, и русские посмотрят на это неблагожелательно. А

¹ Т у н м а м — младший брат, обращение ко всем младшим.

² К о л о д а — одно из орудий наказания и пытки в дореволюционной Туве: две толстые и широкие доски, сколоченные кромками вместе, с дырой посередине; в колоду заковывали шею осужденного.

с русскими Ажикай открыто ссориться не хотел. Он видел, что Бальчир вел себя смело и угрожающе. Это ничего хорошего не предвещало. Бальчир к тому же был самым сильным борцом в Ойнарском хошуне. Дешево он не дастся. Поразмыслив, князь торопливо поговорил:

—Ладно. Пусть еще месяц корова будет у него. Потом пригонит, и, тронув лошадь, поехал в Атамановку. За ним потянулась свита. Чилбак заковылял к своей юрте.

Вечером Бальчир был у Кочетова.

—Не могу я есть молоко от его коровы. Но детей кормить нечем,—говорил он.— Как мне быть, посоветуй, командир!

—Завтра же отведи ее. У нас есть конфискованный у бандитов скот. Дам указание, чтобы тебе дали корову.

—А чем я заплачу за нее?

—Ничего платить не будешь. Она вроде трофейная. А сказать правду,—за многое ты уже вперед заплатил, когда получил партизанское крещение.

—Спасибо, командир!

—Велю также, чтобы коня тебе дали. На быке все работаешь?

—Да. И коня дашь, командир?

—Обязательно, Кечил-оолу тоже дадим коня.

—Хорошо, спасибо, товарищ командир!—Бальчир обеими руками тряс руку Сергея...

СЕРЕБРЯНАЯ ШАПКА

Атаман выпил еще одну пиалу араки и свалился на кошму, покрытую китайским ковром. Через минуту он храпел, как запаленная лошадь. Под утро атаману приснился сон. Едет он будто по степи на своем «додже», шофера нет, а баранка руля поворачивается сама. Заметив это, он переползает к рулю, пытается достать ногою акселератор, но тот провалился за какую-то чурку. Машина все замедляет ход. Вот-вот остановится, а ему надо спешить. Тогда он отворачивает чурку, укладывает ее рядом с собой, нащупывает ногой акселератор, жмёт на него, и машина бешено несется. Мелькают кусты, какие-то бугры свежей земли, знать, могилы. Атаман холодеет: он узнает место, где в девятнадцатом году расстреливал группу сибирских партизан. Холмики шевелятся. Атаман нажимает на акселератор, машина летит жар-птицей, вокруг мелькают звезды, какие-то гигантские деревья. Он выглядывает за борт и видит, что несется прямо на острия неведомых скал. Им овладевает ужас. Вот и конец. Тогда атаман ногами и руками ищет рычаги тормозов, но их нет. Он обливается холодным потом и слышит:

—Куда спешешь, идол?

Атаман оглядывается. Перед ним стоит седоволосая

женщина. На ее морщинистом, но бодром лице—строгость. Глаза пылают гневом.

—Куда спешишь, говорю?—повторяет женщина, не открывая рта.—Умирай тут,—нигде! На небо ты недостоин, а земля тебя не примет.— И она берет чурку, лежащую рядом с атаманом, легко раздирает её на части. Омертвевшая кора осины ключьями свисает над его головой.

—На вот, пригодится,—говорит женщина и подает ему заостренный кол,—ты заслужил его, бери...

Этот кошмар, может быть, длился бы целую вечность, но что-то дробно застучало, и атаман проснулся, мокрый от пота. Он дрожал.

Так начался день атамана «Серебряная шапка». Он вскочил и страшно крикнул:

— А, черт! Что такое, поручик?—но на его зов никто не появился. Было слышно, как по лагерю в суматохе метались люди, а где-то вдаль морским прибоем гремело «ура». Потом от лагеря затрещали нестройные залпы, кто-то завыл, как собака в ненастную погоду.

Быстро вооружившись, Казанцев вынырнул из палатки и увидел, как его люди отбивали атаку красных; ему показалось, что наступавшими кишела вся степь; чёрные угловатые точки то появлялись, то исчезали в серой пыли.

Солнце висело в зените, а бой не утихал. Несмотря на убийственный винтовочный и пулеметный огонь, хлеставший от палаток и с кургана, что возвышался на фланге, красные не прекращали своих атак ни на минуту. В небольшой овражек, где отсиживались и дружно стреляли около сотни беляков, полетели гранаты. Появились десятки убитых и раненых. Потом Казанцеву донесли, что свой пулемет с кургана почему-то обстреливает их порядки и уж нанес им большой урон.

Около полудня в лагере «Серебряной шапки» поднялась паника. Бандиты без команды прекращали огонь, оставляли свои позиции, сбегались в кучу, о чем-то спорили друг с другом. Атаман пытался было навести порядок и охрипшим голосом кричал: «Занять позиции! Держаться до последнего!». Но выполнять его приказ бросились одиночки. Всюду валялись трупы убитых. Раненые просили о помощи, но на них никто не обращал внимания. По всему фронту участились перебежки красных. Партизаны уже не ложились. Вскоре они заняли левый фланг обороны белых, и их губительный огонь усилился, неся опустошение в ряды противника. Белогвардейцы кинулись в лесок, беспорядочно отстреливаясь. Казанцев кричал во все горло, пытаясь восстановить порядок, но его уже никто не слушал.

Видя неминуемую гибель, атаман приблизился к своей палатке, где стоял его черный «додж». Включив зажигание, он за-

пустил мотор. «Додж» сначала густо задымил, чихнул несколько раз и рванулся с места, громыхая по косогору. Сзади дробно колотили выстрелы. Слышалось партизанское «ура».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бой окончился так же неожиданно, как и начался. Никто не знал того, как еще много было материальных и физических сил у банды, к началу боя численно превосходившей партизанский отряд в четыре-пять раз. Этого было достаточно, чтобы не только отбить атаку красных, но опрокинуть их и уничтожить. Но было ясно, что ошеломленные стремительной атакой враги уже не были способны стоять больше ни одной минуты: сопротивление их было сломлено, их дух парализован невиданной смелостью партизан. Остатки белогвардейской банды Казанцева кто как мог, без оглядки бежали вверх по берегу шумливой Тес, которая все так же безмятежно катила свои воды к далекому озеру Убса-Нур.

Никто не знал и того, что партизаны также были не в силах преследовать врага. Они выполнили главную задачу: враг разгромлен и бежит. Но добить его не было возможности. Помощь со стороны Лизченкова так и не явилась.

Командный состав партизан был весь выведен из строя. Самым старшим остался комвзвода Тушаков. Стрелять было нечем. Разыскивать боеприпасы врага можно было, но у партизан не было на это ни времени, ни физических сил. Заняв лагерь, они в смертельной усталости повалились с ног, словно это был перерыв после горячей работы, длившейся бесконечно долго.

Тушаков стоял на бугре, его широкие плечи поднимались и опускались. Легкий ветерок трепал его буйно вьющиеся кудри.

— Бальчир! — крикнул он.

Тот не расслышал и молча продолжал смотреть в овраг, где кучами лежали трупы беляков.

— Подсчитываешь, что ли, Бальчир? — громко повторил командир.

— Нет, я не могу. Вон Тамба считает, — устало ответил Бальчир, подходя к Тушакову. — наших тоже много лежит. Не знаю, все ли мертвые или живые есть. Посмотреть бы надо, командир.

— Знаю, дружок, знаю! — с горечью прервал его Тушаков. — Приказываю — ты и Кечил-оол заберите человек десять да немедленно соберите лошадей и верблюдов.

— Хорошо, товарищ командир. Но Кечил-оол ранен.

— Тогда бери другого, кого угодно. Исполняй!

— Хорошо, беру!

Бальчир пустился во всю прыть к группе партизан, стоявших у палаток...

В братской могиле похоронили героев, павших смертью храбрых в бою за власть Советов. В последний путь партизаны проводили их пением похоронного марша и пятью винтовочными залпами. Речей никто не произносил. Снятые шапки да минута скорбного молчания—вот и все проводы...

Утомленное солнце опускалось на гребень скалистого Хайракана, громадным утюгом нисходящего к реке Тес с вершины Таинуольского хребта. Затесские равнины, уходящие вглубь Монголии, подернулись сизой дымкой. Туда, на юг, в бескрайние просторы уходил разбитый, но цедобитый враг. На северо-запад, под сизую тень Хайракана, по пыльной дороге медленно двигался отряд партизан. В голове колонны развевалось красное знамя. Впереди и на флангах ехали редкие дозоры. Колонну замыкал взвод партизан под командой Семена Коровина. В середине колонны двигался обоз—везли раненых. Спокойно и величаво покачивался караван верблюдов. С боков каждого из них в качалках, искусно и просто сделанных из кошмы, ехали легко раненые бойцы, которые не могли сидеть верхом на лошади. Тяжело раненые лежали в носилках из длинных жердей, обтянутых трофейными палатками.

На таких носилках, покачиваясь, лежал Кочетов. По обе стороны его верхом на лошадях ехали Тушаков и Ванюшка Митрошин.

Рядом с носилками Михайлова неотступно следовали его соседи по Атамановке Калинин и Бальчир. Они не спускали глаз с больного. Тот лежал большим пластом, сильно прогибая носилки. Когда наступила вечерняя прохлада, Михайлов пришел в сознание и начал искать глазами кого-то. Встретив взгляд Бальчира, он улыбнулся и проговорил:

— Вот и повоевали, паря. Как там... Поди ушли, а?

— Не ушли, Иван,— солгал Калинин, стремясь успокоить друга.— Тамба подсчитал, говорит, что у них около трехсот убитых. Самый главный вот только удрал на автомобиле.

— Попадетя, куда он денетя,— вставил Михайлов и отвернулся, потом через несколько минут попросил пить и заговорил вновь, с трудом переводя дыхание.

— Вот ведь какая оказия. Германцев бил в шестнадцатом—ничего. Царя свергал в Петрограде—тоже ничего. Зимний брали мы, уж там ли не катавасия была,—опять же пронесло, даже не оцарапнуло нигде. А тут вот, видите...

— Поправишься, Иван Иванович, потерпи.

— Нет, видно, не поправляюсь. Ноги-то уж холодеют, слышу.

— Успокойся, успокойся, друг.

— А я и так спокоен. Вы вот что, соседи, лошаденку мою не бросьте, пожалуйста, передайте старухе. Да посмотрите, чтобы сумы не потерялись, новые они ведь. Гришутке скажите, чтобы

хлеб полил да сенца коровенке бы заготовил. А то ведь замрут с голоду.

—Всё будет хорошо, Иван Иванович.

—И то знаю, что будет хорошо. Только вот как бы мне повернуться. Уаах ты,—застонал Михайлов и умолк...

В ущелье Хайракана, которым двигался отряд, весенние воды нарыли полуметровых промоин, оголив каменистое дно. И здесь, в одной из них, было положено могучее тело партизана. Лопат не было. Но нашлись кинжалы, пытки, шомпола, и маленькие комочки земли тонким слоем покрыли большой труп. Надгробных речей и здесь никто не произносил. Не было и залпа. В ночной тишине прощались партизаны со своим земляком. У многих односельчан Михайлова по щекам текли слезы, но их никто не видел. В ущелье было темно, и лишь запоздалый месяц из-за Эрзинских сопок медленно возносил свой золотистый нежный диск.

Отряд снова тронулся в путь—к вершинам Танну-Олы, за которым ждал партизан мирный, вдохновенный труд.

Степан Сарыг-оол.

ЛЮБИМЫЙ СЫН МОЕЙ МАТЕРИ

Вставало солнце над глухим аалом.
Народ ещё не знал своих друзей.

Солдат с винтовкой на коне усталом
В ту пору прискакал на Енисей.

Одна старуха оставалась дома.
Она спросила:
— Кто ты? Чей такой?
Откуда ты?

Солдат по-молодому
На землю прыгнул,
Тронул ус рукой.

-- Ну, здравствуй, мать!
Я родом из Россни.
Меня прозвали с детства Огоньком.
Где ваши всадники, твои родные?
Хочу я стать вам другом, земляком!..

Старуха сразу вспомнила про белых,
Взглянула недоверчиво тогда:

Ружье — в руках солдата огрубелых,
На сером шлеме — красная звезда.
Так просто улыбался этот воин
В шинели старой,
Словно лучший друг,
Так был он добродушен и спокоен...

Старуха затаила свой испуг.
Сказала:
— Я одна во всем аале.
Волков свирепых бьет моя родня.
Ты подожди аратов на привале.

Солдат с улыбкой прыгнул на коня.

Задумалась тревожная, седая о том бойце,
Взглянула вслед ему —
А там, врагов народа побеждая,
Неслась лавиной армия в дыму.

И в эту армию влились потоком
Старухины родные, земляки...

И свет зари на знамени высоком
Бодрил в походе красные полки.

Старуха все смотрела вдаль с испугом,
В тревоге сыновей своих ждала...

А старший сын вернулся с русским другом
В родной аал, где стала жизнь светла.

Узнала старая того солдата:
Звезда на шлеме,
Тот же добрый взгляд...

Ее Оная нашел в походе брата.
Всем, чем богаты, поделиться рад.
Они сражались вместе, наступая,
Росли в боях, под знаменем полка...

Как сына,
Как любимого Опая,
Старуха полюбила Огонька.

ПАСТУХ, ДОШЕДШИЙ ДО МОСКВЫ

Батрачил пастухом я в юности у баев,
Все тропы исходил у подножий Таңды.
Босыми пятками по зубьям скал ступая,
Не жил я, только тлел под бременем нужды!

В одеждах дорогих из златотканной пряжи
Кичились богачи — им всё не по нутру.
Я недостойн был войти в их юрту даже,
Ступить на их ширтек,
Дохнуть на аппару.

Но грянул гнев рабов над сворою чванливой
И богачей сразил.
В Туве их больше нет!
Сменилась ночь зарей...
Какое это диво:
Увидеть новый мир и новой жизни свет!

Народный депутат, в Москве я гостем ныне.
Пастух и зверолов — я слушаю Москву.
Перед седым Кремлем стою, как пред святыней,
Свободно здесь дышу, свободно я живу!

КАРТИНЫ ЭЛЕГЕСТА

...Костер прохожего в ночи,
Да тишь пустынных мест.
Лишь Улуг-Хем, бурля, стучит,
Где влился Элегест.

Здесь пастухи, от байских стад
Взойдя к вершинам гор,
Поют, и путника хотят
Подбить на разговор:

«Всю ночь клекотал
С Элегеста орел,
И сон я видал,
Что седло приобрёл...»

Кто слышал ту песню в тиши этих мест,
Что вспомнит о времени том?
Всё то же:
Спешит в Улуг-Хем Элегест,
И берег пустынный кругом.

Теперь эту глушь не признать никогда:
На месте слиянья двух рек
Здесь буйствует жизнь,
Как бушует вода,
Как зелень цветет на заре!..

И ночью и днем молодой Элегест
Бурлив, говорлив, оживлен.
Не только прохожий, но житель тех мест
Расцвету его удивлен.

Здесь древних кочевий утрачен и след:
Не юрты стоят,
А машины шьют,
Бывало, на топку и хворосту нет,
А ныне здесь -- лава угля!

В глубоком забое тувинец-шахтёр
Работает с песней вдвоем,
И вниз по дороге,
И вверх, между гор,
Проходят машины с углем.

И скоро здесь — мощностью в тысячи сил —
Пойдет электрический ток.
Осветит, как солнцем, Бай-Хак и Кызыл
Включённый в работу поток.

ХЛЕБ

На жнивье пошел я рано.
Степь, что ночью тихо млела
В сонном озере тумана,
Вся проснулась и шумела.

Дул в лицо мне ветер свежий
И в хлебах высоких канул.
Я не видел побережья,
Словно плыл по океану.

Вдруг дуга под небосводом
Чуть всплыла, в росе сверкая.
Вынырнула тут подвода,
Словно рыбина морская.

Быстро девушка промчалась ---
Повар стана полевого:
Раскраснелась, размечталась,
Промелькнул платок-обнова.

И старик бронзоволицый
Вдаль проехал над арыком:

Расчищал пути водиче
Он в краю степном великом.

Солнце пряталось где-то,
Облака над полем стыли.
Но снопы степного света
Небо все позолотили.

Показался день мне чудом,
Дивом в поле золотистом.
Поглядишь — богатство всюду,
В каждом колосе лучистом!

Но не чудо-небылица —
И богатство, и приволье:
То старик бронзоволицый
Вместе с солнцем создал поле!

ПУТНИК

Конь мой мчится вдоль ущелья.
Сколько птицам тут веселья!
Шумны реки и потоки...

Век бы мчаться в путь далекий!

Вместе с нами мчится время,
Обвивают травы стремя,
Листья ивы гладят щеки...

Век бы мчаться в путь далекий!

На привале возле кедра
Козье мясо жарю щедро.
Чай горячий, сон глубокий...

Век бы мчаться в путь далекий!

ЗИМОЙ

Пеленой покрылось небо.
Птицы замерли, молчат.
Полетели хлопья снега,
Словно хвостики зайчат!

Посмотри: надели горы
Белый праздничный наряд,
И широкие просторы
Белой скатертью горят.

И кудрявые, как дети,
Смотрят с горной высоты,
В шапки заячьи одеты,
Караганника кусты.

И мелькает выше, ниже
Стая звонкая ребят —
Это смелые на лыжах,
Словно ястребы, летят.

ПОКОЛЕНИЯ

Вечнозеленая тайга,
Как шубою, Туву одела,
И, величава и строга,
Растет на склонах гор замшелых.

Пусть бурелом, пожар, пурга
Ее под корень косят дерзко,
Но обновляется тайга
Росткам буйного подлеска.

Седых отцов и матерей
Сменяют, подрастая, дети,
Чтоб труд их довершить скорей
Во славу будущих столетий.

Наряд родной страны моей —
В зеленой поросли весенней.
Надежда Родины моей —
В веселом юном поколеньи!

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Под несмеркнущим солнцем Тувы,
Где кочевья раскинуты наши,
Я родился средь гущи травы
В юрте, схожей
С задымленной чашей.

И покинул я лоно твое,
Мать — тувинка...
Ты сына вскормила,
В зимний день согрела жилье,
Летом —
Свежим кумысом поила.

Материнскому сердцу дитя
Всех на свете сокровищ дороже.
Ты, любовью мне жизнь осветя,
Сердцу юных красавиц пригожей.

Чем я должен помочь тебе, мать?
Перебрал я профессий немало,
Да и выбрал:
Певцом надо стать —
Так Отчизна и ты пожелала.

День и ночь,
День и ночь думал я:
Чем же матери стану полезен?
Колыбельная песня твоя —
Не зерно ль моих будущих песен?

Ты хотела —
И вот я пою
О советской, сегодняшней нови.
Эту первую песню мою
Посвящаю тебе по-сыновьи.

СИРОТА

Увидев радость на лице
Аратки, женщины простой,
Я вспоминаю старину
И встречу с нищей сиротой.

Держалась всадница моя
За шею рыжего бычка;
Гнала ягнят на дальний луг
Да ежилась от холодка.

Лентяй-бычок едва шагал,
Искал траву в пустых ложках.
Стучали по его бокам
Ножонки в старых башмаках.

Глядели смело на меня
Глаза ребенка-мудреца;
Из ветхой шубки лезла шерсть,
Как оперение птенца.

А чья ты, дочка?— я спросил.—
Ягнят-то сколько у тебя?

Ответила девчушка мне,
Рукав шубейки теребя:

— Нет у меня родных, семьи,
Живу одна я, как в лесу.
Ягнята эти — не мои:
Я стадо дьякона пасу.
Не знаю я, как звали мать,
Где умер мой отец-арат...

Глядела прямо сирота,
Был не по-детски мрачен взгляд.

Тебе, пастушка, не страшны
Ни одичалые ветра,
Ни слезы редкие, ни пот,
Ни раскаленная жара!

ХОМУС ГОВОРИТ

Посмотришь — небо над тобой.
Вокруг — крутые горы.
А в устье речки голубой —
Плетеные заборы.

Старик уже пригнал овец.
Готовит чай старуха.
То не хомей завел певец,
А печь запела глухо.

И в одинокой юрте дым,
И копоть от лучины.
Тоскливо в юрте молодым:
Не греют их овчины.

Сидят в дырявых маймакал
Чумазные ребята,
Молчат угрюмо на кошмах,
Как деды их когда-то.

Грустит и смотрит в небеса
Тувинка молодая.
Звенят хомуса голоса,
Ей правду открывая:

«Твои подруги вдалеке»
На зимниках скучают
И ночи долгие в тоске
Тревожно коротают

Зачем кочуем?
Почему?
Нам грустно, одиноким.
Живется радостно тому,
Кто строит дом высокий».

Байкара Ховенмей.

ОКРЫЛЕННЫЙ НАРОД

Века пустотой зияла
Земля на унылых полях,
Но вдруг ожила, засияла,
Но вдруг улыбнулась земля!
Это в совместном усилии
Мы развернули крылья.

Веками судьбу в заплатах
Носил горемычный арат.
И вдруг он — в семье крылатых,
Орлу он — родимый брат.
Стали мы все богаты —
Грудью стоит брат за братом.

Веками арат был темным,
Смеялся богач над аратом.
Теперь стал арат ученым,
Товарищем, депутатом.
Что значит сила народа!
Что значит его свобода!

Теперь в городах и селах
Иван и Олесь с Ахмедом
Сойдутся, и с песней веселой
Сосед помогает соседу.
Это нас всех сплотила
Дружбы народной сила!

Знамя над дружным строем
Плещется в небе чистом.

Новую жизнь мы строим,
И впереди — коммунизм.
Все мы идем вперед --
Это и есть полёт!

ВЕЛИКАЯ ВЕСНА

Закован во льдах, недвижим Улуг-Хем:
Жестокой зимы беспощадная власть
До боли сдавила могучую грудь,
Торосы на ней громоздятся стеной.

Так, черными силами сдавлен во тьме,
Веками томился тувинский народ.

Весеннее солнце блестит над рекой;
Журчат и сверкают повсюду ручьи.
Ломаются грузные льдины, трещат --
Расправил могучую грудь Улуг-Хем.

Так, солнцем великим согрет в Октябре,
Рванулся к свободе тувинский народ.

Вставали преграды на новом пути,
Утесы, пороги темнели вокруг, --
Но камни в пути раскидал Улуг-Хем
И дружные волны несет в океан.

Так радостно влился в большую семью,
Смывая преграды, тувинский народ.

Цветет, украшает всю землю весна:
Нигде не видать прошлогодней травы.
В полях поднялись молодые ростки,
Поют о весне и луга, и леса.

Не так ли Россия цвести помогла
Сестре своей кровной — Советской Туве?

ОНИ ВСТРЕТЯТСЯ

Дочь Ондаржика, немного повыше стола,
Словно большая, косичку в пучок собрала

Лестной прическу скрепила и села играть.
Кукле своей мастерит из коробки кровать.

Ляг, ты больная. Но будем лечиться, не плачь;
В ясных при нашем тувинском колхозе я врач.

А на Урале, отца проводив на завод,
Младший Уваров свой новый берет самолёт.
В дворик зелёный, примкнувший к стене заводской,
Мальчик бежит, подымая игрушку рукой.
Гуллом и рокотом разом наполнился двор:
Русый мальчошка гудит, как заправский мотор

Мальчик и девочка скоро учиться пойдут.
В солнечных школах упорен и радостен труд.
Быстро десяток мелькнет ученических лет.
Вот и последний экзамен, последний билет.
В доме высотном, в Москве, им учиться и жить —
Там они встретятся.
Там они будут дружить.

УСТАРЕЛАЯ БУМАГА

Вот если ревизор зайдёт
Вдруг в наше учреждение.
Он в пыльном ящике найдет
Одно постановление.

Уныло взглянет на него,
Потрогает, понюхает,
Пожмёт плечами:— Отчего
Ты выглядишь старухою?

Бумага дряхлая в ответ
Прожамлит нерешительно:
«Увы, меня почти что нет,
Хоть я еще действительна.

Меня забыли отменить
И вот — живу, недужная.
А в прошлом, что и говорить,
Была бумага нужная...

Теперь я только старый сор,—
К тому все основания...
Ты поздно, ревизор, пришел.
Тебе придти бы ранее.

Да я в архивный мир сошла
Давно б без сожаления,
Когда бы во-время была
«Проверка исполнения»

Леонид Чадамба.

КТО Я?

У лиственницы есть дупло,
А там — мой дом, и в нем тепло
Я сытно, вкусно ем всегда:
Орехи, шишки — вот еда.

Не мерзну, хоть мороз пришел.
На шубке шерстка, словно шелк,
На ушках — кисточками мех,
А хвост красивей всех!

Мой бег прыжками неспроста.
Моя стихия — быстрота.
По веткам кедра я скачу
И, как стрела, вперед лечу.

Зверек я очень небольшой,
Но равен золоту ценой.
Я всем пушным зверям подстать.
Ну, как меня, ребята, звать?

НА ПАСТБИЩЕ

Пасется стадо на лугу,
Пестреет галькой в сочных травах.
На берегу я стерегу
Коров, телят смешных, лукавых.

Свирель я сделал из лозы;
Играю, да смотрю за стадом.
Гляжу на небо, жду грозы.
А рыжий бык вздыхает рядом

В ПОЕЗДЕ

В окне мелькают будки путевые
Вдали оставив добрую Москву,
Я еду за Саяны голубые,
В далекую Советскую Туву.

Стучат колеса, голос паровоза
Летит вперед вдоль узкого моста
В моей руке дымится папироса,
Плывут вокруг заветные места.

Прекрасна ты, могучая Россия,
Леса в заре, гиганты-города,
И эти села светлые, простые,
И в плавных рек прозрачная вода!

Опять неторопливая беседа
Сплотила путников в одну семью.
Так молоды одни, другие — седы,
Но каждый любит Родину свою!

Василий Эрнст.

ПАСТУШКА

Облака плывут отарой
Над скалой высокой, старой.
Овцы, козы по долине
Бродят, словно на картине.

На холме, в кустах прохлада.
Стережет пастушка стадо,
Распевает песню громко:
На плечах её — котомка.

Щёки, словно в час рассвета,
Розовеют у пастушки;
В синее она одета,
Тюбетейка на макушке.

Только чудом появиться
На холме могла певичка!
Я спросил у незнакомки:
Что вы носите в котомке?

— Это — клад мой. Неужели
Вы его не разглядели?
Поглядите на козленка!—
Мне она сказала звонко.

И, пастушкой увлеченный,
Я не смог разговориться;
Лишь потом сказал смущенно.
— **Д**обрый день, душа-сестрица!

-- Что же вы молчали долго?
Или сердце ваше смолкло?
Братец мой, какая жалость!—
И пастушка засмеялась.

ТУВИНСКИЙ ШКОЛЬНИК

Всю зиму где-то пропадал
Хаалгажик-парнишка.
Хоть с виду он ещё и мал,
А, видно, не трусишка!

Из юрты он ушел один;
Хомей¹ запел веселый,
Спустился с гор в простор долины
В оседлый знать, поселок.

Его отец, старик Балдан,
Ворчал: «Вот сын негодный!
Ушёл —
Куда ушел? В туман?
И нет его сегодня!»

Однажды вечером впотьмах,
Хаалгажик вернулся
В обледенелых маймаках²,
И в курточке оруса³.

В аале удивлялись мы:
— Ведь это просто диво!
Скитался до конца зимы
А выглядит счастливо!

Отец в ту пору захворал,—
Он сына встретил строго.
— Ты недостойн,— он сказал,
Отцовского порога!

И -- повернулся вдруг спиной.
Но сын сказал с улыбкой:
«Отец, гляди, букварь со мной.
Ты не ругай так шибко!

¹ Х о м е й — вариант тувинского горлового пения.

² М а й м а к и — обувь с характерным загнутым носком

³ О р у с — русский.

Теперь я — слышишь? — грамотей!»
Он вынул из подмышки,
На удивление гостей,
В цветных обложках книжки.

Ребята, обступив его,
Давай хвалить картинки.
Он, чтоб усилить торжество,
Читает без запинки.

«Зарей, когда роса свежа,
В урочищах Бий-Хема
Забавных черных медвежат
Мы встретим непременно...»

— Что, что? — вскричал старик
Балдан,
Про медвежат есть в книжках?..
Нет, сын, на счастье ты мне дан.
Еще читай мне, слышь-ка!

И сын с улыбкою прочел:
«С народом русским вместе,
Как рой весенний дружных пчёл,
Мы заживем чудесней!».

Юрий Кюнзеген.

МОСКВА — В ДУШЕ МОЕЙ

Москва меня звала к себе, как мать,
Я мчался к ней, призыв звучал в груди.
И версты я старался подсчитать:
Проехал сколько, сколько впереди.

Меня пленил простор родных полей,
Посаженных деревьев череда,
Сибирские красавцы — города,
Как небо в звездах, в тысячах огней.

Я видел Обь.
Как расписной ковер.
Ее луга. Хотел бы я здесь жить...
С умельцами седых уральских гор
Хотел бы камень резать, сталь варить..

Моих желаний время не убьет.
Я встречусь с Обью, на Урал вернусь.
Сейчас же я вперед, к Москве стремлюсь.
Она — в душе моей. Москва зовет.

ЧЕДИ-ДАГ

Стальными шлемами блестят
На Чеди-Даге ледники.
Семь гор стоят, как взвод солдат,
Вздымая солнце на штыки.

Ещё мальчишкой, с давних пор,
Мечтал я с трепетом души
Взобраться вверх, до самых гор,
До их серебряных вершин.

А бабушка твердила: грех,
И думать брось, чтоб для игры
Посметь забраться вдруг на верх
Священной дедовской горы!

— Пойдешь туда --- найдешь конец, ---
Мне бормотал и плут-шаман:
— Свояк у ламы есть, мертвец,
Он после смерти бродит там!

...Учиться ехать в Тора-Хем —
Как в лапы четкера попасть:
Безбожников, чтоб помнить всем,
Засовывает четкер в пасть!

...Я верить идолам не мог:
Упрям и смел я с детства был.
Не удержал ни черт, ни бог
И я учиться поступил.

...От перелистанных страниц
Годами ветер пролетал,
И тайны земляных слоев
Я наизусть уже читал.

Вот Кидиспей со мной пошёл
К родному дому, в небесах
И самолет наш, как орел,
От крыльев тени разбросал.

Я наземь глянул свысока:
Как лебеди среди озер,
Внизу играли облака
По всем вершинам Семигор.

И нынче время настает:
К мечте мальчишеской вернусь.
К снегам серебряных высот
Я непременно прикоснусь!

ДОЛИНА РЕЧКИ

Здесь речке тесно между гор:
Она выходит на простор.
Ее волна — сильна, чиста,
Её не сдавит теснота,
Она отточена, как сталь.
Она с собой вводит вдаль
Вот речка О.

Смотри вокруг —
За речкой, тонкой, как урук.
Кругом черемухи цветут,
И пихты с кедрами растут.
Смотри, пионы у реки
Роняют в воду лепестки,
Здесь горы жмутся к стороне
В оленьем пышном шулуне,
А на горах — смотри — на всех
Мох золотой надет, как мех.

А где лежит лесная тень
С тобою встретится олень,
И знай, охотник молодой
Оттуда выйдет за водой.
И рог из ивовой коры
Услышит путник у горы...
Охотник выйдет, подойдет,
Геологам укажет брод.

...Золотоносные пески
Лежат течением реки,
И льется песня по реке
О крошках золота в лотке...
...Огни Кагжырба — далеко,
Найти дорогу нелегко
Её охотник узнает —
Ведь там любимая поет.

ОХОТНИК САНЧА

Санча бродил здесь тридцать лет,
Пугая выстрелами тишь.
Здесь тридцать лет тащился след
Подбитых конской кожей лыж.
Бывало, он усталых ног
Из снега вытащить не мог.

Бывало — день удачлив был,
Тогда б усталости конец —
Но все почти, что он добыл,
Брал Кокус даром, за свинец.
А там, глядишь, опять не сдан
Ему навязанный албан.

Но звал богатствами простор,
Годжа звала — цепи свой труд!
Ты закален, охотник гор,
На жестком ледяном ветру.
Высок ты ростом, и ружье
Не тяготит плечо твоё!

Октябрьским пасмурным днем
Пришла весенняя гроза,
И вслед за русским пареньком
Санча ушел, как партизан.
Врага проклятого арат
Четыре года бил подряд.

И знамя красное взвилось,
Венчая лучшую мечту.
Санча — боец пришел в колхоз:
Он сам теперь хозяин тут.
И лыжи старые свистят —
По следу соболя летят.

...И едет бригадир Санча
Со славных промыслов своих...
Бегут олени, и стучат,
Как камешки, копыта их...
Про чудеса Саянских гор
Несётся песня на простор,

«ДИДИР-ДИДИР...»

Среди аратов ходит молва.
Ходит всюду волной морской,
От юрты к юрте летят слова
Жарким летом, морозной зимой.
«Дидир-дидир» — слышишь вокруг.
Где правда, где ложь — разберешь не вдруг.

Путник случайно в кочевье зайдет,
Новость расскажет о дальних местах.
И сразу начнется ее полет

Из уст одних в другие уста.
Почту тогда самолёт не возил,
«Дидир-дидир» — весь народ твердил

Не те времена настали сейчас —
Вести в горы приносит эфир.
Если неправду услышат от вас,
Сразу же скажут: «Это дидир».
В преданье народа ушло навсегда
«Дидир-дидир», не оставив следа.

МОЯ СТРАНА

Мою страну родную
Объехать нелегко:
Отсюда, где живу я,
До моря далеко!

Людей в колхозных селах
Нельзя перехвалить.
Их труд в томах тяжелых
Не просто осветить.

На всей земле, я знаю,
Такой, как наша, нет.
А кто ее хозяин?
Горняк, пастух, поэт...

Богата, как природа,
Жизнь нашей стороны.
Мы с нею год от года
Богаче быть должны.

ПОЧТАЛЬОН

Повсюду у меня друзья,
С которыми давно дружу я,
Как будто мы—одна семья,
Где с каждым сходство нахожу я.

Но только в доме у себя
Не часто вижу я знакомых.

Сказать по совести, иных
Я не видал ни разу дома.

Но есть один такой, что путь
Ко мне всегда легко находит.
Какой бы ни стоял денек,
Он обязательно приходит.

Не знаю, как зовут его,
(А надо бы спросить, понятно!).
Зато я знаю хорошо,
Что письма носит аккуратно.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Солнце еще за туманом где-то,
Плотно закрыл его тучи лоскут...
Даже петух, предвестник рассвета,
Не прокричал еще: «Ку-ка-ре-ку!»

Только деревня уже закипела,
Спящих, пожалуй, сейчас не найдешь:
Встала пораньше, песни запела.
В поле поехала молодежь.

Твердо укатанная дорога
Тянется вдаль, на поля, за село.
Сани несутся по ней...
Ой, как много
Ярких улыбок в санях расцвело!

Солнцем советским ребята согреты.
Утренний их не пугает мороз.
Песня взлетает навстречу рассвету,
Хор неумелый звонкоголос:

«Мы выходим в поле с утра,—
За работу братья пора,
Мы везем на поле навоз,
Чтоб зерно тучней налилось.

Мы не просим небо. «Кудай,
Нам скупую милость подай!»
Молодым, упорным трудом
Завоюем мы урожай!»

ТУМАН

Скоро свет потоками хлынет
И расскажет, что солнце встало...
А туман, кочевавший в долине,
Уползает к далеким скалам.

Под лучами сверкает камень,
Солнце встало, утро настало
А туман где?
За ледниками
Притаился, злой и усталый.

Я от солнца не убегаю,—
Веселее мне с солнцем вместе,
Топорище в руках сжимаю,
Выхожу на работу с песней.

ЖАВОРОНОК

Плывет он в небе голубом,
Как маленький кораблик в море
С холмов, темнеющих кругом.
Веселый отзвук песни вторит.

Он не пугается грозы
И ястребиной черной тени,
Звонит над полем: «Дзинь, дзинь, дзинь»—
Счастливой песенкой весенней.

Бежать к хлебам воде пора,
Я отомкнул ей путь к каналу,
Вода запела каргыра,
Как будто птице подлевала.

РОДНИК

Льдом одевался даже Хемчик,
Если зима холодна.
В знойную пору даже Барлык
Пересыхает до дна.

Только родник течет и течет,
Летом, зимой — все равно,
Песни журчат и журчат круглый год.
Чисто прохладное дно.

Мельницу там построил колхоз,
Работать заставил воду,
Чтоб серебро не даром лилось,
Хлеб давало народу.

Где же течет он, чистый родник?
Спрашивать путь не надо:
Тот, кто трудиться всю жизнь привык,
Сразу увидит: он рядом.

ПРОВОДЫ

Листья осенние, тихо звеня,
С ветром наперегонки бежали.
Парень легко вскочил на коня,
Мать замерла в печали.

Он не бросает свою страну,
Чтоб улететь перелетной птицей, —
Не уезжает он на войну
Насмерть с врагами биться.

Едет он брата в войске сменить,
(Брат на границе служил три года)
Будет он так же, как брат, хранить
Мирное счастье народа.

Вся-то деревня вокруг собралась,
Каждый сказать ему слово хочет;
Парню дают прощальный наказ:
«С честью служи, сыночек».

Листья осенние тихо звенят,
Ветер их крутит над головою...
Цокот копыт боевого коня
Смолк вдали за горою.

Олег Сувакин.

ДРУГУ

Секут снаряды огненным дождем,
И рвутся бомбы с заунывным свистом...
Я помню: мы в рядах, мы наступленья ждём,
Быть впереди готовы коммунисты.

Присягу верности своей родной стране
Мы приняли в торжественном молчании:
Друзьям — идти с друзьями наравне,
Не отступать — мы дали обещанье.
Мы рядом шли, и под грозой атак
Гвардейское нас оведало знамя,
И сквозь огонь мы проходили так,
Что даже он не мог послеть за нами.
На Украине, в Ровно и в Дубно
Мы рядом шли, друг с другом заодно.

Ты помнишь, как в боях за Украину
Твоей земле я кровь свою отдал,
А ты меня в несчастьи не покинул,
Своей рубашкой грудь перевязал?..
Мы вместе встали, не сказав ни слова,—
Мы сели на коней, пошли в атаку снова.

Давно гроза прошла. Стих ветер и огонь,
Но памятны мне схватки боевые.
В колхозном поле мой железный конь,
Передо мной Саяны голубые.
А где-то Днепр сверкает серебром...
Ты там живешь, в колхозе за Днепром.

...Какие б земли нас не разделяли,
С тобою вместе будем всё равно.
Те дни, когда мы вместе воевали,
Нас крепкой дружбой навсегда спаяли,
И мы навек друг с другом заодно.

ДОРОГА

Много есть в горах дорог, дорожек,
Тысячи тропинок скачут вниз,
А куда ведут они прохожих —
Разгадать наверно не берись!

По одной пойдешь, кочевье предков
Опустело, заросло травой;
По другой пойдешь, — видеть, что редко,
Редко скот ходил на водопой.

Расстелил тропинок сеть большую
Человек, шагая за скотом.
Кто теперь здесь ходит, кто кочует
На старинном пастбище пустом?

Заросли травой тропинки эти,
Время беспросветное прошло.
Лишь одна дорога на рассвете
Приведет в колхозное село.

ЛИСИЦА И МЕДВЕДЬ

Подыскивая тепленькое место,
К Медведю, управляющему трестом,
Пришла Лиса и сладенько пропела:
— Ах, Михаил Иванович!
Я б хотела
Устроиться у вас!
Я без работы, видите ль, сейчас,
И скучно, знаете, мне мыкаться без дела!

— А что вы можете? — спросил Медведь Лису.
— О! Пользу я для вас большую принесу!
Профессия любая мне знакома,
И я везде, — как дома!

Поверите ли, где б я ни была,
Начальство мной не может нахвалиться:
Ведь я на все дела —
Большая мастерица!
Я все могу!.. —
Расхвасталась плутовка
И так Медведя окрутила ловко.
И так ему залезла в душу,
Что, слушая Лису, Медведь развесил уши
И рот раскрыл.

Голубушка!
Тебя-то мне и нужно!
Я с радостью беру тебя на службу!

И тут же ей оклад солидный предложил
И место теплое — в курятник счетоводом...
Прошло полгода...

Ну, здесь конец понятен без труда.
Нам только вывод нужен:
Медведь-растяпа — это не беда.
Вот человек-растяпа — это хуже!

ЩЕНОК

Жил-был щенок—такой пострел!
Уж так вилять хвостом умел!
Ну, а в хвосте — всего вершок...

Как кувыркается щенок
На куцых лапах ночью, днем...
Всего вершка четыре в нем!
А то залает, словно злой...

У очага старик Ользой
К корыту шапку прислонил.

Щенок на шапку наскочил,
И ну герзать, и ну вертеть,
Как зайца серого — медведь.
Но шапка хлоп — и с головой

Щенка накрыла.
Как слепой,
Под нею крутится бедняк...

Вошел Ользой:

-- Э, как же так ----

Уж не сошел ли я с ума,
Коль шапка прыгает сама!
Он топ ногой -- визжать она!

Да я не пил, кажись, вина...--
Он ничего понять не мог.

За шапку хватать а в ней щенок!

ОХОТНИКИ

Шли два друга горным лугом,
Поднимались вверх по склонам.
Развели костер два друга
На урочище зеленом.

-- Будет ясная погода!
Будет славная охота!—
Так два друга толковали:
Встретимся на перевале!

До рассвета прикорнули.
Утром солнечным проснулись.
И в густой кедряч нырнули,
Словно в воду окунулись.

Врозь пошли, по тропам разным.
День был ясным, вечер — ясным.
Разыгрались белки в чаще,
От косых лучей блестящей.

В чаще темной, хвойной, щедрой
Звери, птицы, не задремлют!
В тишине шумели кедры,
Шишки падали на землю.

Слушал песни птиц свободных,
Шел по ягодам охотник
И подошвы красил соком,
Мох топтал в лесу глубоком.

...Что там?
Кедр дрожит сильнее,
Чем от грозового ветра:
Высоко вверху чернеет
Человек на ветках кедра.

Много шишек он доставит:
Дети ждут его на стане.
Тут охотник крикнул громко:
— Друг, слезай, полно котомка!

Вдруг сучок под верхолазом
Подломился, треснул сразу;
Покатились шишки градом...
Поддержать беднягу надо!

Подбежал скорее парень
В уши страшный рев ударил.
От испуга парень бледен:
В друге он узнал... медведя!

Сердце билось еле-еле —
В грудь медведю парень целил.
Только выстрелить собрался —
Кто-то раньше догадался.

Меткий выстрел, гулкий отклик
Прокатились в чаще лога.
Подошел второй охотник,
Мишку мертвого потрогал.

А добычник неудачный
Вытер пот платком кумачным
И с досадой глянул снова
На кедровника лесного.

ПАДАРЧИ

(Тувинская народная сказка)

Как-то лама-побируха
Обходил степной приход.
Нету мочи — завируха
Бьет песком в глаза и в рот.

К буре, что ли, день ненастный?
Падарчи, как конь, устал.

Видит юрту, рядом—сосны,
Ниже к речке — краснотал.

Вот он в юрте.
Что за чудо?
--Нет людей, а ночь близка...
Лишь козленок белорудый
От порога ускакал.

На углях чернеет чаша.
Из углей надул огня,
Поглядел, понюхал: каша!
«Значит, варят для меня.
Я недаром горе мыкал —
Кашу можно подождать...»

Сел поближе, замурлыкал,
Четки стал перебирать.

Глядь: вошла с усмешкой милой,
Пожелала многих лет,
Кашу круто посолила --
И хозяйки снова нет.

Видно, горько с пересолу ---
Каша фыркала со зла.
Тут и дочка к богомолу,
Улыбаясь, подошла.

Чашку соли в чашу с кашей
Опрокинула зараз.
И, вдогонку за мамашей,
Понеслась на скотный баз.

Полог быстро отвернулся:
Сам хозяин, верь — не верь, —
Вынул соли, усмехнулся,
Всыпал в кашу — и за дверь.

«Что мне делать?
Ну, забота:
Солона кашница та!»—
Раздирает рот зевота,
Разбирает тошнота.

Раззевался — не заметил,
Как вошли отец и мать.

С ними—дочка. Ту заметил,
Мигом перестал зевать.

Выхваляют кашу дружно:
—Наша каша хороша.
Чашка с вами?
Сколько пужно?
Много ль требует душа?

Падарчи нахмурил брови:
Не уймутся, мол, никак.
Пусть дадут своей корове,
Ей полезней солончак.

И сказал отцу девицы,
Палец к четкам приложив:
«Только капельку плесните:
Я так сыт, что еле жив».

Дочка капнула игриво,
В ламской чашке поднесла...

Вот так чудо, вот так диво:
Каша с сахаром была!

Никогда такого срама
Не бывало у людей:
Вышел лама вроде хама,
Бесталанный чародей!

«Думал—горько. Эх, досада!
Слаще меду!— Нету сил.
Мне бы много-много надо,
Я же — каплю попросил.
А теперь совсем не гоже
Чашку снова протянуть...
Честь мне ламская дорожке—
Потерплю уж как-нибудь».

Но, к терпению не приучен,
Падарчи готов реветь,
Как в тайге, на снежной круче,
Заблудившийся медведь...

Ужин кончен.
Дочь украдкой
Оглянулась на башкы.

Сколько было каши сладкой —
Вон из чаши и ... в кувшин.

Одеяло растянули,
А кувшинчик — в головах.

В юрте скоро все заснули.
Да не спит один монах.
От волнения весь измок:
Люди спят, а вору — мука...

Хвать кувшинчик!
Стукал, стукал —
Капли выстучать не мог.

Пропихнул ладонь до днища,
Кашу в пригоршню берет,
Потянул —
Нейдет ручища
Ни назад и ни вперед.

Рассердился:
«У, проклятый!
Разнесу на черепки!»
Шмыг из юрты — лог покатый,
Размахнуться не с руки.

Глядь, у ног чернеет камень.
«Разом треснет мой горшок!»
И обеими руками
Хлоп кувшин о камешок!

Черный камень как подскочит,
Как залает, завизжит!..
Падарчи, что было мочи,
От собаки прочь бежит.

Вот опять каменье в груда —
«Разнесу горшок в куски!».
Хвать о камень —
Вот так чудо:
Вместо камня — пастушки.

— Вор! Держи! — бегут гурьбою.
Из-за кряжей брызнул свет.
Падарчи летит стрелою...

Перед ним дороги две.
Говорит одна дорожка:

-- Из парчи на мне мешок.
А другая:
--- Хоть немножко —
Золотой во мне песок.

Как решить быстрее задачу:
Взять и рассыпать, и парчу?..
«Лучше сразу, наудачу,
По обеим поскачу.
Знаменитым стану, право.
Буду ламою из лам...»
Топнул влево,
Топнул вправо ----
Да и лопнул пополам.

М. Кенли-Лопсан.

**МОЕМУ ВЕЛИКОМУ СТАРШЕМУ
БРАТУ**

Властным,
 бурливым,
 свободным потоком
В море спешит
 Улуг-Хема волна.
К старшему брату
 любовь глубокая —
Как мне дойти
 до ее истоков,
Откуда она?

Из поколения в поколение
Зрелых мужей
 и малых ребят
Жизни,
 любви
 и побед учению
Учит
 мой старший брат.

Дружба в труде родилась,
 когда-то
Крепко спаяла ее,
 до конца,
Кровь дорогого русского брата —
И моего отца.
Любовь мою к брату,
 дружбу мою
Смелым стихом на весь мир пою!

В ДОРОГЕ

Заря
красотою Сибири
любуется,
Солнце
счастливой улыбкой
лучится.
Сердце горит,
встревожен,
волнуюсь:
Еду учиться!

Мать мне сказала:
«Учись у брата —
Все ты узнаешь и все сумеешь».
Отец подбодрил меня
словом крылатым:
«Разум — солнца светлее!»

Сгущаются сумерки над полями,
Ночь на нас
опуститься хочет —
Наш поезд мчится,
клубя парами,
Не уступая ночи!
Скоро войду я
с друзьями вместе
В двери твои,
Университет!..

Русские песни,
тувинские песни --
Без песен
дороги нет!

НА ВЕРШИНЕ ГОР

Стальнойю птицей юность долетела
До недоступных и орлам пределов.
Не соколом растила сына мать,
Но научился я летать.

Взобратся даже як не мог на эти скалы,—
Над ними я везу газеты и журналы,
Со мной летит письмо в невиданную высь,
А в том письме — слова: «Любимая, дождись!»

Я не боюсь летать над горной крутизной:
Всем сердцем связан я с землей моей родной

РУССКИЙ ЯЗЫК

Скажите,
какой в Страну Советов
гостя,
Из каких краев
откажется от визита?
На праздничном вечере
с кем не пришлось
Мне, студенту,
поговорить открыто?
На русском языке
я тогда расспросил
И выразил пламенные пожелания
Китайскому парню,
буряту, манси,
Другу-москвичу,
девушке из Испании.
Путь я прошел
и горнило нашел
Даже для знанья
языка родного!
Тот свободно,
как ветер,
парящий орел,
Кто знает,
читает
и пишет
русское слово!
Русский язык познакомит
тебя
С семьей народов,
великих и малых,
Мысли своих мудрецов
любя,
Народам в подарок
ты сразу пересказал их!
О русский язык!
Науки и дружбы
огонь живой
Освети умы
негасимым и ярким
светом!
Изучайте, любите его,
как язык родной,

«Славные маленькие друзья,

школьники,

Не забывайте об этом!

ПИОНЕР—ОХОТНИК

«Что, сынок, тебе не спится?
Что ты рано встал, упрямый?»

«Я капкан проверю, мама:
Не попалась ли лисица».

«Потеплей оденься, милый:
Ишь, метель-то закружила!
Ты один в тайгу идешь—
Не забудь ружье и нож.
Быть беспечным не годится:
Ночью можно заблудиться».

Сын охотничать привык.
Взял он нож и дробовик,
Снарядился понемногу,
Вышел в дальнюю дорогу.

Поступь смелая легка:
Словно кинул он аркан
На гору веселым взглядом --
Так сама и встала рядом.

Влез на камень, огляделся:
Там, внизу, капкан чернелся,
А по снегу --- след кровавый.---
Зверь ушел к реке, направо.

Паренек всмотрелся --- нет,
Этот след -- не лисий след:
Не сломать бы ей капкана.
След большой и очень странный.

-- Это волк попал в капкан,
Это волк порвал аркан.—
Побежал он в горы, в стадо...
Выручать овец надо!

По следам Эргеп пошел —
Ветер снегом след замел,
Ивы гнутся, да не могут
Указать ему дорогу.

В ясном небе над простором
Трижды каркнул черный ворон.
Подошел Эргеп поближе:
Там коза козленка лижет.

Из пещеры, из тумана,
Старый волк на козу прыгнул...
«Уходи ненужный страх,
Не дрожи, ружье, в руках!»

Взят разбойник на прицел,
Капкан в пропасть полетел.
А коза с козленком малым
К пионеру подбежала,—

Он подкинул к небу шапку,
Он козленка взял в охапку.
Радостным и гордым смехом
Залилось лесное эхо.

ПРИЕЗЖАЙ

Мы вдали от подруг.
Много дней пролетело,—
Где прошелся мой плуг,
Там пшеница поспела.

Степь нарядна на вид
Под ковром урожая.
Только сердце болит:
Приезжай, дорогая!

Жду, как ждет соловей
Летней тени зеленой.
Приезжай поскорей
К нам, в простор пробужденный.

Ждет гостей целина,
Все мы просим по чести:
Приезжай не одна,
А с подружками вместе!

СКАЗКА О КОДУР-ООЛЕ И БИЧЕ-КЫС

В стихотворной передаче Елены СТАРИНИНОЙ.

1

Давным-давно на берегах
Реки, родившейся в горах,
В богатой юрте жил старик,
Скупой и злой Бура-Баштыг.
Кругом стада его паслись,
Вдали вздымались горы ввысь,
И глухо пел дремучий лес,
Касаясь кронами небес.
А в нищих юртах у реки
Убого жили батраки.
Уделом их был тяжкий труд,
Да голод, да хозяйский кнут.
Но молодой Кодур-оол
Могучий вырос, как орел.
Когда берет он бызанчи¹, -
Как будто горные ключи,
Звеня, струятся под уклон,
И прямо в сердце льется звон;
Поет — и голос молодой
Летит над лесом и водой —
То полнозвучен и суров,
Как бури неотступный зов,
То мягок, словно гладь земли,
Когда дожди по ней прошли.
Любил он девушку одну,

¹ Тувинский народный музыкальный инструмент.

Как любят песню и весну.
И Биче-Кыс его была
Подобна утру весела.
Как будто тяжкой доли нет,
Она легко встает чуть свет.
В труде суровом день идет --
Она смеется и поет,
И звонкий свежий голосок
Развеселить любого мог.
И звали Биче-Кыс порой
Соседи младшею сестрой
За кроткий нрав и разговор,
За радостный и чистый взор.

2.

Однажды днем отец позвал
Кодур-оола и сказал:
— Я покоряться богачу
Отныне больше не хочу.
Сегодня мы с тобой вдвоем
В леса охотиться уйдем.—
Решение отца — закон,
Но сын печален и смущен:
Разлука злая впереди,
И тяжесть у него в груди.
И вот из милых узких глаз
Блеснули слезы, как алмаз:
— Уйдешь и в дальней стороне
Ты позабудешь обо мне...
— Я помню о тебе всегда!
Ты мне сияешь, как звезда.
В ответ шепнула Биче-Кыс:
— Ты только поскорей вернись!..

3.

Отец давно уже ушел.
Спешит за ним Кодур-оол.
Кругом лишь небо и трава.
В душе рождаются слова,
И в песню перелитый стих
В просторах тонет голубых
И к Биче-Кыс издалека
Летит с дыханьем ветерка:
«Если колодец я рыть начну,
Не пожалею труда,—

Чем дальше проникну в глубину,—
Тем чище будет вода.
Если я девушку сватать пойду
В юрте, где знают нужду,—
Она мне доброй будет женой,
Счастливой будет со мной».
Вдруг вырос белый конь пред ним:
Глаза — огонь, а грива — дым.
Сверкает сбруя серебром.
А на коне сидит верхом
Бура-Баштыга злая дочь,
Душою — черная, как ночь,
На шапке драгоценный мех,
Но режет слух надменный смех.
Богаты серьги и наряд,
Но зол ее колючий взгляд.
И дерзко молвит Чилбакай:
— Потешь меня и приласкай!
Из начятых отцом людей
Ты всех красивей и сильней.
— Где сердце у тебя, где стыд?!—
Кодур с презреньем говорит,—
Ты ненавистна мне. Ступай,
Пустая, злая Чилбакай! —
Она коня ожгла хлыстом,
И только пыль взвилась столбом.

4.

Опушки юноша достиг,
И солнце красное, на миг
Блеснув прощальною красой,
За дальней спряталось горой.
И потемнели берега
В ущелье, где текла река.
У самого подножья гор
Высокий светится костер:
Охотник старей сына ждет.
Вот, наконец, Кодур идет.
— Как долго ты не приходил!
Вечерний лов я пропустил.
Теперь придется до утра
Дремать напрасно у костра.—
И покраснел Кодур-оол;
— Тебя не сразу я нашел.—
Они легли. Трещит костер,
Таинственно вздыхает бор.

Резвятся в воздухе ночном
Живые искры над огнем.
Блестит поляны светлый круг,
Тень надвигается вокруг,
И над уснувшей землей
Царит торжественный покой.

5.

Едва блестящие лучи
В листве скрестились, как мечи, —
Кодур-оол ружье схватил,
Его почистил, зарядил,
И песня в этот ранний час
Светло и звонко полилась:
«Лес полон пеньем вольных птиц,
А в сердце — тень твоих ресниц,
А в сердце — блеск любимых глаз
И их немой живой рассказ»...
Звук песни замер и исчез.
Пред юношей раскрылся лес.

6.

Тихо в лесу, хорошо в лесу.
Озеро блещет вдали.
Солище высушило росу.
Прян аромат земли.
Много троп, много путей
Кодур-оол исходил,
Но не заметил следов зверей,
Дичи не подстрелил.
К стоянке вернулся Кодур в тоске,
Прилег у скал на песке.
В задумчивой тишине лесной
Он полон мечтой одной
И не видит он, что отец пришел,
Что убит им дикий козел.
— О чем горюешь ты в тишине?
Что с тобою, поведай мне.—
И снова неправду сын говорит:
— Отец, меня гложет стыд:
Ты дичь добываешь в лесу один.
— Не огорчайся, сын.
Куда бызанчи ты поставил свой?
Сыграй мне и песню спой. —

И пел Кодур и играл, пока
Не уснула его рука.

7.

Утром проснулся Кодур чуть свет —
Отца на стоянке нет.
Розовым блеском зажглась гора.
На охоту идти пора.
Но что это? Ветер поднялся злой,
Гремит покорной листвою,
И дождь пошел, и ударил гром,
И стало темно кругом.
И слышит Кодур сквозь плеск и вой
Грохот над головой:
Упала молния, как стрела,
И раскололась скала.
И спрыгнула девушка с высоты —
Невиданной красоты.
Алого шелка на ней халат.
Глаза любовью горят,
Косы, как змеи, длинны, черны.
Движенья ее нежны.
И молча она опустила взор
На догоравший костер,
Где слабо вспыхивала зола...
... Ты кто и зачем пришла?—

8.

— Я — царица леса, царица гор
И глубоких синих озер.
Твои песни запали в сердце мне,
И оно томится в огне.
Я тебя полюбила. Пойдем со мной:
Я хочу быть твоей женой.
Мои кони быстры и горячи.
Встань, Кодур, возьми бызанчи.
Необозримы мои стада,
И прозрачна в реке вода.
Ты такого богатства еще не знал.
Встань, Кодур, пойдем в мой аал¹.
Моя юрта из чистого серебра.
Встань, Кодур, в дорогу пора!—
Ее слушал Кодур и сам не свой

¹ Аул.

Мог Кодур отходить на полет стрелы,
Но не дальше ближней скалы.
Там стоял он подолгу и вдаль глядел,
И печально играл, и пел.
Под скалой прислушивался аал
И, слушая, замирал.
А песня летела через простор
Далеких лесов и гор:
«Между нами леса, пески...
Не коснуться твоей руки,
Не склониться к твоей щеке,
Не сломиться моей тоске»...

11.

Склонялся день за холм покатый,
Под скалами сгущалась мгла.
Царевна в пламени заката
К Кодур-оолу подошла:
— Испытать я тебя должна —
Мне иначе покоя нет.
Если воля тебе нужна,—
Выслушай мой запрет:
Я хочу, чтобы ты молчал
Девяносто дней, как немой.
Все получишь, чего желал.
И богатым придешь домой.
Если все же невольный крик
С губ твоих слетит невзначай,—
Прежним нищим в тот самый миг
Ты воротись в отчий край.

Если ж с умыслом мой приказ
Ты нарушишь хотя бы раз,—
Знай: в плену у меня тогда
Ты останешься навсегда.

12.

Подолгу Кодур на скале стоял,
Но уже не пел, не играл.
Облаками вдаль проплывали дни,
И безмолвны были они.
Однажды растапливал он очаг.
Дрова горели светло.
Печальный, он не заметил, как
Молоко через край ушло.
И неожиданно он закричал:

— Кипит молоко, кипит!
Вдруг—словно удар, и словно—обвал,
И ветер в ушах свистит...

13.

Очнулся Кодур на песке у скал,
Где отцовский костер пылал.
Знакомый лес простерся над ним
Зеленым щитом своим.
Одежда старая на плечах,
Бизанчи, как прежде, в руках,
И свобода, свобода! И меж стволов—
Лесная песня без слов...
Его обнял отец:— Где был ты, сын?
Сколько дней я прожил один!
Сколько я в тревоге ночей не спал,
По ущельям тебя искал.
Только песни печальных я слышал звон.
Отраженный со всех сторон.
Но умолкли песни, и тишина
Порой мне была страшна...
— Отец, в далеком я жил плену —
В юрте из серебра.
И тосковал я, идя ко сну,
И тосковал с утра.
Чужая царица лесов и гор
Думала стать моей...
Но рвался я в золотой простор
Наших родных степей.
Дома, в ааде у нас, живет
Девушка, как весна.
Вспомню ее — и сердце поет —
Так мне мила она!
Разве я мог бы забыть о ней,
Променять её навсегда
На табуны горячих коней,
На бесчисленные стада?!
Из неволи я вырвался наконец!
Я снова с тобой, отец!
Теперь я знаю, как страшен плен
И между шелковых стен!
— Я рад, что слышал твой рассказ
И что ты здесь, Кодур.
Теперь взгляни, какой у нас
Запас пушистых шкур. —
Отец подводит сына к яме,
Укрытой бережно ветвями.

— Отец, но как добыть ты мог
Так много шкур в короткий срок?
— Мой сын, мне песня помогала:
Все без движенья замирало,
Когда через отроги скал
Сюда твой голос долетал. - -
Старик перевязал пушнину,
Взвалил на сына половинку,
Они, довольные, домой
Идут с добычею лесной,
И остывает у скалы
Костер под грудую золы.

14.

При виде их Бура-Баштыг
Преобразился в тот же миг.
— Я вижу ценные меха.
Была охота не плоха.
Друзья, вы помните обычай
Делиться с близкими добычей? --
Охотник сумрачно ответил:
— Богатство сразу ты заметил.
Что же горя ты не замечал?
Взгляни, как бедствует аал. --
От этих слов Бура-Баштыг
В досаде прикусил язык,
Пошел и машет рукавом.
Как перешибленным крылом.
Меж тем охотники спешат
Вдоль стен развесить шкуры в ряд
И землю мехом застелить,
Чтоб юрту к стуже утеплить.
Но вдруг Бура-Баштыг зашел
И дочь нарядную привел.
— Ашак¹, не выйдешь ли со мной
Для важных слов наедине? --
Охотник с богачом выходят,
И тот о свадьбе речь заводит:
— Ашак, твой сын теперь богат.
Я породниться буду рад.
Конечно, дочь моя знатна,
В богатстве выросла она,
И все же я просватать дочь
За сына твоего не прочь.
Ведь пара, словно на подбор...

¹ А ш а к -- пожилой мужчина.

Кодуру этот разговор
Невольно слышен сквозь кошму.
Невеста не мила ему.
Он повернулся к ней спиной.
Ей не бывать его женой.
Она же говорит: «Кодур,
Ты почему всегда так хмур?
Взгляни поласковой. Ведь я
Уже давно люблю тебя.
Теперь мы ровня, и вдвоем
С тобой богато заживем».
Он отвечает ей: «Молчи!
Вы все такие, богачи:
Одно богатство на уме,
Но это ненавистно мне.
Ты любишь только шкуры эти
И больше ничего на свете.
Но я меха не продаю
И — знай! — другую я люблю!»

15.

А Биче-Кыс меж тем в тоске
Комочком сжалась в уголке
Хозяйской юрты. Шли мгновенья
Раздумий горьких и сомненья:
— Я знаю все, Кодур. Прощай!
Ты женишься на Чилбакай.
Ты стал богатым, как она.
А я... я больше не пужна. —
Вдруг в юрту Чилбакай влетает,
Как буря; взгляд ее сверкает.
За ней спешит отец, и оба
Дрожат от ярости и злобы.
— Зачем ты здесь торчишь? Пошла! —
Батрачку пнул богач со зла,
И выскользнула Биче-Кыс
Из белой юрты; понеслись
Ей вслед проклятья и угрозы,
И Биче-Кыс отерла слезы:
Быть может, верен ей любимый.
И пет беды непоправимой?...
Она бежит, а ей навстречу
Идет Кодур широкоплечий.
Как у него сияет взгляд!
И как он ласков, как ей рад!
— Теперь всегда мы будем вместе, —
Он говорит своей невесте

И за руку ее берет.
И счастье ширится, растет,
И воздух для дыхания тесен!
И много, много будет песен
В их новой юрте, где они
Счастливые узнают дни!

СТИХИ НАШИХ СОСЕДЕЙ

Михаил Кильчицаков.

СТАРАЯ ЛИСТВЕННИЦА

На ребре вершины, над горами,
Солнцу радуясь, она стоит,
Крепкими железными корнями
Пробивая сумрачный гранит.

Редко птицу встретишь здесь, на кручах:
Высь для слабых крыльев тяжела...
Только на плечах ее могучих
Вьют гнездо без страха два орла.

От травы вершина золотится,
Птицы собираются в отлет.
Только лиственница не простится
Со скалой и с места не сойдет.

Не страшась ни стужи, ни метели,
Новых весен стойко ждет она.
Шипки с крепких веток облетели,
Чтоб взошли на камне семена.

КЛЯТВА

...Я вижу снова: вихри непогод.
Земля изрыта шрамами воронок.
Исходит кровью сорок первый год,
Как раненный волками жеребенок.

Я был тогда безусым... Но успела
В глаза мои взглянуть война не раз;
Когда под Ржевом смерть мне песни пела.
Случайно дуб меня от смерти спас.

Широкой грудью принял он гранату,
Врагами предназначенную мне...
Война звала...
И я ушел, в огне,
Обняв калеку, как солдат — солдата.

И я сказал:
«Я все снесу в борьбе,
Но о тебе вовек не позабуду.
Когда-нибудь я людям о тебе
Слагать стихи в родном улусе буду.
И с берегов степного Абакана
Я возвращусь узнать, каков ты стал,
Цветешь ли снова, и болит ли рана...»

И нынче летом клятву я сдержал.
И вот стоим мы рядом — два калеки.
Нет, не случайно вспомнилась война:
Она в огне сдружила и навеки:
Нам руки покалечила она.

Что ж, боль проходит, раны заживают.
Но не забыть былого не простить!
Что ж, если буря дерево ломает —
То остаются корни, чтобы жить.

И где гуляли пули да метели —
Растут теперь зеленые дубки...
Я вижу сына в детской колыбели
И помню боль простреленной руки.

Нет, не хотим мы, чтобы наши дети
Шли вновь сквозь кровь, сквозь пламя и металл,
— Нет, не допустим мы, чтоб нивы эти.
Края мои — чужой солдат топтал!

Перевод П. Мухина.

ТАБУНЩИЦЫ

Январской ночью жгуч в степи мороз.
Пасутся кони кучками вразброс.

Колочий снег поземкою метет.
Он щеки двум табунщицам сечет.

Но, затянув покрепче кушаки,
Тулупов приподняв воротники,

Они табун под ветром огненным
Дозором объезжают верховьем.

Копытят кони снег, и он скрипит,
Трава в снегу встает из-под копыт.

И снег, что чебрецом степным пропах,
Хрустит с травой вместе на зубах.

Луна покрылась тучами вдали,
Ни зги вокруг — темно, хоть глаз коли.

И девушки за снежной пеленой
В степи перекликаются почной.

А кони отвечают дружно им
Похрапываньем радостным своим.

Но свечи глаз в холодной тьме зажглись,
И волчий вой с холма полился ввысь,
И ветер, подхватив голодный вой,
Помчал его с поземкой снеговой...

Напрасно, ветер, злишься ты во тьме!
Напрасно, хищник, воешь на холме!

Две пары глаз—девичьих темных глаз —
Табун колхозный сберегут от вас.

Перевод И. Авраменко.

КАРБАИ

Ханкуль. Юу-Даг. Камышта. Сагай.
Родные места пред тобой, Карбай!
Скорее свой ЗИС напой в пути
И дальше, в Аскизскую степь, лети.
Дорогой взгрустнется — так спой тахнах...

Портал далеко еще, он в горах,
Там камней да рытвин не счесть, мой друг.
Туда и на ЗИС'е пройдешь не вдруг.
Район позабыл о шоссе твоём —
Вниманье Южсибу теперь кругом:
Он только родился еще вот-вот,
А сколько младенец берет забот!

Ну, что же, гонись, выжимай педаль
За поездом тем, что уходит вдаль,
Как, помнишь ли — помнишь тот день иль нег? —
Ты, копох, за газиком мчал вослед
На сером степном жеребце верхом
Под хохот, что дружно гремел кругом.

В ту пору совсем молодым ты был,
На скачках себя показать любил,
И вдруг — состязаться решил всерьез
Ты с газиком — тем, что пришел в колхоз.
Ах, все это было давным-давно,
Теперь и тебе самому смешно:
Ведь ты же на газике том простом
Возил к элеватору хлеб потом.

А нынче — отличника знак, гляди.
Сияет, приколот к твоей груди,
Где рядом гвардейский, как луч, горит.
Не каждому Родина их дарит.

Горят на груди ордена страны,
Свидетели тяжких дорог войны;
То были дороги трудней в сто раз
Вот этой, которой спешим сейчас.
И твой студебеккер, что вез с собой
Снаряды, — завал проходил любой.
В лесах белорусских его стезя...

Те грозные дни позабыть нельзя.

Теперь пред тобой ковыли в пыли,
И шпалы, как клавиши, вдаль ушли.
Давно ли ты в степь их, сюда, привез?
А слышишь,— уже перестук колес!
Как фронту оружие в дни войны,
Строительству шпалы твои нужны!
Бензин, что везешь ты на всех парах,
Уже экскаваторщик ждет в горах.

..Ну, вот и Аскиз. Мне сюда. Прощай.
Тебе ж до Портала еще, Карбай.

Перевод *И. Авраменко.*

Геннадий Пономарев

Стихи о Туве

ЧЕРЕЗ САЯНЫ

Ели в юбочках зеленых
Вверх взбегают на белки.
Серым камнем пали склоны
К руслу узенькой реки.

Петли вьет в снегах дорога,
Под крылом крутой карниз.
Заезаешься немного —
И ракетой рухнешь вниз.

Спит в снегах больших Медвежка,
Черной гривой встала гарь.
Едем дальше, что нам мешкать!
Погрызем в пути сухарь.

От бессонницы и тряски
В голове стоит содом.
И не рад таежным сказкам:
Поскорей бы встретить дом.

Стали выше, круче горы,
И светлее синева.
В снежных, солнечных просторах
Впереди лежит Тува.

В БАЙ-ТАЙГЕ

Текут ручьи хрустальной чистоты
Меж гладких синеватых валунов.
Здесь юрта еще есть из бересты,
В которой жил когда-то зверолов.

Табак курил у входа до темна.
От голода и от заботы чах...
Обвал гудел, как топот скакуна,
Из трех камней не грел зимой очаг.

Сейчас он это помнит страшным сном:
В ногах не сохатина, пол из плах,
Не в юрту переехал, в новый дом,
Хлеба зазеленели на полях.

И только у костра, в глухую ночь,
Расскажет на охоте старожил,
Как хан увез единственную дочь,
Как хана пулей он с коня свалил.

По кругу трубка обойдет не раз,
И будут веки тяжелей свинца...
Когда придет к концу его рассказ,
Заря забрызжет на крутых гольцах.

* * *

В папахе широкой, в халате цветном,
Качаясь, как взрослый, в отцовском седле
Салчак едет с песнею в солнечный дом,
Что школой зовут в соседнем селе.

Поет, как на лето коней табуны
Угонит на горные склоны арат.
Бездонны озера там, травы сочны,
Росу из камней выжимает закат.

Поет, как ягненка отбил у орла...
Он знает, где в этой степи чернозем.
Спустя много лет из степного села
Вернется домой Салчак — агроном.

Трава нарядила курганы в шелка,
Свистит перепелкой сухой ветерок.
Степные просторы травы и песка
Прижать хочет крепко к груди паренек

А там, на вершине обрывистых скал,
Подножья которых дубки оплели,
Гранитом — ЛЕНИН — арат написал,
Любимое имя народов земли.

Чтоб в этой пустыне мальчонка степной
Смог вырастить пышке сияющий сад,
Великого Ленина царский конвой
Вез в ссылку полвека назад.

В ТУВИНСКОЙ ПУСТЫНЕ

Богини с глазами пустыми
Из камня
На желтых холмах.
Мираж голубеет в пустыне
Да боль
От жары на губах.
И ветры
Над гривой бархана
Все прежние песни поют...
В руинах буддийского храма
Жует караганник верблюд.
Притронешься к камню руками —
И пальцы как раз обожжешь...
Но будет здесь,
Знаю,
С годами
Расти колосистая рожь.

СОСЕДИ

Солнце и степь. Караганник колючий,
На склон грузовик, надрываясь, ползет.
Вода на исходе. Но было бы лучше
Не пить, чтобы меньше катился с нас пот.

Пасутся овец тонкорунных отары
Черными пятнами на желтизне.
Увидя нас, скачет от дальней кошары
Тувинец-арат на лихом скакуне.

«Соседи, эки¹», — нам кричит он. С машины
«Здравствуйте, эш!²», вдогонку летит.
Там, среди кустов, в низкорослой щетине,
У юрты пастушьей наш лагерь разбит.

Костер каждый вечер у юрты дымится
На старый ковер мы садимся вокруг,
И просит арат: «Расскажи о столице
Еще что-нибудь обязательно, друг».

Сидит, по привычке тихонько качаясь,
Глаза темнокарие полускрыв,
И чашку остывшего крепкого чаю
Отставит в сторонку, допить позабыл.

¹ Эки — здравствуйте

² Эш — друг, товарищ

Игнатий Рождественский

НОЧЬ ПОД КЫЗЫЛОМ

Весь день в горах клубилась синева
За ветровым стеклом автомобиля...
Уже открылась вдалеке Тува,
Но наш водитель, сна не пересиля,
Склонился на баранку головой,
Замолкла песня сильного мотора.

Шуршали ветви сочною листвою,
И вздрагивали сочные озера.

Чтоб не мешать шоферу своему,
Мы молча выходили из машины
Литые звезды падали во тьму,
Чуть озаряя смуглые вершины.

Катились волны неизвестных рек,
Все было близко здесь и незнакомо.
И где-то рядом притаился снег,
И водопад гулея средь бурелома.

И где-то рядом вспыхивали льды,
Спросонья в чаще бредили удоды,
И поднимались первые сады,
И молодые наливались всходы.

Ручьи с горы неслись во весь опор...
Унять бы их, чтоб больше не бурлили ...

Пусть отдохнет хороший наш шофер,
Пусть хоть часок поспит в автомобиле.

Он спал, как на подушке, на руке,
Дыханьем козырек приподнимая.

Шагал рассвет.
Совсем невдалеке
Уже рождалась песня горловая.

И наш водитель мигом сон стяхнул:
Его родная песня пробудила.
Он словно слышал Улуг-Хема гул
И узнавал созвездия Кызыла.

НА ГОРНОМ ПАСТБИЩЕ

Третий месяц на пастбище горном, чайлаге,
Где годами не таять слоистому льду.

Много надо терпенья, сноровки, отваги...
Но сейчас не об этом рассказ поведу.

Да, конечно, тебе тяжело без привычки.
Неуютно...
Опять не о том говорю.

Героине моей, синеглазой москвичке,
Над Тувою встречать молодую зарю.
Героине моей провожать мериносов
На росистую яшму высоких лугов,
Подниматься по тропам кремнистых откосов,
Пробивать пелену кучевых облаков.

Обходить в сапогах, от росы глянцевитых,
Все уголья свои, все владенья свои,
Удивляться неистовству речек сердитых,
Слушать, как распевают беспечно ручьи.

Знойным днем добывать холодок из колодца.
По безлюдной тайге пробираться молчком.
О шипы карагана в потемках колоться
И рассыпчатый сыр запивать кипятком.

С чабанами поспорить запальчиво, жарко:
Что ни делай, ночами пасти не хотят!

На беседу собрать смуглолицых доярок,
Попроведать смешных любопытных ягнят.

И нырнуть под косматый тулуп с головою,
Не успевши кудрей распустить по плечам.
Академию вспомнить свою под Москвою
И о милых Кузьминках вздыхать по почам.

И опять чабанов убеждать терпеливо...

В этих спорах всегда на твоей стороне,
Боевая на диво, живая на диво.
Молодая, как ты, Оюмаа Эртине.

И души ты не часешь в подружке-тувинке.
Веселей на чайлаге и легче двоим...

— Эртине, ты поедешь учиться в Кузьминки.
Пусть покамест насут чабаны по старинке:
Мы с тобой по старинке им жить не дадим.

РАЗГОВОР С ЕНИСЕЕМ

Словно море шквалистое с виду,
К небосводу поднимая вал,
Енисей высказывал обиду,
Енисей мне душу изливал.
С гордою великою рекою
Разговор вели мы до утра.

— Объясни мне, что это такое:
Поднялись плотины над Окою,
Шлюзами украсилась Кура,
Разлилась морями наша Волга,
Каме посчастливилось, а мне...
Ждать, скажи мне, долго иль недолго?
Как тут не завидовать родне!
Что там Волга!
Даже Чусовая...—

Енисей вздыхает тяжело,
Берегам покоя не давая,

—Иртышчү вот тоже подвезло...
Или вот Оби, моей соседке...
Перемычки вижу я вдали —
А меня и в новой пятилетке

Гоже почему-то обошли.
Я хвалиться попусту не стану,
Только я не оскудел водой,
И дарить мне жалко океану
Столько силы молодой.

От ударов гневного прилива
Мглистыя сотрясается грани...

—Что ж, твоя обида справедлива,
Только ты народом не забыт.
Руки до тебя не доходили,
Были руки заняты у нас —
А в твоём могуществе и силе
Мы не сомневались ни на час .
Ты у нас сегодня на примете:
На весь мир ты завтра прогремишь,
Озаришь и степь, и сопки эти,
Встанешь в строй, как Волга, как Иртыш

* * *

Неуютно тебе живется.
Сыро. Льются дожди ревой.
Из ущелья, как из колодца,
Тянет стужею день-деньской.

Нет и летом тепла в помине
Среди горной седой тайги...
Ноги вязнут в зыбучей глине,
Еле вытащишь сапоги.

Нет еще ни домов, ни улиц—
Только сизых костров дымки,
Только кедры стоят, ссутулясь,
Все в морщинах, как старики.

Недоделки да неполадки,
Порошков и микстур — в обрез ..
И твой фельдшерский пункт—в палатке
И вокруг притаился лес.

Одиноко. Изныло сердце
На краю родимой земли...

Что же мы, горняки, путейцы,
Нашей девушке не помогли?
Как же мы, покоряя реки,
Путь прокладывая в кедраче,
Позабыли о человеке,
О своем молодом враче?

Л. В. Гребнев.

О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА НА ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК

В 1937 году советский народ и все передовое человечество мира отмечали столетие со дня смерти гениального русского поэта, великого художника слова А. С. Пушкина.

Эта знаменательная дата в истории мировой культуры была отмечена и тувинским народом. На седьмом году после введения национальной письменности, менее двадцати лет тому назад, тувинский народ впервые смог прочесть поэтические произведения основоположника новой русской литературы на своем родном языке. Первые переводы стихов Пушкина были напечатаны в тувинских газетах в 1937 году.

За годы социалистического строительства в Советской Туве неузнаваемо изменился культурный облик тувинского, в недавнем прошлом кочевого, народа. Культурные силы области знают русскую классическую и советскую литературу, тувинские писатели создали такие художественные произведения, которые известны далеко за пределами Тувы как советскому, так и зарубежному читателю.

Любовь к литературе, любовь к поэзии вызвали не только увлечение Пушкиным в оригинале, на русском языке, но и стремление тувинских писателей передать его произведения на родном, тувинском языке, желание сделать доступными творения великого поэта широким массам тувинского народа.

Опыт переводческой работы показал, что различный грамматический строй тувинского и русского языков, различные системы стихосложения не являются непреодолимыми препятствиями на пути обмена и взаимообогащения литературно-художественными ценностями.

Тем не менее, различия в грамматическом строе языков, в словарном составе, отражающем различные исторически сло-

жившиеся условия жизни народов, а также различие эпох (пушкинской и нашей) создают большие трудности для переводчиков и требуют от них упорного труда, глубокого проникновения в оригинал и использования всех художественных средств родного языка.

Анализируя достоинства и недостатки переводов, мы исходим прежде всего из того, насколько верно в переводе переданы идейное содержание, мысли оригинала и насколько удачно и полно перевоплощены его художественные особенности.

В последние годы на тувинском языке вышли два сборника поэтических произведений Пушкина — «Стихи»¹ и «Поэмы»².

Переводы произведений Пушкина показывают в основном бережное отношение тувинских поэтов-переводчиков к мысли и слову великого русского поэта и доставляют, без сомнения, большое эстетическое и познавательное удовлетворение тувинскому читателю. Правда, не все переводы выполнены достаточно хорошо.

В первую очередь обратим внимание на правильное творческое перенесение содержания оригинала и, в связи с этим, на некоторые особенности в передаче отдельных грамматических конструкций на тувинский с русского языка на примере перевода отдельных произведений.

При переводе с одного языка на другой, особенно если эти языки разных систем, очень важно для переводчика усвоить синтаксическую связь в предложении оригинала и передать ее с учетом особенностей синтаксических связей родного языка.

От умения проникнуть в закономерности синтаксического соотношения двух языков в значительной степени зависит правильность перевода.

В этом отношении характерен пример двух вариантов перевода отрывка из «Медного всадника», посвященного описанию Петербурга.

У Пушкина все, начиная с «когда я в комнате моей...» и дальше, является обстоятельством времени к предложению «Люблю... твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный». Это одно предложение с большим периодом служит художественной характеристикой белых ночей, подчиняемой единой цели — описанию Петербурга.

В одном из вариантов перевода, сделанного Ю. Кюнзегешем, это предложение разорвано на два самостоятельных предложения.

Переводчик не проник в смысл оригинала, в структуру его предложения и допустил искажение содержания оригинала.

Поэт дает краткую, но насыщенную поэтическими образами характеристику белых ночей в Петербурге. И строки:

¹ А. С. Пушкин. — Шулуктер. Кызыл, 1953.

² А. С. Пушкин. — Шулуглелдер. Кызыл, 1954.

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампы... и т. д.

входят в характеристику этих белых ночей и связаны синтаксически с предыдущим, главным предложением. Но в переводе это главное предложение выделено в самостоятельное, а другая часть сложного предложения—придаточное—сделана самостоятельным сложно-подчиненным предложением. В результате получается так, будто, когда поэт поздней ночью читает без лампы, тогда в городе светло. Явление природы ставится в зависимость от человека. Таким образом, описание петербургских белых ночей в переводе разрушено.

Далее, переводчик необоснованно объединяет строки, посвященные описанию белых ночей, которые бывают летом, с другим предложением, где содержится описание петербургской зимы.

У Пушкина же логически и грамматически закончено описание белых ночей, а затем начинается другое предложение с описанием зимы.

Иначе подошел к переводу этого же отрывка С. Сюрюн-оол. Уловив смысловую и синтаксическую связь оригинала, он перестроил это довольно сложное предложение. Переводчик все обстоятельство времени — художественный образ белых ночей — поставил впереди определяемого понятия, в непосредственной близости к глаголу-сказуемому главного предложения.

Таким образом, придаточное предложение, являющееся пояснением к слову «ночи», в переводе С. Сюрюн-оола органически связано с текстом благодаря правильному построению предложения.

Однако, удачно разрешив сложную синтаксическую задачу по составлению предложения, С. Сюрюн-оол ввел в этот текст ряд фраз, не связанных с текстом грамматически. Из текста

Когда... ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

переводчик выпустил связывающие текст слова «ясны» и «светла» и получилось так, что «спящие громады» и «адмиралтейская игла» не служат цели описания белых ночей, повисли в воздухе.

Другой пример из перевода этого же произведения С. Сюрюн-оолом.

Отрывок:

Люблю... девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистым бокалов...

Здесь поэт пишет о девичьих лицах, румяных от мороза, о шумной веселости балов и о холостяцкой пирушке. Эти три небольших картинки С. Сюрюн-оол соединяет воедино и говорит о любви к пенистым бокалам в тот момент, в тот час, когда веселятся юности и розовощекие девушки.

Ошибка, искажение художественного образа здесь допущены потому, что переводчик соединил три предложения с самостоятельным содержанием каждое в одно, поставил их в смысловую и синтаксическую зависимость друг от друга.

При переводах стихотворных произведений, не имеющих строгой канонической формы, допустимо увеличение или уменьшение количества строк, отнюдь не обязательно сохранение количества строк данного стихотворения или отрывка оригинала. И в данном случае при переводе «Медного всадника» и другого поэм у переводчика была возможность довести до читателя полное содержание и художественную образность за счет некоторого уменьшения или увеличения количества строк в данном отрывке. Эта возможность и используется иногда нашими переводчиками.

Среди других переводов отличается точностью передачи идей и художественных средств, размера и ритма оригинала перевод стихотворения «Обвал». Видно, что переводчик (М. Кенин-Лопсан) старательно, кропотливо, со вкусом подыскивал, выбирал слова и образы из своего родного языка для того, чтобы добиться в переводе звучания оригинала. Переводчик глубоко осознал содержание оригинала, взаимосвязь, взаимообусловленность отдельных словосочетаний и предложений.

М. Кенин-Лопсан, не стремясь к буквальному переводу, точно передал смысл стихотворения в целом, его отдельных строф, сохранил ритм и размер стиха, а также средства художественного изображения.

Перевод удивительно легкого по звучанию, лаконичного, в высшей степени афористичного стихотворения «Роза» показывает, к какому искажению содержания может привести подход к переводу с позиции буквальной передачи текста.

Из содержания стихотворения в целом ясно, что строки

Не говори:
Вот жизни радости!

выражают суждение пессимизма, возражение против сравнения человеком своей жизни с увядшим цветком. Переводчик же (С. Сюрюн-оол) перевел так, что стихотворение потеряло свой смысл:

Не говори: но
Все-таки жизнь радостна!

Противоречив по своим достоинствам перевод стихотворения «Гречанка верная! не плачь,— он пал героем...». С. Сарыг-оол передал верно ритм и размер стиха, пошел ради полной передачи содержания на увеличение числа строк, нашел созвучные по смыслу и эмоциональному восприятию слова.

Однако в переводе допущены неточности из-за непродуманной перестановки слов в предложении.

В переводе многих стихотворений, а также поэм заметно желание переводчиков уйти от передачи сложных художественных образов оригинала, упростить их. Ни в коем случае не ратуя за буквальную, абсолютно точную передачу художественных особенностей подлинника, тем не менее мы считаем недопустимым упрощения, ведущие к искажению содержания

Можно, на наш взгляд, перевести строки:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз.

так, как перевел С. Сюрюн-оол: «Люблю твою холодную, жестокую, суровую зиму с ее недвижным воздухом...». В основном содержание передано, хотя перевод и перегружен эпитетами, относящимися к зиме: холодная, суровая, жестокая. Но недопустимо переводить слова:

Люблю... твоих оград узор чугунный.

таким образом:

Люблю твои крепко сделанные заборы...

Перевод этой строки оставляет тяжелое впечатление и эмоционально совершенно противоположен оригиналу.

Совсем непонятно будет читателю выражение (также из «Медного всадника») «и пунша пламень голубой», переведенное просто «пламень голубой».

Из-за недостаточной вдумчивости поэта С. Сюрюн-оола в переводимый им текст или по другим причинам допущены также искажения оригинала и в переводах других поэм великого поэта. В первых строках поэмы «Кавказский пленник» рисуется мирная живописная картина одного горного аула, мужчины которого преданы воспоминаниям.

При переводе строк

В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.

на тувинский язык переводчик обязательно должен был отказаться от буквального перевода, т. е. не мог сказать, что в ауле, на порогах своих юрт, черкесы праздные сидят, т. к. согласно старому обычаю, память о котором еще и сейчас жива среди

тувинского народа, сидеть на пороге юрты считалось предосудительным; точная передача образа русского оригинала, несомненно, вызвала бы неверную реакцию у читателя. Переводчик С. Сюрюн-оол, правильно отказавшись от буквального перевода, тем не менее допустил ошибку. Конкретный образ одного аула заменен многими аулами. Начало поэмы становится неправдоподобным: в каждом ауле черкесы сидят без работы.

Хорошо в целом выполнен С. Сарыг-оолом перевод поэмы «Полтава». Переводчик стремился наиболее полно передать всю глубину этой величественной национально-героической эпопеи, все особенности художественного воплощения одного из величайших событий русской истории.

Перевод поэмы легко читается, размер перевода близок к размеру стиха оригинала. Как и многие другие переводчики, С. Сарыг-оол отнюдь не стремится здесь к буквальному переводу оригинала. Он идет на увеличение количества строк или уменьшение их, если того требует содержание и художественные образы данного текста.

Так, хорошо переведено лирическое описание украинской ночи, правильно передан суровый образ Кочубея в темнице и его встреча с Орликом; лаконичен и точен перевод ответа Кочубея о трехкладах.

Однако не вся поэма написана переводчиком одинаково хорошо. В переводе той части поэмы, где описывается кульминационный пункт Полтавской битвы и дается образ Петра, С. Сарыг-оол допустил отдельные неточности.

Встречаются часто слова, выражения и художественные образы, к которым трудно подобрать подходящее слово или образ в тувинском языке. Здесь переводчик идет на расшифровку и упрощение трудно переводимых выражений, сохраняя их главное содержание. Например, «полнощные страны» С. Сюрюн-оолом переведено «сонгу чурттар» — северные страны.

Привлекая сокровища своего родного языка, С. Сарыг-оол нашел адекватный перевод некоторым художественным образам из стихотворения «Зимнее утро». Так, «Северная Аврора» переведено — «Северное сияние», а «Звезда севера» — образом, взятым из произведений народного творчества, в основе которого лежит название яркой Полярной звезды.

Но недостаточная требовательность переводчика к себе влечет к искажению оригинала. Так, строки

Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

в переводе выглядят так:

Единственное чернеет —
Редкий лес, зеленые ели.
Все — блестяще белое.

Переводчик не вдумался, как видно, в свой перевод, ибо мало что осталось здесь от чудесного описания живой картины зимнего утра.

Наряду с передачей содержания поэтического произведения от переводчика требуется донести до читателя это произведение со всеми художественными достоинствами и особенностями, которые и делают произведение поэтическим. В связи с этим встает вопрос о передаче тувинскими поэтами-переводчиками формы оригинала — его ритма, размера, строфики, рифмы и т. д.

Известно, что стихотворение строится на симметрическом повторении тех или иных звуковых особенностей речи, носящих ритмический характер. Эта особенность стихотворений относится в равной степени как к русскому, так и к тувинскому стихосложению. Поэтому переводы должны отражать эту специфику стиха.

Здесь, правда, необходимо учесть, что не всегда возможно, имея в виду конкретный случай перевода с русского на тувинский язык, передать стихотворный ритм и рифму оригинала в переводе. В силу того, что в тувинском языке ударение в словах стоит на последнем слоге и в стопе ударным является последний слог стопы, можно, например, сохранить ритм стихотворения, написанного на русском языке ямбом или анапестом, и не сохраняется ритм стиха, написанного хореем и дактилем.

Поэтому, если в переводе имеет смысл изменить форму оригинала, то переводчик вправе это сделать, избрав наиболее близкий к оригиналу размер и ритм.

Актуальным вопросом в работе переводчиков является возможность передачи рифмы русского стиха в тувинском.

В русском стихе рифма заключает строку, создает ритм стиха, т. е. имеет ритмообразующее значение.

Русское стихотворение имеет богатейшее разнообразие рифм. Богатство русского стиха усиливается еще и наличием различных вариантов в расположении, последовательности стихотворных строк, образующих строфы.

В русском стихосложении встречается двустишие, трехстишие, четверостишие и т. д., а роман в стихах «Евгений Онегин» написан 14-строчной строфой. Каждая из встречающихся строф имеет различное чередование рифмы.

Как показывает исследование А. Тогуй-оола..., «рифма в тувинском стихе пока не обязательна, но она есть и является од-

ним из факультативных организаторов звуковой стороны стиха»¹.

В тувинском языке рифма образуется с помощью морфологических и синтаксических определителей - аффиксов, вспомогательных глаголов и частиц.

Звуковым организатором тувинского стиха является аллитерация, «которая служит как бы звуковым сигналом новой строки в строфе и несет функцию, подобную рифме в других языках». «Аллитерация... есть начальная рифма, т. е. звуковой повтор в начале стихотворных строк²». Виды аллитерации разнообразны. При всем этом разнообразии форм стиха в тувинской народной поэзии значительно беднее, чем в русской, и носит качественно отличный характер.

Поэтому нельзя считать необходимость сохранения формы русского стиха абсолютной. Так, например, нет полной возможности сохранить рифму. Хотя здесь нужно отметить, что переводчики далеко пренебрегают рифмованием стихов — этим замечательным средством украшения звучания стиха. Народная тувинская поэзия показывает прекрасные образцы, имеющие рифму и звуковые повторы в середине слов.

В тувинском стихосложении есть налицо необходимые элементы для адекватной передачи форм русского стиха.

Поэты-переводчики, создавая свои собственные стихи, считают необходимым строго соблюдать рифму в стихотворении, правда, в начале строки, что характерно для тувинского стихосложения. Это не случайно — рифма украшает стихотворение, делает чтение его благозвучным. В переводах же считается допустимым отказ от рифмы: раз в тувинской поэзии конечная рифма не обязательна и невозможно передать рифму русского языка, то не следует и добиваться благозвучия стиха. Нам кажется, что это неверный подход к переводу, допускаемый в отдельных случаях. По крайней мере, тувинские стихи, переведенные на русский язык белым стихом, многое потеряли бы, но переводчики стараются передать начальную аллитерацию тувинского стиха конечной рифмой. С таким же успехом и тувинские поэты-переводчики в большинстве случаев переносят конечную рифму русского стиха в начале строки на тувинском языке.

Обращает на себя внимание перевод небольшого памфлета-эпиграммы «История стихотворца». Переводчик (Ю. Кюнзегеш) несколько изменил ритм и размер стиха, но перенес рифму в начало строк и сохранил ее в строках, состоящих всего лишь из одного слога: свист — лист, слух — бух. Содержание этих односложных строк-слов переводчик внес в основные

¹ А. Тогуллоо. Опыт исследования тувинского стихосложения. Ученые записки ТНИИЯЛИ, стр. 108.

² А. Тогуллоо. Ук. соч., стр. 103.

строки стиха, а их место заняла двухслоговая вспомогательная часть сложных глаголов и частицы, которые передают конечную рифму.

На наш взгляд, в основном удачно передается форма стихотворения «Узник» в переводе С. Сарыг-оола. Четверостишия «Узника» имеют парную рифмовку, написаны размером амфибрахий. Переводчик, сохранив размер оригинала, в начале строк дал также парную аллитерацию, заменив, таким образом, рифму русского стиха в соответствующих строках начальной аллитерацией. Однако ритм стихотворения в переводе не выдержан до конца.

Из-за отсутствия в нем звуковых повторов, которые передавали бы рифму оригинала, проигрывает несколько в целом хорошо переведенное стихотворение «Обвал».

В стихотворении рифмуются три первые и пятая строки, а также четвертая и шестая. Можно было бы передать эту особенность оригинала постоянной последовательностью начальной аллитерации, характерной для тувинского стихосложения, т. е. ввести рифму этих же строк в начале их. Если бы в переводе была одинаковая начальная аллитерация, также в 4-й и 6-й строках, имеющих одинаковое, но меньшее, чем в других четырех строках, количество слогов, перевод был бы более благозвучным.

«Зимнее утро» написано секстиной (шестистишием), рифма строго выдержана в каждой строфе: парная -- в первых двух строках и опоясанная — в следующих четырех. В переводе же эта звуковая особенность оригинала упущена. Более того, переводчик (С. Сарыг-оол) вообще не придерживается какой-либо определенной системы аллитерации. В каждой строфе строки аллитерируются различно, что недопустимо в переводах канонических форм стиха. Нужно сказать, что этим грешат многие переводы.

На наш взгляд, звуковые повторы с конца строки оригинала можно было бы соответственно перенести на начало строки в переводе.

Возможность сохранения своеобразия рифмы переводимых произведений можно видеть на примере перевода М. Кенин-Топсаном некоторых строф шестистиший в стихотворении «Воевода».

Таким образом, мы видим, что переводы стихотворений и поэм А. С. Пушкина, выполненные в основном верно, имеют целый ряд недостатков.

Переводчики не всегда правильно передают синтаксические конструкции в ряде случаев, допускают механический перевод, пропуски текста, отклонения от подлинника.

Анализ переводов стихотворений приводит также к выводу о необходимости сравнительного изучения поэтами-переводчи-

ками и литературоведами особенностей русского и тувинского стихосложений. Наиболее полная передача идейного содержания и художественных достоинств поэтических произведений, переводимых с русского на тувинский язык, возможна только при хорошем знании грамматики обоих языков, теории литературы, при вдумчивой и тщательной работе над переводами.

Внимательное изучение поэзии классиков русской литературы и стремление сохранить все достоинства их произведений, и в содержании и в художественной форме, может обогатить тувинскую литературу, подскажет новые пути тувинским поэтам в их творческих исканиях.

О КНИГЕ И МАСТЕРСТВЕ ПОЭТА

Олег Сувакпит известен тувинскому читателю, как автор ряда хороших стихов и текстов песен, как переводчик. В 1942 году в сборнике «Боевой клич» было опубликовано первое стихотворение 16-летнего поэта. Оно было посвящено родному краю, таящему в своих недрах огромные богатства и в делях лесов которого ходят непуганные звери, а над тайгой свободно парят птицы. Но это и ряд последующих произведений страдали подражательностью, внешней описательностью и увлечением зарисовкой пейзажа. Эти недостатки уводили автора от показа людей, творцов новой жизни, от изображения духовного мира человека-строителя. В одно время О. Сувакпит, учась у Маяковского «делать стихи», допускал ряд серьезных ошибок, выразившихся в перенятии чисто формальных сторон поэтики великого поэта, без учета особенностей грамматики тувинского языка и системы образного строя поэзии своего родного народа. Это привело его к туманным стихам, написанным не по лучшим образцам, а явно на манер футуристов. Поэтому стихи получились формалистические, мало понятные читателю, поэт ради рифмы иногда пренебрегал даже здравым смыслом. К счастью, старшие товарищи по работе своевременно указали на ошибки молодого поэта, и он начал настойчиво искать преодоления присущих своему творчеству недостатков.

Учеба в Театральной студии, в Центральной комсомольской школе и работа в редакциях газет оказали большую пользу в творческой работе поэта. Здесь он, изучив русский язык, получил возможность знакомиться с шедеврами русской классической и советской литературы, что помогло ему глубже вникнуть в сущность устного поэтического наследия ту-

винского народа. В это же время поэт начинает работать и как переводчик. В переводе О. Сувакпита были изданы книги стихов «Мой телефон» С. Михалкова, «Стихи детям» А. Барто, поэма «На родной земле» М. Познанской и недавно вышедший сборник «Стихи» Джамбула, в котором поэт выступает как основной переводчик. Кроме этого, тувинскому читателю знакомы его довольно удачные переводы стихов С. Щипачева, А. Малышко, С. Олейника, Абая Кунашбаева и других поэтов. Всё это, безусловно, оказало благотворное влияние на рост поэтического мастерства и расширение кругозора поэта. Тематика произведений его стала разнообразной, обогатилась образный строй языка, поэтическая речь индивидуализировалась, стала ясной и гибкой. Об этом думаешь, читая сборник стихов О. Сувакпита «Песни радости», выпущенный Тувинским книжным издательством.

В сборнике, составленном из произведений, написанных в 1945 - 1955 г. г., три раздела: «Песни Отчизне», «Стихи для детей» и «Басни». Юношеских стихов, о которых шла речь выше, в сборнике нет. Автор и редактор поступили здесь правильно, во-первых, потому, что эти стихи были слабыми, не отвечающими возросшим требованиям сегодняшнего дня и не характерными для творчества поэта, во-вторых, талант автора по-настоящему развернулся только в послевоенные годы.

В день окончания войны О. Сувакпитом было написано стихотворение «Пусть счастье наше будет прочное!», которое до сих пор остается одним из лучших поэтических произведений тувинской литературы, написанных на темы защиты мира. Основная мысль этого стихотворения заставляет читателя задумываться о дальнейшей судьбе завоеванного ценой великих жертв мира на земле, о необходимости защищать его от происков врагов мира. Стихи «Мир», «Голубь», «Американская мать», «Слово народа», «Полю Робсону», «Весна пришла» написаны на эту же тему. К ним примыкают такие произведения, как «Безработный», «Джон», в которых поэт изобразил американскую действительность. Джон весь день искал работы, а, вернувшись домой голодный и усталый, увидел, что гангстеры грабят его дом, растаскивают немудрые пожитки. А в то время генерал Чарлз, совершающий туристское турне по штатам, сообщает своему знакомому банкиру, что он «безработный», ему «ничего делать». Таковы нравы буржуазии в «свободной», «демократической» Америке, где

Вскрытое письмо
В честной руке.
Обагрено кровью
Убитой матери, шелестело
В шуме перекрестки.

Её убили агенты ФБР за антивоенный призыв, который вырвался из возмущенной материнской души после чтения письма сына, убитого в чужой стране за интересы толстосумов Уолл-стрита.

Мать убита. Но
Имя ее не убито, осталось живым.
Она будет вечно жива,
Будет она бойцом, вдохновляющим
В борьбе всего народа
Против войны, за мир.
(«Американская мать»).

В авангарде борцов за мир идет наш героический советский народ, знаменосцем мира, дружбы и сотрудничества между народами является наша великая Родина. Образ Родины, народа поэт создает в таких стихах, как «Другу украинцу», «Отечество», «Слава России».

Ее земля
Рудой богата, хлебом.
Ее поля ---
Под необъятным небом.
Орлы
Парят над областью лесною.
Волы
Ползут дорогою степною.
В морях
Ее --- большие пароходы.
В горах --
Простор для песни и охоты.
Равны
В правах и старики, и внуки.
Сыны
Сильны и сведущи в науке.
Моя
Россия --- мощная держава.
И я
От сердца говорю ей: «Слава!»
Араты мы,
Но прикажи Отчизна.
Солдаты мы
Под стягом коммунизма.

(Пер. С. Гудзенко).

пишет Сувакпит в стихотворении «Слава России». Родина в сознании поэта является воплощением всего лучшего и светлого. Он говорит, что наша страна -- это страна науки, культуры и труда, это твердыня мира во всем мире, это родина трудящихся, где стал возможным невиданный расцвет народных талантов, где граждане равноправны, свободны, где коллективная мудрость Коммунистической партии Советского Союза -- руководителя и вдохновителя всех побед советского народа направляет и указывает путь народам к вершинам коммунизма («Да здравствует партия!», «Моя Отчизна»).

В стихотворении «Моя Отчизна» поэт пишет:

Славлю тебя,
Дорогая Тува!
Славлю тебя,
Золотая Москва!..

Труд и наука
Свободны от пут,
Сила и мощь
С каждым годом растут!..

Здесь человек
Человеку не волк,
Братья навек мы
И знаем свой долг.

Долг наш - бороться
За мир на земле
Под золотую
Звездой на Кремле.

Вот почему
Я родною зову
Сердце земли —
Золотую Москву!

(Пер. П. Железнова)

О. Сувакпит по складу своего таланта — лирик. Он видит мир своими глазами и изображает его своеобразно, воплощая в собственных поэтических образах. Есть у него свой лирический почерк, своя система излюбленных поэтических приемов и изобразительных средств. Его стихи в большинстве написаны от первого лица, при этом без назойливого «я», без традиционной восточной орнаментики, без ложного словесно-го укрощательства. Вот лирическое раздумье поэта о коллективизации тувинской деревни:

Много есть в горах дорог, дорожек,
Тысячи тропинок скачут вниз,
А куда ведут они прохожих,—
Разгадать наверно—не берись.

Эти дороги вели раньше в одинокие юрты кочевников-аратов. Иной бы увлекся описанием горного пейзажа, картиной бешеной скачки на крутых берегах пенистых рек и ручейков, ведь тувинцы — лихие наездники. И неизбежно тут появился бы гордый орел или дикая коза. Но раздумье поэта направлено на другое:

По одной пойдешь, — кочевье предков
Опустело, заросло травой;
По другой пойдешь,— видать, что редко,
Редко скот ходил на водопой.

Расстелил тропинок сеть большую
Человек, шагая за скотом.
Кто теперь здесь ходит, кто кочует
На старинном пастбище пустом?

Заросли травой тропинки эти,
Время беспросветное прошло.
Лишь одна дорога на рассвете
Приведет в колхозное село.

(Пер. Ф. Фоломина)

О качестве перевода не берусь судить, но само решение гемы, по-моему, качественно отличается от некоторых стихов тувинских поэтов новизной. Тувинские поэты, обращаясь к теме коллективизации, долгое время не находили своих образов, отображающих это большое событие в жизни аратов. Поэтому появились такие стихи, как «В новом доме», «Новый поселок», «Новая жизнь», одни названия которых сразу наводят на мысль, как и о чем написаны эти стихи. Они страдали описанием обстановки внутри дома, фотографированием внешнего облика колхозного поселка, перечислением примет новой жизни тувинской деревни. Поэты В. Эренчин («Новый поселок»), Б. Ховенмей («В новом доме»), Л. Чадамба («Песня про МТС») и другие, в том числе и автор этих строк, не уходили дальше от усадьбы МТС, от поселка колхоза, глубоко не анализируя происходящие перемены в деревне во время коллективизации. Поэтому стихи были описательные, риторичные. А дороги эти, удачно найденный О. Сувакпитом образ, говорят о многом, картина, вызванная раздумьем поэта, оживает — есть о чем думать: в памяти читателя возникают картины прошлого и начинают в воображении мигать огни нового поселка колхоза.

Наряду с хорошими лирическими стихами в сборнике напечатано несколько басен поэта. Наиболее удачной из них является басня «Лисица и Медведь». Лиса пришла к Медведю, управляющему трестом, и просится на работу:

— А что вы можете? — спросил Медведь Лису.
— О! Пользу я для вас большую принесу!
Профессия любая мне знакома,
И я везде, — как дома!
Поверьте ли, где б я ни была,

Начальство мной не может нахвалиться
Ведь я на все дела —

Большая мастерица!
Я все могу!..

Расхвасталась плутовка
И так Медведя окрутила ловко,
И так ему залезла в душу,
Что, слушая Лису, Медведь развесил уши
И рот раскрыл.

-- Голубушка!
Тебя-то мне и нужно!
Я с радостью беру тебя на службу!

И тут же ей оклад солидный предложил
И место теплое — в курятник счетоводом.
Прошло полгода..
Ну, здесь конец понятен без труда.

(Пер. К. Макарова).

Своим произведением поэт напоминает некоторым нашим работникам о необходимости правильного подбора и расстановки кадров, о вреде подхалимажа, жертвой которого стал здесь неразборчивый и доверчивый Медведь. Общественное и литературно-художественное значение ее бесспорно. Правда, мне кажется, если автор не скупился бы на несколько иронические штрихи, образ Медведя стал бы четче и конкретней, ненужными были бы последние строчки:

Ну, здесь конец понятен без труда.
Нам только вывод нужен:
Медведь-растяпа — это не беда.
Вот человек-растяпа — это хуже!

Древний жанр -- басня -- в тувинской литературе только начинает свой путь: она пришла в Туву лишь в 1952 году. Первые опыты наших поэтов показывают, что эту работу нужно продолжать. В баснях С. Серена «Книга и портфель», С. Сюрюн-оола «Конь и Вор», «Суслик и Мышь» бичуются ротозеи, воры и расхитители общественной собственности. А басня О. Сувакпита «Лисица и Медведь» дает повод для разговора о природе этого древнего жанра и о возможностях развития его средствами тувинского языка, умножении традиции великого Крылова своей национальной традицией, колоритом Тувы. В этой басне О. Сувакпит сумел создать аллегоричные образы, чего не хватает, например, в баснях С. Сюрюн-оола «Козел и Коза», «Суслик и Мышь».

Действие в басне, сюжетность ее — необходимое условие жизнеспособности этого жанра и свободный размер, ритмическое разнообразие стиха дают поэтам большие возможности для работы в области формы и языка своих произведе-

ний, приучая их умению кратко и сжато рассказать о значительном, важном. В этой связи нужно заметить, что в басне «Лисица и Медведь» словоохотливая Лисица в некоторой степени затмила своей фигурой персону Медведя.

Интересно задумана басня «Тигр и Лев». Но эти звери в качестве персонажей попали сюда случайно. Рассказывая историю столяров льва-бракодела и тигра, качественно изготовившего мебель, поэт несколько упростил понятие басенного жанра, не сумел дать, по-моему, своего решения. Басни «Сова», «Козел и Кукушка», высмеивающие лодырей, летунов, много остроумней, и в них чувствуется знание автором фольклора, ощущается национальный колорит, хотя в них и есть языковые погрешности.

XIX съезд партии и II съезд советских писателей поставили задачу оружием сатиры бичевать все еще встречающиеся пороки и недостатки в нашей жизни, в совершенстве овладеть мастерством сатирического писателя. Поэтому развивать и совершенствовать свои знания и опыт в области басенного творчества — это наш долг.

Тувинские поэты в большом долгу перед маленькими читателями. Поэзией для детей почти никто не занимался, если не считать большой цикл стихов Л. Чадамба, помещенных в его книге «Счастье». Несколько стихов написали С. Сарыг-оол, Б. Ховенмей, С. Сюрюн-оол, но это скорее произведения для взрослых о жизни малышей, а не стихи для детей. Поэтому интересны и полезны стихи О. Сувакпита, написанные для детей. Их читаешь с большим удовольствием. Большинство этих стихов создано за последние годы. Наиболее удачны, на наш взгляд, стихи «Друзья», «Мяч», «Дело в знании», «Болтун», «Щенок». Хороши они тем, что в них поэт сумел создать конкретные образы детей, изобразил конкретные события из жизни школьников. А в поэзии иначе невозможно выразить общую идею — нельзя ни декламацией, ни декларацией. Эти стихи родились явно под влиянием прелестных стихов А. Барто. Ну, что же! Ведь учиться у мастеров нужно, только нельзя перепевать, опасно подражать.

Интересна работа О. Сувакпита над формой своих стихов. Традиционный размер тувинских народных песен, бытовых частушек очень близок к четырехстопному ямбу или хореек силлабо-тонического стихосложения. Большинство своих стихов поэт пишет именно этим размером, в то же время отказываясь от использования обязательного в народной песне особенно часто встречающегося в частушке синтаксического параллелизма. Например:

Через глубоководный Енисей
Плыть мне, аль не плыть?

Подружке, черноокой красавице,
Доехать, аль не доехать?¹

или:

Слублил березку и говорят,
Что это юрта твоя, неужели так?
Продали чужому и говорят,
Что это милый твой, только не быть тому!

Так пели до революции лишенные всех человеческих прав тувинские женщины, протестуя против жестокости феодальных законов, единственным обоснованием и оправданием для которых было судопроизводство на основе «девяти пыток». Теперь женщины Тувы - равноправные граждане нашей великой Отчизны, труженники колхозных полей, рабочие заводов, государственные деятели активные строители коммунизма.

Матери-героини вырастили
Мастеров высокого урожая,
Рабочих -- строителей моторов,
Часовых на нашей границе

ишет О. Сувакпит в своем стихотворении «Советской матери» и с гордостью восклицает: «Женщиной зовем мы матерей-тружениц». Сравнивая вышеприведенные отрывки, обнаружим большую разницу как в форме, так и в содержании их. Однообразный, почти дословно повторяющий первые две строки стих старинной песни при чтении кажется монотонным, бесконечно тоскливым, наводящим грусть. А когда поэт, используя тот же размер, не подчиняясь шаблону, отбрасывает старый прием и смело ищет новые пути, стих становится энергичным, сохраняя в то же время свое приятное музыкальное звучание.

О. Сувакпит для выразительности и наглядности языка своих произведений из всех поэтических образных средств чаще всего обращается к сравнению. Это, конечно, хорошо, но следует напомнить ему, что в тувинском языке имеется богатый арсенал поэтических эпитетов и различного рода тропов. Очень досадно, что отвлеченные фразы, витиеватые сравнения, вялые, многословные, лишенные энергии строки все еще встречаются в таких стихотворениях сборника, как «Композитор», «Аалчы-чазым» («Весна пришла»), «Пионерский костер». Прежде чем включить их в сборник, следовало бы редактору и издательству поработать с поэтом.

Нельзя не согласиться с автором рецензии, напечатанной в газете «Молодежь Тувы», А. Калзаном, который вскрывает

¹ См. запись Ф. Кона. За пятьдесят лет, т. 3.

ряд погрешностей языка произведений О. Сувакпита. В «Песнях радости» встречается немало недостатков в области языка. Увлекаясь вопросами формы, автор допустил нарушения грамматических норм, а редактор сборника не обратил на них внимания.

Как козел, щиплющий верхушки трав,
Не знающим постоянного присташица,
Меняющим работу одну за другой,
А (?) басня эта пусть примером послужит.

(Козел и Кукушка).

Ясно, что союзное слово «а» применено без всякого смысла и надобности.

Встречаются случаи произвольного искажения законов словообразования. Например, слово «чуртталга» (жизнь) употреблено как «чурттал», что потеряло всякий смысл. (В стихотворении «Весна пришла»).

Также встречаются случаи нарушения правил применения эпитетов и сравнений. Например, в стихотворении «Другу» есть такие строки:

Я вижу буквы письма,
Что мгновенно (?) рисуешь ты.

Непонятно, как можно рисовать мгновенно.

В стихотворении «Пионерский костер» о полицейском сказано, что он шалун или баловник. Разумеется, было бы непозволительно так мягко говорить о жестоком, бессердечном полицейском. В этом же стихотворении сказано:

Словно заря поздней ночи(?)
Флаги красные светились...

Всякому ясно, что заря ночи не может светиться как красные флаги, или, наоборот, цвет красных флагов не может соответствовать ночной мгле. Это—результат легкомысленного отношения к серьезным вопросам литературного творчества.¹

Дальше рецензент говорит об отсутствии глубины поэтической мысли в некоторых стихах поэта, о слабой работе над обогащением своего поэтического словаря.

Но таких стихов немного, и не они определяют качество сборника.

В таких стихах, как «Слава России!», «Пусть счастье наше будет прочное!», «Отчизне», «Кызыл», ясно слышится ритм Маяковского, что, безусловно, надо считать положительным

¹ «Молодежь Тувы» № 83 (2084) от 13 июня 1955 г. А. Калзан. «За высокое мастерство поэзии».

результатом настойчивых поисков новых форм. Интонационный стих, рассчитанный на чтение вслух, делает их мужественными и торжественно-взволнованными. Здесь нужно указать, что эти качества—не результат простой разбивки стихов на лесенки, а итог более сложной и трудной работы над звуковой и ритмичной организацией стихов.

Звуковые организаторы стиха — аллитерация и ассонанс в тувинском стихосложении играют очень важную роль, будучи существенно отличными от общепринятого в терминологии силлабо-тонического стиха определения этих поэтических приемов инструментровки стихов, они несут в тувинском стихосложении функцию рифмы, но не заменяют ее. Почему? Да потому, что в тувинском стихе аллитерация, без созвучия гласных звуков в начале строк, без точного совпадения согласных и гласных в первых слогах каждого стиха,— **ничто**. Главную организующую роль здесь играет созвучие гласных звуков, а согласные лишь усиливают их, придают им большую четкость. Поэтому аллитерация или ассонанс, взятые отдельно без учета влияния одного на другой, даже не мыслятся. О. Сувакпит в своих стихах придерживается этого правила. Но поэт совершенно не обращает внимания на то, что тувинский фольклор дает прекрасные образцы не только начальных созвучий, а также созвучий в середине и конце стиха.

Грамматический строй тувинского языка дает богатый материал поэту по возможности вплотную заняться проблемой конечного созвучия—рифмы. Опыт поэзии казахского, хакасского и других народов позволяет говорить нам, что не за горами то время, когда рифма будет у нас жить полной жизнью. Если будем сидеть, ссылаясь на авторитет великого поэта, коргый, хотя в шутливом тоне, сказал:

Может,
пяток
небывалых рифм
Голько и осталось,
что в Венецуэле,

то действительно нам придется ездить за рифмами еще дальше. Пусть это будет сказано не в упрёк О. Сувакпиту. Этим я хочу выразить свое желание увидеть «пяток небывалых рифм» в дальнейших работах наших поэтов, от которых читатель ждет высокоидейных, художественно полноценных, образцовых творений.

В. П. Барцевич.

СТИХОТВОРЕНИЯ ЮРИЯ КЮНЗЕГЕША ¹

Литературная биография Ю. Кюнзегеша началась в знаменательный для Тувы 1944 год. В первых стихотворениях семнадцатилетнего поэта сразу же обнаружилась одна из особенностей его творчества—глубокий интерес к событиям современности и умение откликнуться на них художественным словом. Поэт писал в одном из своих стихотворений о том, что

Тувинцы при советском строе
Живут вольнее вольных птах.

С тех пор тема социалистических преобразований родной Тувы, преобразований в экономике, культуре, взглядах людей стала основной темой стихотворений Ю. Кюнзегеша. Он чутко ловил бурный темп новой жизни и запечатлел это в выразительной художественной формулировке:

Но жизнь в безудержном движении,
Круша устои старины,
Дохла бурей обновленья
В степях забытой стороны.

Эта «буря обновленья» охватывает различные стороны жизни. Пришел конец вековому кочевью, и наступило время,

Когда в заброшенном углу
Дымка над юртой не стаю,
И ветром разнесло золу.

(«На далекой окраине»).

Отказ от старых привычек происходил сразу далеко не всегда. Бабушка, привыкшая к юрте, уверяет, будто

¹ Юрий Кюнзегеш. Стихотворения. Москва, 1954 г.

В доме душно, в доме жарко,
Разболится голова,

и отказывается перейти в новый дом вместе с семьей. Но, когда внучка пионерка возвращается из Артека, она с радостным удивлением видит бабушку на пороге нового дома и слышит похвальное слово по его адресу. («Моя бабушка»).

Герои книги, за которыми, как пишет автор, «и правда, грядущее», — колхозники и колхозницы, каменщики, рабочие, геологи, студенты... Их героизм и мастерство радуют и волнуют поэта, и его стихотворения звучат как гимн их творческому, созидательному труду. Лучшее из них — «Степной мотив», где величественная тема колхозной мощи и довольства получает совершенное поэтическое решение.

Поэта интересует не только труд, но и обновленные чувства людей — любовь и дружба. Некоторые из стихотворений этого цикла представляют прекрасные образцы лирического мастерства. Пожалуй, самое удачное из них: «Нет, радость не выразишь, как подаянье».

Стихотворения Ю. Кюнзегеша часто содержат поэтические картины природы — гор, лесов, степей. Любуясь ими, автор смотрит на них глазами хозяина, думает о людях. Так, один из элементов красоты зимнего леса составляет «разговорчивый топор», помогающий аратам покидать юрты. («Зимой»).

Настроение всех стихотворений сборника точно и энергично выражено в словах, с которыми автор обращается к В. Маяковскому:

И парни,
 что в степь выгоняют табун,
И девушки,
 насадившие сад
В краю моем,
 прежде забытом всеми,
О жизни своей:
 «Хорошо!» — говорят,
Как ты
 в знаменитой поэме.

Большая часть стихотворений Ю. Кюнзегеша создает светлый и поэтический образ родного края. Остальные посвящены Москве и московским впечатлениям поэта, дружбе народов и Владимиру Маяковскому и Назыму Хикмету... Обращаясь к Москве, Ю. Кюнзегеш с гордостью восклицает:

Москва, ты источник дружбы,
 и нет той выше награды:
Знать, что большое сердце
 народам нашим дано.
(«Знакомство в Москве»).

Сборник завершается стихотворением «День моей Родины», в котором поэт убежденно заявляет, что придет время, когда «с нашей песней рассветной народы земли свои песни сольют».

Стихотворения Ю. Кюнзегеша содержат весьма положительную самохарактеристику. Их тематика разнообразна и современна, их идейность высока, а художественные достоинства несомненны. Однако в области содержания молодому поэту можно сделать ряд упреков. Уже говорилось, что тесная и живая связь с современностью—сильная сторона его поэзии. Нельзя упрекать поэта за то, что его произведения только изредка и ненадолго прикасаются к прошлому. Но можно пожелать ему делать это более активно. Многие эпизоды из истории Тувы содержат богатейший материал для поэтических произведений. Без сомнения, к числу таких эпизодов принадлежит восстание «60 богатырей»—славная страница в жизни тувинского народа. И каждый поэт должен пробовать свои силы в решении этой прекрасной темы, пока не будет создано поистине классическое произведение тувинской поэзии. Поэтической обработки ждет замечательно богатое, но мало известное устное творчество тувинского народа.

Есть у Ю. Кюнзегеша стихотворение «Кызыл». Оно не вызывает удовлетворения, потому что представляет собой мимо-летное обозрение города. Автор, например, только упоминает об учительском институте («об этом в песне расскажи!»), а ведь это, без сомнения, самостоятельный объект изображения. И вообще невозможно ограничиться поэту, живущему в Кызыле, одним или двумя стихотворениями об этом городе. Неплохо, если бы поэты решились создать цикл стихотворений, посвященных Кызылу. Его новые дома, школы, его асфальт, зеленые насаждения, а главное — люди требуют персонального поэтического внимания. Город растет так быстро, что в его хозяйстве не может не быть недостатков. А они весьма нуждаются в литературном освещении. Для этого нужно овладеть критикой с помощью смеха — сатирой. От этого поэзия может стать только еще более действенной. Нужно постоянно помнить В. Маяковского и учиться у него.

Потребность в расширении тематики стихотворений Кюнзегеша не вызывает сомнений. Хронологический подсчет стихотворений подводит к вполне определенному выводу. В 1948 году было написано 5 стихотворений, в 1949 — 4, в 1950—3, в 1951—1, в 1952—5, в 1953—2.

Изумительное разнообразие и богатство действительности, способности Ю. Кюнзегеша предполагают возможность более частого и активного вторжения в жизнь.

Тувинская поэзия, как и вся молодая тувинская литература, не имеет давних традиций и продолжительных творческих связей с литературами других народов. Поэтому, говоря о мастерстве, нужно помнить, что поэзия Тувы создается в результате мужественного и новаторского труда ее поэтов. Здесь все — «езда в незнаемое». (Маяковский).

Излюбленный жанр Ю. Кюнзегеша — небольшие стихотворения лирического или очеркового характера, которые в целом представляют краткую поэтическую летопись жизни родной области. Но чувствуется, что в этих узких жанровых рамках поэту становится тесновато. Эта, быть может, неосознанная самим Ю. Кюнзегешем потребность обнаруживается, например, в создании цикла стихов на одну тему: «Москва в душе моей». В этом чувствуется тяготение к произведениям большего объема и прежде всего — к поэме. Некоторые стихотворения имеют явно песенный склад и могут быть переложены на музыку. В этом смысле первоначальное название сборника — «Степные мотивы»¹ — точно характеризовало песенный характер стихотворений Ю. Кюнзегеша. В московском издании название стало лбугим, просто — «Стихотворения». Это, конечно, менее поэтично, зато гораздо точнее определяет содержание сборника, в котором стихотворения имеют не только местную тематику. Ю. Кюнзегешу нужно подумать о жанровом расширении своего творчества — о создании поэм, песен, баллад.

Чувствуется напряженная работа автора над композицией его стихов. Некоторые из них свидетельствуют о серьезных успехах в этой области («Степной мотив», «Нет, радость не выпросишь, как подаянье»). Рисуя картину колхозного года, автор каждому его периоду (весне, лету и т. д.) отводит строфу, заканчивающуюся четким двустипием. Правда, нельзя считать равноценной другим четвертую, так сказать, зимнюю строфу, где говорится о новых домах и кузнечном горне. Но отчетливость построения, последовательность в движении мысли достигнуты еще не везде. В стихотворении «Еще наш город...» смысл событий воспринимается смутно, не сразу, требуется 2—3 раза перечитать стихотворение, чтобы разобраться в нем.

Ю. Кюнзегеш может создавать поэтический образ с помощью нескольких слов. Он пишет:

Лишь столб упал, стоявший на границе,
И посетить Прибалтику я смог
И в праздник отвезти поклон столице.

¹ Кызыл. 1952 г.

Пространства «родимого уголка» — Советской Тувы поэт характеризует словами:

Орел могучий крылья натрудит,
Но Родины простор не облетит.
(«Думы о Родине»).

Или вот детали, очень удачно помогающие яркой обрисовке жгучего местного лета:

И красное солнце сильнее печет,
И медленней белая птица летит.

Изменения в колхозе за 5 лет поэт начинает изображать так:

Лишь по березке за бугром
Узнал я свой колхозный луг.

Это, конечно, несравненно сильнее, чем любое рифмованное перечисление, тем более, что этот поэтический штрих дополняется картиной работы на лугу. («На покосе»).

Но по временам чутье изменяет автору. Обращаясь к Кызылу, он восклицает с несколько чрезмерным пафосом:

Мы, верные твои сыны,
(«Кызыл»).

А прощание с другом содержит такие строки:

Вот Саяны скрыли от взора,
Ненаглядный тебя вдали.
(«Другу хакасу»).

Вряд ли, даже расставаясь, мужчины могут говорить так. Иногда совершенно неоправданно нарушается тональность стихотворения. Начало «Каменщика» торжественно:

На небе-огненный закат,
Свершает солнце путь номады.
За гребни гор, хребты громад
Ему закатываться надо.

Через две строфы тот же пейзаж без всякой мотивировки приобретает иные, мягкие, ласковые краски:

И солнышко, устав от дел,
На гребнях задержалось милых.

Кроме того, пейзаж в этом стихотворении, как и в некоторых других, играет пассивную роль рамки, а не фона, органически связанного с переживаниями героев. В таких маленьких произведениях, как стихотворения, пейзаж не должен быть

нейтральным. Как только он лишается внутренней связи с людьми, он начинает казаться не то излишним, не то искусственным.

В пейзажной лирике поэт слишком активно использует полюбившиеся ему слова и обороты, почти не разнообразя их. Например, слово «хребты»: хребет Таңды («Дума о Родине», «На вокзальной площади»), хребты громад («Каменщик»), высокие хребты («Моя Москва»), гранитные хребты («Дума о Родине»)... Эта важнейшая деталь пейзажа—хребты—оказывается чрезвычайно однообразной, а поэтому художественно обесцененной. В подобных случаях нужны особенно тщательные поиски такого поэтического сопровождения, как выразительные эпитеты, сравнения и т. д.

В стихотворениях Ю. Кюнзегеша довольно редки стандартные обороты. Но все-таки они есть. И там, где встречается штамп, серьезно нарушается художественная цельность стихотворения. Вот слова каменщика, завершающие стихотворение:

Доволен я, служба Отчизне:
Ведь с каждым новым кирпичом
Все выше стройка коммунизма.

Здесь нужно не легкое повторение, а неустанные поиски новой формы, иначе идейная вершина стихотворения оказывается самым слабым его местом.

В ряде случаев изъяны поэтического текста должны быть отнесены к работе переводчиков.

Переводы, по всей вероятности, делаются с большей ориентацией на подстрочник, чем на подлинник. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что в русских текстах стихотворений Ю. Кюнзегеша очень редко встречаются тувинские слова, а они должны быть, по крайней мере, самые характерные и меткие.

Ю. Кюнзегешу, как свидетельствуют его стихи, свойственно чувство юмора, и нельзя не пожелать, чтобы он энергичней пользовался им в своем творчестве.

Представитель молодого поколения поэтов, которые вместе с опытными мастерами художественного слова создают тувинскую поэзию, Ю. Кюнзегеш добился серьезных успехов. Его стихи — шаг вперед в развитии тувинской поэзии и укреплении ее авторитета среди читателей нашей страны.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЛИТЕРАТУРА О ТУВЕ

Ю. Л. Аранчин. Тува в дни Великой Отечественной войны Советского Союза. На тувинском языке. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1954 г.

С. Вайнштейн. Камнерезное искусство тувинцев. Советская этнография, № 3, 1954 г.

С. Георгиевская. Серебряное слово. Повесть. Журнал «Новый мир», № 9, 1955 г.

Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

С. Гудзенко. Поездка в Туву. Стихи. Альманах «Год XXXII», 1949 г.

В. М. Иезуитов. Братская дружба русского и тувинского народов. Перевод с русского. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

Г. Курочкин. На берегах Улуг-Хема. Записки геолога. Москва, «Молодая гвардия», 1955 г.

Ю. Кюнзегеш. Стихотворения. Перевод с тувинского. Москва, «Советский писатель», 1954 г.

В. В. Осипова, В. А. Соколов, А. П. Глотов, Г. М. Тапханак. Колхоз «Путь к коммунизму». Дзун-Хемчикского района. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

Передовой опыт сельского хозяйства Тувы. Бюллетень областного управления сельского хозяйства ТАО № 1-2. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

Л. Поталов. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. «Советская этнография», № 2, 1953 г.

Е. Рябчиков. Большой порог. Библиотека «Огонька». Москва, 1955 г.
Русско-тувинский словарь. Под редакцией А. Пальмбаха. Москва, 1953 г.

Н. А. Сердобов. Народное образование в Туве. (Краткий исторический очерк). Кызыл, Тувкнигоиздат, 1953 г.

Х. М. Сейфулин. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1954 г.

С. Тока. Слово арата. Повесть, перевод с тувинского. Москва, «Советский писатель», 1950 г.

Тувинские народные сказки. Перевод с тувинского. II изд., Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

Тувинские народные пословицы и поговорки. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

Тувинско-русский словарь. Под редакцией А. Пальмбаха. Москва, 1955 г.

Ученые записки ТНИИЯЛИ. Выпуск I, 1953 г. Выпуск II, 1954 г. Выпуск III, 1955 г.

П. А. Шахунова, Б. Н. Лиханов. Советская Тува (природа, население, хозяйство). Кызыл, Тувкнигоиздат, 1955 г.

КНИГИ НА ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

- (Издания Тувинского книжного издательства)
 Тувинские пьесы. Сборник. 1952 г.
 Писатели Тувы. Сборник. 1954 г.
 Песни Родины. Сборник. 1953 г.
 Улуг-Хем. Литературно-художественный альманах, № 7—8, 1954 г.,
 №№ 9, 10, 1955 г.
- С. Тока.** Слово арата. Повесть. 1951 г.
Л. Чадамба. Счастье. Стихи. 1951 г.
О. Саган-оол. Парень из сумона. Рассказы. 1951 г.
О. Саган-оол, Ю. Кюнзегеш, А. Мазуревская, Л. Гребнев. Краткий очерк тувинской литературы. 1952 г.
С. Сюрюн-оол. Первая книга. Стихи. 1952 г.
Ю. Кюнзегеш. Степные мотивы. Стихи. 1952 г.
С. Сарыг-оол. Советская Тува. Стихи и рассказы. 1953 г.
О. Сувакпит. Песни радости. Стихи. 1955 г.
Б. Ховенмей. Вместе с друзьями. Стихи. 1955 г.
В. Эренчин. Стихи. 1955 г.
С. Сарыг-оол. Рассказы. 1955 г.
С. Тамба. Каша в кувшине. Тувинская сказка в стихах. 1955 г.
А. Калзан, С. Сарыг-оол. О литературе. 1955 г.
А. С. Пушкин. Дубровский. Перевод О. Саган-оола. 1952 г.
А. С. Пушкин. Повести Белкина. Перевод Д. Монгуш. 1953 г.
А. С. Пушкин. Поэмы. Перевод С. Сарыг-оола, С. Сюрюн-оола. 1954 г.
А. С. Пушкин. Стихи. Переводы Б. Ховенмея, С. Сарыг-оола, М. Кенин-Лопсана, Ю. Кюнзегеша, С. Тамба, С. Сюрюн-оола. 1952 г.
А. С. Пушкин. Цикловая дама. История села Горюхина. Переводы А. Делгер-оола, М. Хомушку. 1955 г.
М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Перевод О. Саган-оола. 1950 г.
П. П. Ершов. Конёк-горбунок. Перевод С. Сюрюн-оола. 1952 г.
И. А. Крылов. Басни. Переводы С. Сарыг-оола. 1952 г.
Н. А. Некрасов. Крестьянские дети. Стихи в переводах С. Сарыг-оола, Л. Чадамба, Ю. Кюнзегеша, С. Сюрюн-оола. 1952 г.
М. Горький. Мать. Перевод С. Сарыг-оола. 1952 г.
М. Горький. Детство. Перевод С. Серена. 1952 г.
М. Горький. В людях. Перевод О. Саган-оола. 1954 г.
М. Горький. Мои университеты. Перевод Б. Ондара. 1955 г.
М. Шолохов. Поднятая целина. Перевод О. Саган-оола. 1949 г.
М. Шолохов. Слово о Родине. Перевод О. Саган-оола. 1954 г.
А. Фадеев. Разгром. Перевод С. Тамба, Д. Монгуш. 1953 г.
А. Фадеев. Молодая гвардия. Переводы Ю. Аранчина, С. Сюрюн-оола.
 Б. Ондара, Д. Монгуш. 1955 г.
С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды. Переводы С. Серена, С. Тамба. 1952 г.
С. Бабаевский. Свет над землей. Переводы О. Ширапа, Н. Тава-Самбу. 1954 г.
Даниэль Дефо. Робинзон Крузо. Перевод М. Момбужая. 1954 г.
Э. Войнич. Овод. Переводы Н. Тава-Самбу, К. М. Аракча. 1955 г.
С. Щипачев. Павлик Морозов. Перевод Ю. Кюнзегеша. 1952 г.
М. Познанская. На родной земле. Перевод О. Сувакпита. 1953 г.
Е. Юнга. Бессмертный корабль. Перевод М. Кенин-Лопсана. 1953 г.
Н. Островский. Как закалялась сталь. Перевод С. Серена. 1951 г.
 Украинские писатели. Сборник. 1954 г.
Джамбул. Стихи. В переводах С. Сарыг-оола, О. Сувакпита, М. Хомушку, М. Кенин-Лопсана. 1955 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ

Салчак Тока. «Слово арата». Повесть. Главы из II книги. Авторизованный перевод с тувинского А. Тэмира.	3
«Осуществленная мечта». Пьеса. Авторизованный перевод с тувинского Е. Меркуловича.	24
Олег Саган-оол. «Не той дорогой». Авторизованный перевод В. Ермолаева.	71
Михаил Пахомов. «В предгорьях Танну-Олы». Отрывки из повести	82

СТИХИ

Степан Сарыг-оол. Любимый сын моей матери. Пер. Ф. Фоломина.	102
Пастух, дошедший до Москвы. Пер. М. Скуратова.	103
Картины Элегеста. Пер. О. Ивинской.	104
Хлеб. Пер. Ф. Фоломина.	105
Путник. Пер. Т. Сикорской.	106
Зимой. Пер. С. Бамдас.	106
Поколения. Пер. М. Скуратова.	107
Первая песня. Пер. М. Скуратова.	107
Сирота. Пер. Ф. Фоломина.	108
Хомус говорит. Пер. С. Гудзенко.	109
Айкара Ховенмей. Окрылённый народ. Пер. О. Ивинской.	111
Великая весна. Пер. Ф. Фоломина.	112
Они встретятся. Пер. Е. Старининой.	112
Устарелая бумага. Пер. А. Жарова.	113
Леонид Чадамба. Кто я? Пер. Е. Стюарт.	115
На пастбище. Пер. Ф. Фоломина.	115
В поезде. Пер. Ф. Фоломина.	116
Василий Эренчин. Пастушка. Пер. Ф. Фоломина.	117
Тувинский школьник. Пер. М. Скуратова.	118
Виктор Кюнзегеш. Москва — в душе моей. Пер. И. Верюкина.	120
Чеди-Даг. Пер. О. Ивинской.	120
Долина речки. Пер. О. Ивинской.	122
Охотник Санча. Пер. О. Ивинской.	122
«Дидир-дидир». Пер. В. Камнева.	123
Алим Сюрюн-оол. Моя страна. Пер. С. Гудзенко.	125
Почталён. Пер. А. Ойслендера.	125
Перед рассветом. Пер. С. Козловой.	126
Гуман. Пер. С. Козловой.	127
Жаворонок. Пер. С. Козловой.	127
Родник. Пер. С. Козловой.	128
Проводы. Пер. С. Козловой.	128

Олег Сувакпит.	Другу. Пер. <i>О. Иезинской.</i>	13
	Дорога. Пер. <i>Ф. Фоломина.</i>	131
	Лисица и Медведь. Пер. <i>К. Макарова.</i>	131
	Щенок. Пер. <i>М. Скуратова.</i>	132
Салчак Тамба.	Охотняки. Пер. <i>Ф. Фоломина.</i>	134
	Подарки. Пер. <i>А. Тэмира.</i>	135
Монгуш Кевин-Лопсан.	Моему великому старшему брату. Пер. <i>С. Козловой.</i>	140
	В дороге. Пер. <i>С. Козловой.</i>	141
	На вершине гор. Пер. <i>С. Козловой.</i>	141
	Русский язык. Пер. <i>В. Цвелева.</i>	142
	Плющ-охотник. Пер. <i>С. Козловой.</i>	143
Кызыл-Эник Кудажы.	Приезжай! Пер. <i>В. Цвелева.</i>	145
Елена Старинина.	Сказка о Кодур-ооле и Биче-Кыс. Стихотворная передача тувинской сказки	146

СТИХИ НАШИХ СОСЕДЕЙ

Михаил Кильчичаков.	Старая лиственница. Перевод с хакасского <i>И. Рождественского.</i>	
	Клятва. Пер. <i>П. Мухина.</i>	
Николай Доможаков.	Табунщицы. Пер. <i>И. Авраменко.</i>	159
Михаил Одаев.	Кербай. Пер. <i>И. Авраменко.</i>	160
Геннадий Пономарёв.	Стихи о Туве.	162
	Через Саяны.	162
	На реке Элегест.	163
	В Бай-Тайге.	164
	В тувинской пустыне.	165
	Соседи.	165
Игнатий Рождественский.	Ночь под Кызылом.	167
	На горном пастбище.	168
	Разговор с Енисеем.	169

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Леонид Гребнев.	О переводах поэзии А. С. Пушкина на тувинский язык	171
Юрий Кюнзегеш.	О книге и мастерстве поэта.	181
Вадим Барцевич.	Стихотворения Юрия Кюнзегеша.	191
Книжная полка		197

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
59	4 сверху	прывык	привык
60	1 сверху	Бичие-оол	Бичи-оол
92	9 снизу	путьем	путьев
141	9 снизу	на вершине гор	над вершиной гор

Улуг-Хем № 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**О. САГАН.ООЛ.
С. САРЫГ.ГОЛ.
С. СЮРЮН.ООЛ.
Ю. КЮНЗЕТГШ.
М. КЕНИН.ЛОПСАН.**

Редакторы: Л. Гребнев, К. Азов, С. Козлова.

Техн. редактор Д. Седип. Корректор А. Соколова.

Сдано в производство 21/XII—1955 г.
Подписано к печати 26/I—1956 г. Формат 60×92¹/₁₆.
Объем 12,5 п. л. 14,2 уч.-изд. л. 10,2 а. л. Тираж 2000 экз.
Цена 5 р. 70 к. ТС—00511. Заказ № 3098

Тувинское книжное издательство, Кызыл, Интернациональная, 7.

Типография Управления культуры, Кызыл, Щетинкина, 1.

36-00

Цена 5 р. 70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СОВЕТСКОГО ПЕЧАТНИКА

МОСКВА
1936